

№10

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

08|24

НАТЕ

ПЬЕСЫ. СЕРИИ

18+
содержит
нецензурную брань

НАТЕ

ПЬЕСЫ. СЕРИИ

18+
содержит
нецензурную брань

Главный редактор: Мария Тухто

Редакционная коллегия:

Юлия Афонина

Ирина Бондырева

Ада Насуева

Александра Сулова

Дизайн обложки:

Светлана Подаруева

Иллюстрации:

Анна Боронина

Лиза Ермакова

Вика Левотаева

Виктор Лукьянов

Светлана Подаруева

Верстка: Мария Тухто

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://natelit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

Рукописи не рецензируются.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

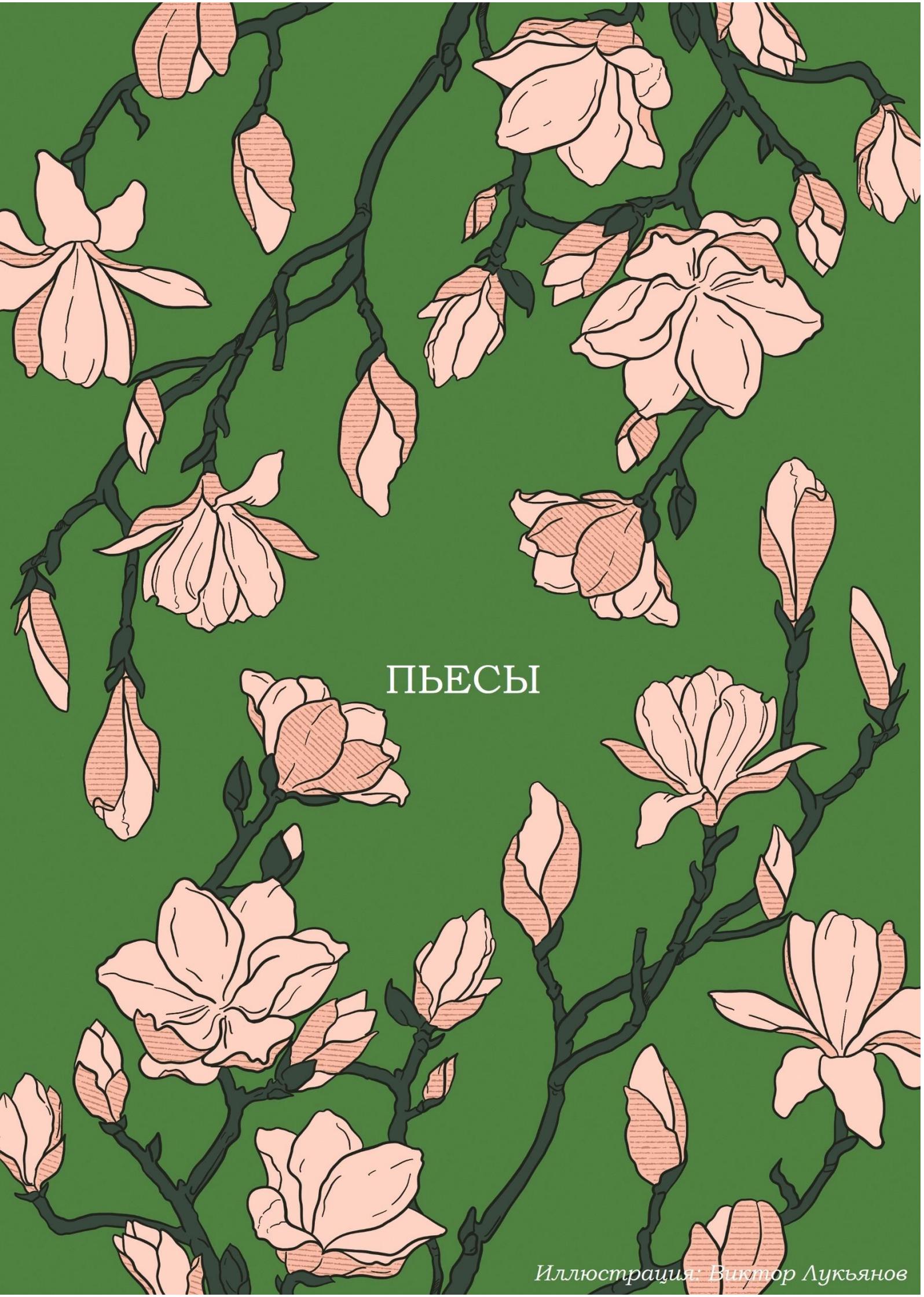
Оглавление

Пьесы:

Евгения ВАРЕНКОВА: Коллизия в такси	7
Артем НОВИЧЕНКОВ: Стерильные [Связи]	21
Алексей ЮРЬЕВ: Шлюзы	63

Серии:

Федор ИЛЬИН: На грани двух столетий	87
Рита ШИЛКИНА: Всадники	118

ПЬЕСЫ

Иллюстрация: Виктор Лукьянов

Евгения ВАРЕНКОВА

Драматург, автор рассказов. В соавторстве с Д. Фалеевым автор романа «Формула всего» (лонг-лист конкурса «Большая книга», 2023). Закончила магистратуру по специальности драматургия (РГИСИ) на Новой сцене Александринского театра, мастерская Н.С. Скороход, 2021.

Пьесы проходили в шорт- и лонг-листы конкурсов “Stories”, «Волошинский конкурс», «Монодрама», «Ремарка», были представлены в форме читок и эскизов спектаклей в Петербурге на Новой сцене Александринки, в ТЮЗе, в театре «Суббота», Театре на Васильевском, а также на сцене ВШСИ (Москва), Театра-Театра (Пермь), театра «Старый Дом» (Новосибирск) и Gallus Theater (Франкфурт-на-Майне).

7

КОЛЛИЗИЯ В ТАКСИ

ДЕНИС, 40
ВОДИТЕЛЬ, 36

0

*Денис садится в такси.
Секунда, две, три, четыре, пя...*

ДЕНИС. Пожалуйста, выключите музыку.

Денис садится в такси.

Секунда, две...

ДЕНИС. Выключи, пожалуйста, это.

Денис садится в такси.

ДЕНИС. Музыка выключи.

1

Тихо падает снег. Денис ждет такси возле Апрашки. Машина, вибрируя от грохота музыки, медленно подъезжает, останавливается. Денис подходит к ней, заглядывает в окно водителя и машет. Стекло сползает.

ДЕНИС. Выключите музыку.

ВОДИТЕЛЬ *(жует жвачку)*. Что?

ДЕНИС. Музыка выключи, говорю.

8

Водитель делает тише.

ДЕНИС. Выключи.

Водитель неопределенно качает головой.

Денис отходит от машины и открывает в телефоне приложение такси.

ВОДИТЕЛЬ. Ну что? Едем?

ДЕНИС *(глядя в телефон)*. Забей. Я другую вызову.

ВОДИТЕЛЬ. Да ладно, поехали.

ВОДИТЕЛЬ. Я выключу.

Выключает музыку.

Денис смотрит на таксиста.

Пауза.

ВОДИТЕЛЬ *(сплевывает жвачку в грязный снег)*. Поехали.

Денис садится в машину. Тишина. Машина едет по Садовой. Секунда, две, три, четыре, пять... Денис смотрит на падающий снег, тишина. Денис открывает в телефоне фейсбук. Скроллит. Тишина.

Тишина. Тишина. Тишина.

Денис пишет в фейсбуке: «Друзья-музыканты, сколько времени проходит с момента посадки в такси, прежде чем вы просите выключить музыку?»

Ему тут же начинают приходить лайки. Кто-то пишет коммент. Денис ждет, глядя, как пишут коммент.

ВОДИТЕЛЬ. Чем тебе моя музыка не понравилась?
ДЕНИС *(не отрываясь от экрана, после небольшой паузы).* Всем.

Водитель сигналит. Машина подпрыгивает. Денис читает коммент и лайкает его. В машине что-то стучит.

Денис пишет ответ на коммент: «Да! Можно было себе представить, что самое плохое, что может быть — это вот это, а потом выясняется, что может быть еще хуже, может быть еще хуже, и может быть еще хуже. И хуже может быть бесконечно».

Пока он пишет, появляются четыре новых коммента. Уже 43 лайка. В машине снова что-то стучит.

ДЕНИС *(глядя в телефон).* А что у тебя в машине стучит?
ВОДИТЕЛЬ *(не сразу).* Не знаю. Что-то стучит.

Снова что-то стучит. Денис отрывается от телефона.

ДЕНИС. Так, а что стучит-то?
ВОДИТЕЛЬ. Не знаю. *(Пауза.)* Постучит и перестанет.
ДЕНИС. Это как-то странно, нет?

Таксист внезапно тормозит машину у обочины и поворачивается к Денису.

ВОДИТЕЛЬ. Так чем тебе моя музыка не понравилась?

ДЕНИС *(растерявшись от неожиданности).* Там... что-то очень плохо звучит, и очень как-то громко, и очень неправильно, и-и...

Денис замолкает и смотрит на таксиста.

ВОДИТЕЛЬ. Ты чего так смотришь?

ДЕНИС. У тебя из носа кровь идет.

Таксист торопливо достает из бардачка полотенце в засохших пятнах крови и прижимает к носу. Потом заводит машину и едет.

ДЕНИС. Может, тебе врача надо?

ВОДИТЕЛЬ. Потечет и перестанет.

Пауза. Денис ерзает на сиденье.

ДЕНИС. Останови, когда удобно будет, я хочу выйти.

ВОДИТЕЛЬ. Я тебя довезу. Я живу в соседнем доме.

ДЕНИС. Я не хочу с тобой ехать.

ВОДИТЕЛЬ. У меня рейтинг.

ДЕНИС. Я не буду на тебя жаловаться.

В машине снова что-то стучит. Таксист, не переставая рулить, закидывает полотенце в бардачок. Денис надевает наушники и очень громко включает музыку. Потом откидывается на спинку сиденья и смотрит в окно. Идет снег.

10

2

Распаренный и немного пьяный Денис в распахнутом пальто выходит из клуба и идет к такси. Открывает дверь, садится.

ДЕНИС. Опа.

ВОДИТЕЛЬ. Ты что, рейтинг мне поставил?

ДЕНИС. Да... Пять звезд.

ВОДИТЕЛЬ. Ну вот.

ДЕНИС. М-да.

ВОДИТЕЛЬ. Поедешь? Странно, если откажешься. Рейтинг удивится.

ДЕНИС. М-м... Окей.

Денис закрывает дверь. Машина трогается. Тишина.

ВОДИТЕЛЬ. Музыку?

ДЕНИС *(тихо)*. Пожалуйста, не надо.

Денис достает из кармана телефон, надевает наушники, открывает в телефоне фейсбук и включает видео прямого эфира, на котором он только что был.

Денис на видео: «Э-э-э, не могу сказать, что каждый день, конечно. Потому что, к сожалению, жизнь, условно говоря, профессионального музыканта связана с тем, что он не всегда имеет возможность слушать музыку. *(Пауза.)* Ну, просто как обычный слушатель. Он слушает либо как-то профессионально, либо слушает ее для работы. Соответственно, моменты, когда он слушает музыку просто для того, чтобы послушать какую-то музыку, не могут быть в его жизни регулярно. Не каждый день, иногда даже не каждую неделю».

ВОДИТЕЛЬ. Прости... ты больной?

ДЕНИС *(вынимает один наушник)*. Что?

ВОДИТЕЛЬ. Ты болеешь, я имел в виду? Уши болят?

Голос Дениса на видео в одном наушнике: «...более того, для музыканта профессионального зачастую профессиональным отдыхом является, наоборот, отсутствие слушания музыки. То есть как бы тишина».

Денис зависает взглядом где-то за окном.

ДЕНИС. Да. Я больной.

Пауза. Денис надевает наушник и продолжает смотреть интервью.

Денис на видео: «...он работал, там, погружался в какой-то процесс, издавал звуки, слушал, как издают звуки и так далее. Он как бы внутри этого. И в какой-то момент, да просто как бы можно устать. Это уже... любые звуки уже почти начинают выглядеть как насилие. Поэтому, конечно, тишина для него будет предпочтительней. Ну, на какое-то время. В зависимости от профессиональной интоксикации».

Денис снимает наушники и смотрит видео без звука, на его лице свет от экрана. Тишина.

ДЕНИС *(вдруг)*. Не стучит!

Таксист не отвечает. Денис поворачивается к нему.

ДЕНИС. Не стучит машина!

Пауза.

ДЕНИС. Перестала!
ВОДИТЕЛЬ. В сервис заехал.

Денис, глядя на таксиста, несколько раз медленно кивает и успокоенно углубляется в фейсбук. Видео прямого эфира на странице Дениса уже набрало 80 лайков. Денис лайкает комменты к видео. Денис пишет ответ на коммент.

3

Денис подходит к подъезду своего дома, достает из кармана ключ-таблетку и замирает.

ДЕНИС. А-а-а! Блин! Блин!

Денис хлопает себя по карманам.

ДЕНИС. А-а-а-а-а! Бли-и-и-ин!!

12

Денис некоторое время стоит, потом разворачивается и быстро идет в соседний двор. Машина припаркована возле трансформаторской будки. В сумерках хорошо видны ее выцветшие голубые бока.

Денис обходит машину. И в обратную сторону. Заглядывает во все окна. Видит свой телефон на полу. Денис, внимательно глядя на окна дома, с размаху пинает колесо. Еще раз. Сигнализация не срабатывает, или ее просто нет. Денис присаживается на капот. Смотрит на грязный снег. Смотрит вокруг. Снова обходит машину. Дергает ручку двери водителя. Дверь открывается. Денис быстро делает шаг назад. Оглядывается на дом. Некоторое время он колеблется, потом садится в машину и хватается телефон.

ДЕНИС. Ты мой хороший!

Денис улыбается. Медленно протирает телефон о пальто. Нажимает кнопку — телефон не включается.

ДЕНИС (с нежностью). Лежал тут один, мерз.

Денис смотрит на телефон и улыбается. Смотрит вокруг. Стемнело. Денис убирает телефон в карман, вылезает из машины и тщательно закрывает дверь. Похлопывает машину по крыше. Делает пару шагов, останавливается. Поворачивается к машине и смотрит на нее. Отворачивается. Продолжает идти. Останавливается. Смотрит на машину. Смотрит на ярко горящие многочисленные окна дома. Смотрит на часы. Смотрит на машину.

ДЕНИС. Да бли-и-ин!

Денис мнется на месте.

ДЕНИС. Блин.

Денис возвращается к машине. Смотрит вокруг. Громко вздыхает. Несильно пинает колесо. Открывает дверь, садится в машину, снова громко вздыхает и закрывает дверь.

ДЕНИС. Вот же, а! (Пауза.) Жопа с ручкой.

13

Денис закрывается изнутри и осматривается. Застегивает пальто. Берет с заднего сиденья дешевый красный икеевский плед и накидывает его на себя спереди.

ДЕНИС. Ну ладно. Чего там.

Денис некоторое время устраивается поудобнее, потом утыкается носом в плед и сразу засыпает. Денис спит, и ему снится сон.

4

Утро. Денис и таксист стоят возле машины. У Дениса помятый вид. Идет снег.

ВОДИТЕЛЬ. Я же сказал — когда закрываю, когда не закрываю.

ДЕНИС. А если угонят?

ВОДИТЕЛЬ. Значит, угонят.

ДЕНИС. Ну, это как-то... как-то... Нет?..

ВОДИТЕЛЬ. Слушай. У меня рейтинг.

Денис открывает рот, чтобы что-то сказать, но не говорит. Денис кивает и медленно уходит, через несколько шагов он оборачивается.

ДЕНИС. Я там радио настроил. Хорошая волна.

Таксист не отвечает. Денис возвращается. Стоит и смотрит на него. Оба молчат. Таксист не выдерживает.

ВОДИТЕЛЬ. Что?

ДЕНИС. Глупости. Извини! Просто сон.

Денис быстро уходит. Водитель садится в машину и громко включает свою музыку. Денис снова возвращается.

ДЕНИС. Тебя не Юрий зовут?

ВОДИТЕЛЬ (*делает тише*). Что? Нет. Женя. Джамал. Но лучше — Женя.

ДЕНИС. Пожалуйста, Джамал... (*Осекается.*) Женя. Это ужасная музыка! Она на тебя плохо влияет... Ну не может быть плохо структурированная, плохо звучащая, еще громко при этом звучащая музыка быть полезной!

ВОДИТЕЛЬ. Всё?

Денис молчит. Таксист делает музыку максимально громко. Денис быстро уходит. Он не снял плед, и тот мелькает красным через часто сыплющий снег.

5

Тишина. Денис смотрит в окно на тянущийся пейзаж. Вяло скроллит ленту фейсбука. Затем достает из кармана пальто конверт, ручку и увлеченно записывает что-то.

ВОДИТЕЛЬ. А почему лес?

ДЕНИС (*прерываясь*). А?

ВОДИТЕЛЬ. В лесу что?

ДЕНИС. М-м-м... сменить обстановку. Достичь творческой задачи. (*Пауза.*) Как это пафосно ни звучит — вдохновиться. Я давно не выезжал на природу, а это возможность слушать как бы естественные звуки. (*Пауза.*) Будет прекрасно. Я смогу провести там день или два. Обнулиться очень даже полезно.

Пауза. Денис смотрит на таксиста, таксист смотрит на дорогу.

ДЕНИС. Ну да, это же научно. В любом случае, если ты приехал из города в лес, ты сменил свой фон звуковой принципиально. А послушать, там, звуки леса... это конечно по-детски звучит, но вообще это очень бывает приятно. В этом очень много музыки, в этом намного больше музыки, чем в том, что ты... ты... чем...

Денис замолкает. Неловкая пауза. Денис смотрит в окно. Водитель смотрит на дорогу. Денис открывает в телефоне фейсбук.

Денис пишет в фейсбуке: «Как-то я специально поехал в одно место, чтобы сменить обстановку и достичь определенной творческой задачи. Вот я съездил. Это была не очень большая задача, но тем не менее. Я ее достиг. Мне нужно было сменить обстановку, и я ее сменил, по-другому провел несколько дней специально для того, чтобы это сделать. Способ сработал, да. Вот собираюсь повторить».

Сразу начинают приходить лайки. Кто-то пишет коммент. Денис ждет, глядя, как пишут коммент. Денис читает коммент и лайкает его.

15

Денис пишет ответ на коммент: «Ну да, это делали много раз, и, если там написал Авраамов «Симфонию гудков», он же не в лесу написал, а в городе Петроград, где были эти заводы, клаксоны и так далее. То есть, это очень грубый пример, но тем не менее».

Уже 27 лайков. Появляются еще три новых коммента. Денис читает новые комменты и лайкает все.

Денис пишет ответ на коммент: «Я не вижу причин, находясь в каком-то крупном мегаполисе, написать что-то, что не связано с мегаполисом. Можно надеть наушники, перестать слышать то, что слышно вокруг. Или пойти в помещение звукоизолированное в этом мегаполисе, и сочинять там про что угодно. А можно сидеть на студии в Норвегии, где у тебя будут за окном фьорды, и вдруг сочинить что-то не про фьорды, почему нет. Человеческая память очень избирательна и необычна».

Денис пишет ответ на коммент: «Да просто иногда у тебя нет таких условий, а тебе нужно что-то сделать. Делать, как можешь, несмотря на то, что окружающее не будет идеально под это заточено. Понятно, что нужно стремиться к какому-то комфорту, но,

тем не менее, очень много примеров в музыке, когда что-то получалось от обратного, не от комфорта, а от определенного дискомфорта. Это как бы вообще. Рождает многие вещи».

В машине что-то стучит. Денис смотрит на водителя.

ДЕНИС. Слышишь?

ВОДИТЕЛЬ (*не сразу*). Да.

ДЕНИС. Не стучала же?

ВОДИТЕЛЬ. Я же говорил — когда стучит, когда нет.

Пауза.

ДЕНИС. Ты же тогда заехал в сервис.

ВОДИТЕЛЬ. Я тебя обманул.

Пауза.

ДЕНИС. Ого.

16

Денис убирает телефон, конверт и ручку в карман.

ДЕНИС. Тормози.

ВОДИТЕЛЬ. Что?

ДЕНИС. Останавливай, говорю.

ВОДИТЕЛЬ. Нет.

ДЕНИС. Что? Я не спрашиваю, да или нет. Я говорю, о с т а н а в л и в а й.

ВОДИТЕЛЬ. Н е о с т а н о в л ю.

Прибавляет скорость. В машине стучит чаще.

ВОДИТЕЛЬ. Стучала. Стучит. И будет стучать.

Машина резко сворачивает и максимально ускоряется.

ДЕНИС. Блядь! По встречке едешь! Сейчас будет тоннель!

Таксист врубает музыку. Стука больше не слышно. Машина въезжает в тоннель.

ДЕНИС. Ну, всё.

*Внезапно синий свет тоннеля.
Внезапно красивая музыка.
Внезапно невесомость.*

*Денис и таксист парят. Вокруг них парят:
икеевкий плед,
ручка,
айфон Дениса,
5 пустых стаканчиков от кофе,
зажигалка,
бутылка воды без газа,
полотенце с засохшими пятнами крови,
начатая шоколадка Марс,
конверт,
деньги купюрами и монетами.*

ДЕНИС. В а у. Э т о с о н?

ВОДИТЕЛЬ. В р я д л и.

ДЕНИС. Тогда почему мы говорим, не раскрывая р т а?

ВОДИТЕЛЬ. Я н е з н а ю.

17

Машина, Денис и водитель летят в невесомости. Мимо них тихо проносятся звезды. Машина подрагивает. Денис смотрит на водителя. Таксист смотрит вперед на звезды как будто на дорогу. Их лица в невесомости очень расслаблены.

ДЕНИС. Слышишь, да? Совсем д р у г а я. Неземная.

Н е з е м н а я м у з ы к а.

Денис вылавливает из воздуха свою ручку. Мимо проплывает конверт, Денис делает движение, чтобы взять его, но получается слишком медленно. Перед ними внезапно встает Земля.

ВОДИТЕЛЬ (глядя вперед, как будто на дорогу). Наблюдаю облака над Землей, мелкие кучевые, и т е н и от них. Красиво, к р а с о т а!.. В н и м а н и е. Вижу горизонт Земли. Очень такой красивый о р е о л. Сначала радуга на поверхности Земли и вниз. Такая радуга переходит. О ч е н ь к р а с и в о!

Денис тоже смотрит вперед, как будто на дорогу. Перед его глазами снова проплывает конверт. Денис сосредоточенно берет конверт и распечатывает его. В конверте лежит листок с задачей. Это ритмическая фраза, которая стучала в машине. Денис

медленно простукивает ее костяшками пальцев по стеклу, но в конце сбивается.

ВОДИТЕЛЬ (глядя вперед). С т у ч и т.

Денис несколько раз подряд стучит фразу и всё время сбивается. Где-то на двенадцатой попытке у таксиста из носа начинает течь кровь. Он смотрит вперед как будто на дорогу. Его лицо в невесомости расслабленно. Кровь собирается в шарики и тоже парит. Очень красиво. Водитель закрывает глаза. Он улыбается. Машина летит куда-то сама. Денис раз за разом стучит по стеклу и, наконец, — у него получается. Денис без сил откидывается на сиденье. Глаза его закрываются.

ДЕНИС (не слушающимся голосом). Я х о ч у в ы й т и.

Он делает усилие и разрывает листок с заданием.

Синий свет прекращается.

Музыка прекращается.

Все предметы резко падают.

18

Денис открывает глаза. Тишина.

ВОДИТЕЛЬ. Ты выключился, и я сразу выключил.

ДЕНИС (медленно). Я хочу выйти.

Пауза.

ВОДИТЕЛЬ. Как тебя зовут?

ДЕНИС. Денис.

ВОДИТЕЛЬ. Мацуев?

ДЕНИС. Кто?

ВОДИТЕЛЬ. «Денис Мацуев одобряет»? Реклама проги. Такая, для проверки двигателя на звук, не слышал, что ли? Я так понял, это ты.

ДЕНИС. Это не я.

Пауза.

ВОДИТЕЛЬ (тихо). Ладно.

Денис вылезает из машины и нетвердой походкой идет по дороге. Когда он отходит метров на десять, таксист включает ближний

свет, и машина трогается. Через пару шагов Денис останавливается, поворачивается и смотрит на машину. Машина тоже останавливается. Денис отворачивается и продолжает идти в свете фар. За ним медленно следует такси. Денис на ходу застегивает пальто и машинально проверяет карманы. Потом он достает телефон, надевает наушники и включает музыку.

Иллюстрация: Анна Боронина

Артем НОВИЧЕНКОВ (1991, Москва) — писатель, учитель литературы, лектор, ведущий передач «Пойми себя, если сможешь» и «Сотворение кумира» на радио «Маяк», режиссер, исполнитель песен в группе «2 бита и куртка». Автор телеграм-канала «Говорящий тростник».

Пьеса «Стерильные [Связи]» — приквел к мистерии «Всеядная троица, богородица, помилуй нас» («Опустошитель», 2022). В 2024 году в издательстве «Стеклограф» вышла книга стихов «немая сцена, затянувшаяся на годы». Второй Лауреат премии Ремарка (2020). По пьесе «Философ Омский» поставлен спектакль в театре «Человек» (Москва).

21

СТЕРИЛЬНЫЕ [СВЯЗИ]

МЕНИППЕЯ. ПРИКВЕЛ

Предупреждение¹:

Fractus'ы внутри Фракталов могут быть прочитаны и поставлены в любом порядке. Нынешнее расположение fractus'ов определено однажды в момент текста и может измениться. В любом случае, не имеет значения, в каком порядке описывать пустоту.

¹ Пьеса публикуется в сокращенном виде.

*Четверо стало Харит, ибо к трем соприсчислена прежним
Новая; миррой еще каплет она и сейчас.
То — Береника, всех прочих своим превзошедшая блеском
И без которой теперь сами Хариты ничто.*

(пер. А.В. Блуменау)
Каллимах

Фрактал-а

fractus

ИВ СЕН-БЕРНАР. Они называют это насилием...
ЭВА СЕКСО. о, насилие — это ужасно. disgusting!
ИВ. Ужасно да, но...
ЭВА. но ведь красота требует жертв...
ИВ. Великие слова. Кто это сказал?
ЭВА. коко.
ИВ. Коко. Оч хорошо. Коко. Великие слова.
ЭВА. коко вообще...
ИВ. Да. Революционерка!
ЭВА. люблю революции.
ИВ. Только революции, только революции, Эва!
ЭВА. люди не понимают.
ИВ. И не поймут!
ЭВА. misunderstanding.
ИВ. Эти — из общества — говорят, что я живодер. Ну ты представляешь?
ЭВА. моветон.
ИВ. А я просто делаю мир красивее. Даю животным новую жизнь.
ЭВА. тебя всё равно поддерживают.
ИВ. Лишь перед лицом вечности я и творю.
ЭВА. мне очень понравилась последняя линия воротников. это incredible, ив!
ИВ. Колли и хаски. Это было откровением, Эва. Я слушал Elvi Priest, и мне открылось... Огонь и ветер... жизнь и смерть... моя страсть, Эва!
ЭВА. я так тебя понимаю.
ИВ. Почему ты никогда не ведешь шоу в моём?
ЭВА. ох, ив, они же все согласовывают. и у них контракт с louis vuitton.
ИВ. Но ты же позовешь меня на «Ничего святого»?
ЭВА. ив, ну, это же не от меня зависит.

22

ИВ. Но я всё сделал! Я даже попал в скандал — ты говорила — и... я селебрити!

ЭВА. но: мэй.

ИВ. За что он меня не любит?

ЭВА. знаешь, что он сказал? что ты скрытный. не показываешь своей *кухни*.

ИВ. Так и сказал? Но как?.. Он что, чтобы что? Чтобы я... в прямом эфире?!. Но это против моих правил.

ЭВА. тогда ты слишком правильный для «ничего святого», sorry, ив.

ИВ. Ладно. Ладно. Я подумаю. Я подумаю, Эва, я подумаю, подумаю...

ЭВА. тынц-тынц.

ИВ. Я подумаю, подумаю, я подумаю.

и т.д.

fractus

23

МЭЙ АЙ ПЭЙ. СКАЖИТЕ: Я МОЛОД И ХОЧУ БЫТЬ В ДЕПРЕССИИ!

ХОР ГОЛОСОВ. Я молод(а) и хочу быть в депрессии.

ПЭЙ. я сказал — в депрессии!

ХОР. Я сказал(а) — в депрессии!

ПЭЙ. хочу дрочить, жрать и спать!

ХОР. Хочу дрочить, жрать и спать!

ПЭЙ. хочу ничего не хотеть!

ХОР. Хочу ничего не хотеть!

ПЭЙ. хочу умереть в одиночестве и тоске!

ХОР. Хочу умереть в одиночестве и тоске!

ПЭЙ. хочу, чтобы после меня ничего не осталось!

ХОР. Хочу, чтобы после меня ничего не осталось!

ПЭЙ. хочу, чтобы этот мир забыл о моем существовании!

ХОР. Хочу, чтобы этот мир забыл о моем существовании!

ПЭЙ. хочу сдохнуть!

ХОР. Хочу сдохнуть!

ПЭЙ. ОТЛИЧНО. А ТЕПЕРЬ ВСТАНЬТЕ. (*в зал*) ВСТАВАЙТЕ-ВСТАВАЙТЕ! ВСЕ ВСТАВАЙТЕ! Я ХОЧУ ВИДЕТЬ КАЖДОГО! (*зал встает*) ВЫТЯНИТЕ РУКУ. ВОТ ТАК. СОЖМИТЕ СВОЮ ДЕПРЕССИЮ В КУЛАК. (*сжимает кулак*) ЧУВСТВУЕТЕ? ЧУВСТВУЕТЕ, КАК ОНА ТРЕПЕЩЕТ? ОТ СТРАХА. ПЕРЕКРОЙТЕ ЕЙ ВОЗДУХ. ПЕРЕЛОМИТЕ ЕЙ ШЕЮ. ВОТ ТАК. ПЕРЕЛОМИЛИ? А ТЕПЕРЬ СОБЕРИТЕ ВОЛЮ, ВСЮ СВОЮ ВОЛЮ. ОТ ШЕЙНЫХ ПОЗВОНКОВ И ДО КОПЧИКА — И НАПРАВЬТЕ В КУЛАК. ВОТ ТАК. ОТЛИЧНО! А ТЕПЕРЬ ОТПУСТИТЕ РУКУ. ВЫБРОСЬТЕ. БРОСАЙТЕ! ВОТ ТАК! ВСЁ! ПОВТОРЯЙТЕ ЗА МНОЙ: ВОЛЯ СИЛЬНЕЕ ДЕПРЕССИИ!

ХОР. Воля сильнее депрессии!

ПЭЙ. ВОЛЯ СИЛЬНЕЕ ДЕПРЕССИИ!
ХОР. Воля сильнее депрессии!

В одном из хора звучит музыка загрузки системы Windows, у второго, у третьего.

ПЭЙ. Я СЛЫШУ! СЛЫШУ ПРОБУЖДЕНИЕ! ДАВАЙТЕ ЕЩЕ РАЗ! ВОЛЯ СИЛЬНЕЕ ДЕПРЕССИИ!
ХОР. Воля сильнее депрессии!

и т.д.

fractus

СТЕРЕО ЛИЗА — *нейросеть в образе Моны Лизы, читающая в известных пейзажах этически выверенные новости бесполым голосом.*

СТЕРЕО ЛИЗА. Разработанная учеными университета Торонто «Сыворотка откровения», которая год назад буквально разделила мировое сообщество на два лагеря, в ближайшее время поступит в аптеки. Данная сыворотка, прозванная «Слезам ИИсусы», вызывает употребившего ее человека на откровенный разговор, а порой и откровение, как заявляет фармацевтическая компания-изготовитель. О новом открытии уже высказались лидеры мнения, среди которых набирающий популярность теотехнолог, О. Сакъев: «*Это чудовищное изобретение отдалит людей от самих себя еще больше. Потому что многим просто нечего будет сказать. Многие, многие упадут в лимб непонимания.*»

fractus

ЭВА СЕКСО в VR-очках: *колыбелька с подвешенной детской игрушкой. Эва стоит у кровати, рассматривает ребенка. Ребенок начинает плакать. Эва берет его на руки, укачивает, нянчится.*

ЭВА. чщ-чщ-чщ... Мама здесь. Мама рядом. Мама больше никуда не уйдет. Мама с тобой. Чщ-щ-щ-щ-щ. ты моя малышка. Мама больше не уйдет. ну прости Маму. Мама ошиблась. Мама молодая была, дура была. Мама хотела независимости. Мама берегла тело. чщ-щ-чщ-щ. ну не плачь, не плачь любимая. прости Маму. Мама себя сама простить не может. а тебе нужно спать, сил набираться. Чщ-щ-щ-щ-щ. вот так. ты моя сладкая. ты моя красавица. спи. спи моя

малышка. (*кладет ребенка в кроватку*) Мама никуда больше не уйдет. Мама рядом.

fractus

МЭЙ АЙ ПЭЙ. Когда уже ты будешь моей?

ВЕРОНИКА. (*поигрывая бриллиантом на шее*) Я и так твоя.

ПЭЙ. Нет. Когда будешь моей *полностью*?

ВЕРОНИКА. Ну разве можно быть чьей-то полностью?

ПЭЙ. Можно. Я хочу.

ВЕРОНИКА. Ты и так меня всю вылизываешь.

ПЭЙ. Нет, я хочу вылизывать тебя *внутри тоже*.

ВЕРОНИКА. Ну как это — *внутри*?

ПЭЙ. *Внутри* — это значит хочу лизать твою... душу.

ВЕРОНИКА. Много хочешь. Я никому не отдам свою душу!

ПЭЙ. но я ВСЕГДА ПОЛУЧАЮ ТО, ЧТО ХОЧУ!

ВЕРОНИКА. Ты меня пугаешь.

ПЭЙ. ПОЧЕМУ Я ВЛЮБИЛСЯ ИМЕННО В ТУ, КОТОРАЯ НЕ МОЖЕТ ОТДАТЬ МНЕ ВСЁ?! ПОЧЕМУ? ОТВЕТЬ МНЕ!

ВЕРОНИКА. Любовь зла.

25

ПЭЙ. ЛЮБОВЬ ЗЛА? ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?! ЧТО ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ СПАТЬ С ЭТИМ ЖИВОДЕРОМ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ МНЕ ЗЛО? ЧТОБЫ Я СТРАДАЛ? ТЫ ЭТОГО ХОЧЕШЬ? ДА? СКАЖИ, ТЫ ЭТОГО ХОЧЕШЬ! СКАЖИ!

ВЕРОНИКА. Нет, я не хочу.

ПЭЙ. А ЧЕГО? ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ? СКАЖИ МНЕ — Я ДАМ ТЕБЕ ЭТО! ХОЧЕШЬ КАМУШКОВ? Я ДАМ ТЕБЕ КАМУШКИ.

ВЕРОНИКА. Я уже ничего, уже ничего не хочу. Отпусти меня.

Пожалуйста, отпусти меня.

ПЭЙ. РУСК! Ну что... что ты расплакалась. Ну прости. Прости, что вспылал.

ВЕРОНИКА. Отпусти меня, пожалуйста, отпусти.

ПЭЙ. Ну зачем? Тебе плохо со мной?

ВЕРОНИКА. Я боюсь тебя.

ПЭЙ. Меня? Но я же люблю тебя. Как можно бояться того, кто любит?

ВЕРОНИКА. Отпусти, Пэй, пожалуйста, отпусти.

ПЭЙ. Ну как я тебя опущу? Вдруг ты не вернешься?

ВЕРОНИКА. Я вернусь, Пэй.

ПЭЙ. Обещаешь?

ВЕРОНИКА. Обещаю. Просто сейчас отпусти меня.

ПЭЙ. Ладно. Только скажи.

ВЕРОНИКА. Что?

ПЭЙ. Скажи, что любишь меня.

ВЕРОНИКА. Я люблю тебя.

ПЭЙ. Умница девочка.

Вероника выбегает. Мэй Ай Пэй подходит к зеркалу, напевая «Пусть это абьюз, но я тебя добьюсь...» и трет ладонью промежность. Он не возбуждается. Начинает себя душить галстуком, и возбуждение приходит.

fractus

О. САКБЕВ. *(обращается в зал)* Метаем состоялся, он уже здесь. Как он состоялся — не наше дело. Назовем это событие — Великий Фрактал. Мы уже в нем, мы всегда были в нем, вы — всегда были в нем.

СЛУШАТЕЛИ ИЗ ЗАЛА. Какой-то утопизм! Романтизм! Идеализм!

САКБЕВ. А а. *Метаутопизм, метаромантизм, метаидеализм.* Хотя названия неважны — это в вас говорит несвобода. Наступили времена, в которых нет ни покоя, ни радости. Я вижу людей, задыхающихся от бессмысленных себя. Я вижу народы, они не готовы ничем жертвовать, но каждый день становятся жертвами! И вы хотите с этим мириться?

СЛУШАТЕЛЬ. А что вы предлагаете?

САКБЕВ. А не надо ничего предлагать! Мы слишком долго жили в мире пустословных лозунгов! Предлагать и не надо — можно же просто описывать. Говорить так, будто всё уже произошло. Говорить от имени большинства, которое себя еще не осознало. Больше нельзя откладывать — надо строить!

СЛУШАТЕЛЬ. Строить что?

САКБЕВ. Строить — Метаем.

СЛУШАТЕЛЬ. Из чего?

САКБЕВ. Из всего. Нет ничего, что не стало бы материалом для него. Фигура Великого Фрактала позволяет не заикливаться на том, что невозможно, и перенаправлять внимание на то, что действительно важно и в наших силах! Посмотрите на вещи — нет никаких вещей, есть лишь восприятие. Посмотрите на восприятие — оно пусто по своей сути. В мире нет ничего, кроме Пустоты. Вы можете думать, что есть что-то реальное, но это заблуждение.

СЛУШАТЕЛЬ. Сотрясение воздуха!

САКБЕВ. Именно — как будто воздух! Но туда ли вы смотрите? *(к слушателю)* В каком вы состоянии? Признайтесь, вы в депрессии?

СЛУШАТЕЛЬ. Я... какое это имеет отношение?

САКБЕВ. Итак, вы говорите из депрессии. И направлены не туда. Вам нужна ясность. Ясность, которая приведет вас к осознанию.

СЛУШАТЕЛЬНИЦА. Осознанию чего?

САКБЕВ. Пустоты и Свободы. *(показывает на QR-код за спиной)*
Доставайте, доставайте ваши рабские устройства и освобождайтесь!
(все достают смартфоны; в зал) И вы! Вы тоже доставайте!
Откровение Метамема по этой ссылке приведет к мгновенному
высвобождению сознания и откроет вам пустоту. Великий Фрактал
во всем. Это путешествие по воздушным траекториям свободного
мышления, где нет ни рождения, ни смерти. Где нет страха!
СЛУШАТЕЛЬНИЦА. Тут фото кошечки...
САКБЕВ. *Фрактальной кошечки! (величественно)* И подпись.
СЛУШАТЕЛЬ. Э-э. «то чувство когда ты смываешь свою какашку и
больше никогда ее не увидишь»..?

fractus

27

ИВ СЕН-БЕРНАР. *(читает)* «Ив Сен-Бернар не вошел в список ста
модельеров, которые останутся известными через сто лет». Пф-ф.
«Ив Сен-Бернар занял первое место в списке самых переоцененных
модельеров». Идиоты!
ВЕРОНИКА АДВИЛ. Зачем ты это читаешь?
ИВ. Они видят во мне всего лишь модельера! Но я художник. Ты что,
опять баловалась с Пьером?
ВЕРОНИКА. С чего ты взял?
ИВ. У тебя вся юбка в слюнях.
ВЕРОНИКА. Ну-у Ивик... Пьер сам подлизывался. Я же не могу ему
отказать.
ИВ. Жаклин, наверное, умирает от ревности. Ты моего сенбернара
любишь больше, чем меня.
ВЕРОНИКА. Я просто люблю Сен-Бернаров.
ИВ. Извращенка.
ВЕРОНИКА. Ты же не выдашь мой маленький секретик?
ИВ. Мало мне, что ли, проблем с этими, из общества? Кстати, завтра
у нас гости.
ВЕРОНИКА. Кто?
ИВ. Эва и Мэй Ай Пэй.
ВЕРОНИКА. М-м.
ИВ. Что «м-м»?
ВЕРОНИКА. Я мне обязательно быть?
ИВ. Конечно. Ты же моя пассия.
ВЕРОНИКА. То есть без меня никак?
ИВ. Что, тебе не нравится Эва? Мне казалось, ты увлекаешься ее q-
движением.
ВЕРОНИКА. Ну да-а...

ИВ. Или дело в Мэй Ай Пэе? Да, он напыщенный петух, но-о-о мне нужна эта встреча! Я хочу к ним на шоу. Знаешь же, как Роджерс сказал: «Если ты не был на «Ничего святого», то тебя не существует».

А я хочу, Вероника!

ВЕРОНИКА. Я просто... думала побыть одна.

ИВ. Побыть одна? Что это с тобой?

ВЕРОНИКА. Я хотела... подумать.

ИВ. Подумать? Зачем тебе это? Мы прекрасно проведем время! Ты должна быть. Ты производишь приятное впечатление на мужчин. Я без тебя не справлюсь. Я хочу на шоу!

ВЕРОНИКА. Ну хорошо. Я буду.

ИВ. Умница девочка. Полижи мне.

ВЕРОНИКА. Я нализалась.

ИВ. Давай тогда я.

ВЕРОНИКА. Нет, мне надо готовиться к показу.

ИВ. Ав-ав!

ВЕРОНИКА. Ну, Ив, ну Ивик...

ИВ. Ав! Ав!

ВЕРОНИКА. Несносный!

fractus

28

СТЕРЕО ЛИЗА. «Депрессия побеждена!» — такими словами миллиардер Мэй Ай Пэй ответил психоаналитику Отто Штельмахеру, который на днях презентовал книгу «Не господь бог», где рассказывает о депрессии как о главной болезни XXI века.

«ДЕПРЕССИЯ ОСТАЛАСЬ В ПРОШЛОМ! МЫ ПОБЕДИЛИ КУРЕНИЕ — МЫ ПОБЕДИМ И ДЕПРЕССИЮ! Я ДОКАЗЫВАЮ ЭТО НА СВОИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ. ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ДОЛГИЕ ГОДЫ СТРАДАЛИ ОТ КЛИНИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИИ, ВЫХОДЯТ ОБНОВЛЕННЫМИ В НОВУЮ ЖИЗНЬ. ЧЕЛОВЕК СПОСОБЕН ПОДЧИНИТЬ СВОЕЙ ВОЛЕ БУКВАЛЬНО ВСЁ! Я СТОЮ НА ЭТОМ! А ВСЯКИЕ ЭТИ ПСИХОТЕРАПЕВТЫ ТОЛЬКО ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ НА НАШИХ СЛАБОСТЯХ!» — Написал миллиардер в Nistagma.

fractus

О. САКЬЕВ. Доктор, я чувствую пустоту. Мне так пусто. Так пусто. Так пусто.

ОТТО ШТЕЛЬМАХЕР. Вы себя убаюкиваете.

САКЬЕВ. А что? Меня это утешает.

ОТТО. Вы себя закапываете.

САКЬЕВ. О-о, напротив! Я себя восхваляю! Я утверждаю себя в своих слабостях. И злодеяниях, кстати. Я беру на себя вину, «проявляю волю». Вон — как кричит *этот кореец* — на тренингах. А

ведь нет никакой воли в том, чтоб решать свои вопросы. Это всё игрушки. Подвести другого к его страданию — вот *в этом* и есть твоя воля. А это сложнее всего. Взять ответственность за зло. А то все говорят, что зло само по себе, мы — сами по себе. Кто-то должен это делать. Но все же хотят как-то просчитать, чтобы — и волки и овцы. То есть, я хочу сказать, доктор, что все стремятся к какому-то там благу, но это благо только для себя. А значит, и зло они мыслят только через себя. Что им плохо — то и зло. Они просто идут за своей гордыней. Где же здесь воля?

ОТТО. Давайте вернемся к вашему состоянию.

САКЪЕВ. Вот вы, доктор. Чем вы занимаетесь?

ОТТО. Пытаюсь помочь клиенту обрести себя.

САКЪЕВ. Но вы не знаете, кто есть этот клиент в обретенном состоянии. Вы не знаете его самости — так это называется? Она скрыто за стеной депрессии, или психоза, или чего еще? Всё, что вы можете — привести к ясности. Но клиент выходит из вашего кабинета и всё забывает. А даже если не забывает, то забывает *потом*. Потому что в этой ясности он ничего не может найти.

ОТТО. Но я не господь, чтобы давать людям смысл.

САКЪЕВ. А у вас у самих-то есть смысл, доктор?

ОТТО. Ни один смысл не спасает нас от самих себя.

САКЪЕВ. Вы *тоже* к аналитику ходите?

ОТТО. Это обязательная практика для любого врача — супервизия. Но давайте вернемся к вам. Почему же *вы* ко мне до сих пор приходите?

САКЪЕВ. Что-то сопротивляется во мне. Когда я проповедую — я счастлив. Но потом наступает какая-то непонятная боль. Как будто я забрал у ребенка любимую игрушку.

ОТТО. На какое чувство это похоже?

САКЪЕВ. Доктор. Вы и сами знаете, что это чувство вины. Но перед кем? Я верю в то, о чем говорю. Я вижу, как от моих слов загораются глаза.

ОТТО. Но при этом вам пусто.

САКЪЕВ. Пусто.

ОТТО. Ваша деятельность не наполняет вас.

САКЪЕВ. Не наполняет.

ОТТО. Но может дело не в ваших словах, а в том, *кто* вас слушает?

САКЪЕВ. Но как это понять?

ОТТО. Ответьте себе, что вы любите больше всего?

САКЪЕВ. Кошечек.

fractus

ЭВА СЕКСО в VR-очках: больничная кровать с капельницей. Эва сидит рядом, смотрит на тело.

ЭВА. ну привет, мам. теперь ты всегда здесь. где и осталась. больше никуда не денешься. я так тебя ненавижу, ма. я тебя так ненавижу. ты меня ни от чего не спасла. надеюсь, ты страдаешь в своей коме. даже после смерти. видишь, как люди победили смерть. теперь ты можешь страдать бесконечно. хотя бы для меня. ты заслужила это. а я тебя не прощу. ты чудовище. пусть твой сон будет полон вины и страха. я не знаю, как в коме. надеюсь, хуже, чем здесь. *(берет ее руку)* мне не с кем поговорить. всё как будто бы хорошо, но мне не хватает нехватки. я не могу чувствовать. почему ты умерла? ты так и не извинилась. *(достаёт хлебный нож)* помнишь этот нож? ты резала им торты. с этими жирными розочками, которые я ело. и потом у меня сводило живот. и все дразнили меня. жирной. жирной коровой. знаешь, что это за боль? знаешь, что это за боль? а вот.

fractus

30

СТЕРЕО ЛИЗА. *«Порно должно быть свободным!», «Дрочить значит жить!», «Не лечи — подрочи!»* — с такими лозунгами прошли митинги против «антипорнографического» закона. Пользователь под ником fuckster-007 привлек внимание широкой общественности флешмобом «В начале было порно» и выложил видеоролик, где он мастурбирует на изображение Евы. *«Это бесчеловечно! Это фашизм! Порноиндустрия была, есть и должна остаться территорией свободной демократии!»* — написала в Nistagma VR-секс-модель Вероника Адвил. Движение поддержали и другие лидеры мнений, среди которых скандальный модельер Ив Сен-Бернар и ведущие шоу «Ничего святого» — миллиардер Мэй Ай Пэй и лидеро q-движения Эва Сексо.

fractus

Телефонный разговор.

МЭЙ АЙ ПЭЙ. Я не могу встать с кровати.

ЭВА. гм.

ПЭЙ. Так тяжело проделать даже короткий путь рукой.

ЭВА. хм.

ПЭЙ. И глотать практически невозможно.

ЭВА. мм.

ПЭЙ. Как будто я уже умер, а тело осталось... Эва?

ЭВА. м?

ПЭЙ. Если я умру, ты... ты... ну, ты же не будешь вести шоу с другим?

ЭВА. пэй.

ПЭЙ. То есть я, то, что... «Ничего святого» — это всё, что у меня... только *это* и свято. Потому что ты же знаешь, что мой сын...

ЭВА. пэй!

ПЭЙ. Если тебе нужны деньги, то... я могу заплатить, я, я, могу, ты скажи, я обеспечу. Мне важно. Потому что мой сын, ты знаешь, он... но его нет, понимаешь, нет.

ЭВА. пэй!!!

ПЭЙ. Если бы он был, я бы может и... то есть, мне было бы не так важно. Но я же больше ничего... А эти деньги — ты сама знаешь, что это такое. Эва.

ЭВА. пэй! пэй! что случилось?

ПЭЙ. Эва, я не хотел...

ЭВА. пэй, что ты сделал?

ПЭЙ. Эва, я не хотел, правда, Эва.

ЭВА. ты что, опять перестал...

ПЭЙ. Эва, я *так* хотел повспоминать. Мне так тоскливо. Я так скучаю по нему.

ЭВА. тебе нельзя прекращать пить таблетки. ты уничтожишь себя.

ПЭЙ. Эва, спаси меня,

ЭВА. пэй, ну как так?

ПЭЙ. Я выбросил их. Чтобы не было желания — заглушить. Я так хочу его чувствовать в себе, Эва. Спаси меня.

ЭВА. это ужасно, пэй.

ПЭЙ. Эва, он говорит со мной. Ему там так одиноко без меня. И он меня совсем не винит...

ЭВА. я приеду. Попробую достать таблетки. может, через отто достану.

ПЭЙ. Он говорит, что смотрит там наши шоу и плачет. Так ему одиноко без меня. Сынишка мой маленький.

ЭВА. мэй, я кладу трубку. ничего не делай.

ПЭЙ. Он собирает из Лего игрушечные ключи и пытается открыть дверь. Ты представляешь, он верит, что сможет выбраться...

fractus

ИВ СЕН-БЕРНАР. Моя любовь к животным с детства. Мама работала в зоомагазине, часто приносила кого-нибудь домой на выходные. У меня были гуси, утки, хамелеоны. Короче, кого там только не было. Но мама их всегда забирала обратно. Один раз она принесла обезьянку с такими большими печальными глазами. Сказала, это лори. Ну, я ее и назвал Лори. Хотя это вид такой. Это даже не обезьяна, что-то между лемуром и обезьяной. Я решил, что это девочка, — по имени, хотя кто знает. Лори совсем маленькая была такая, детеныш. Довольно прихотливое. Был даже целый список того, что нельзя. Я кормил ее из бутылочки. Лори ночные животные, днем спят. А я хотел с ней как следует повозиться, пока ее не забрали, и тоже решил не спать. Но я устал и уснул, вот так в обнимку. В первую ночь еще ничего такого не произошло. Она выбралась и ковер изгадила. А вот во вторую ночь... Когда я проснулся, она уже была холодная. Я ее как-то залежал, что ли. А может, она просто задохнулась. Надо было что-то срочно придумать. Мама бы меня убила. Я положил Лори в клетку, ручки вот так сделал, будто она сама себя задушила. И лег в кровать. Притворился, что сплю. Так что можно сказать, это был мой первый перформанс. Конечно, мне больше не приносили животных на выходные. А я очень хотел. Очень. Мечтал, что когда стану взрослым, то не забуду детство, Россию, Лори, лала-лала и обязательно сделаю для животных больше, чем кто-либо. Чтобы смерть Лори не была напрасной. Ведь никто, вообще никто не видел моего первого перформанса, никто не оценил. Никто не запомнил Лори. Она была просто заброшена и забыта, ее даже не похоронили нормально. Будто и не было никакой Лори.

32

fractus

О. САКЬЕВ *перед картинкой фрактальный кошечки.*

В ту пору, когда я находился в затворничестве, я как-то раз вернулся в свою пещеру, ибо наступила блаженная ночь. Мой кот с глазами огромными, как блюда, встретил меня и напоказ начал выставлять свою мощь, когтями и голосом, нагоняя на меня то страх, то жалость, то смятение. Сильно хотелось мне спать, и чего только не перепробовал я, чтобы его прогнать. «Ненасытный, подумал я, по сему видно, что утратил ты свою невозмутимость, Сакьев. Задел-таки твой демон тебя за живое!» Наконец, я вспомнил слова учителя: он учил меня, что всё явленное — лишь проекция

моего воображения, всё лишь восприятие». А значит, считать кота чем-то существующим и стараться прогнать его — самому становиться частью иллюзии. И тогда я лег спать и уснул, несмотря на то что кот царапал лицо мое и громко орал. Я думал: «Если этому демону нужно мое тело, я отдам его ему. И возрадуюсь, если смогу совершить для него благое подношение».

fractus

ЭВА СЕКСО. я купило новые очки. я сорвалось и купило новые очки.
ОТТО ШТЕЛЬМАХЕР. Что этому предшествовало?

ЭВА. ничего. в порыве. я говорило с ивом. у него сука ждет щенков.
ОТТО. Собака?

ЭВА. да. и мне тоже так захотелось. и я уже даже не помню как.
через час они были уже на мне. и я...

ОТТО. Сколько раз вы уже ими воспользовались?

ЭВА. не знаю. не считало.

ОТТО. Три? Пять? Десять?

ЭВА. больше. я почти всегда теперь в них.

ОТТО. Эва, вы же знаете. Вам это противопоказано. Я пропищу вам новые таблетки. Вы же пьете таблетки?

ЭВА. доктор... я пытаюсь, но под ними я почти ничего не чувствую.

ОТТО. Это курс лечения.

ЭВА. но я же долго держалось...

ОТТО. Эва, если вы не будете пить таблетки, я вам ничем не смогу помочь.

ЭВА. хорошо. я согласна. но вы можете хотя бы поговорить со мной?..

ОТТО. Разумеется. Какие сценарии вы проигрываете? Только с ребенком? Или вы и мать вернули? Эва? Скажите, вы навещали мать?

ЭВА. да. как только моя малышка засыпает, я сразу...

ОТТО. Всё в тех же интерьерах?

ЭВА. интерьерах?

ОТТО. Больничная палата, ваша мать в коме...

ЭВА. да.

ОТТО. И вы не хотите дать ей слово?

ЭВА. нет.

ОТТО. Как вы себе это объясняете?

ЭВА. хочу сохранить всё как есть. сохранить с нею связь.

ОТТО. Но это же односторонняя связь.

ЭВА. мне так лучше.

ОТТО. Чувствуете себя в безопасности? Вам это больше никакой сюжет не напоминает?

ЭВА. напоминает.

ОТТО. Тогда скажите, что вы действительно чувствуете рядом с парализованной матерью?

ЭВА. власть.

ОТТО. Что вам дает это чувство?

ЭВА. что я ей нужно. что я вообще кому-то нужно.

ОТТО. А без нее — как вы себя чувствовали?

ЭВА. что меня предали. оставили. бросили.

ОТТО. Эва, скажите, что общего между образами вашего ребенка и матери?

fractus

ВЕРОНИКА АДВИЛ *перед зеркалом. На шее у нее большой розовый бриллиант. Разыгрывает по ролям сцену из фильма про Джеймса Бонда «Diamonds are forever».*

ВЕРОНИКА. «Насколько хорошо вы разбираетесь в бриллиантах?» — Это самое твердое вещество, им режут стекло. Оно предполагает свадьбу. Для девушек оно порой лучше собаки. — «Рад слышать, что хоть в чем-то вы разбираетесь». *(напевает) Там-та-дам-та-дадам.* Ну не ревнуй, Пьер! *(обнимает собаку, поет ему) Diamonds are a girl's best friend. Tiffany's... Cartier...* Я выбрала быть счастливой. Ну что ты скулишь? Ну Пьерик... Ну хочешь, иди ко мне... Только недолго...

34

fractus

ЭВА СЕКСО. соглашаясь на интервью, вы попросили, чтобы в нем не участвовал мэй ай пэй. почему?

О. САКБЕВ. Потому что я говорю только с теми, кто во что-то верит. Он не верит. За его словами ничего нет, кроме денег. Деньги — это замена пустоте.

ЭВА. но ваши проповеди...

САКБЕВ. Мои проповеди бесплатны.

ЭВА. однако они приносят вам деньги.

САКБЕВ. Это пожертвования. Личное дело каждого. Я помогаю людям — они выражают благодарность. Я знал нищету, и спокойно проживу без денег.

ЭВА. в своих проповедях вы говорите о метамеме. что это?

САКБЕВ. Знаете, почему я презираю психотерапию? Потому что она кормится нашими мифами о себе. Я хочу развеять эти мифы.

Метамем — это пустота. Нам всем надо столкнуться с абсолютной пустотой, чтобы разглядеть мир.

ЭВА. но почему метамем?

САКЪЕВ. Потому что только мем может обнажить пустоту и привести к истине.

ЭВА. так за что вы боретесь?

САКЪЕВ. А за что *вы* боретесь?

ЭВА. я? за справедливость. за равные права. за q-движение.

САКЪЕВ. Ну, а вот я борюсь с такими, как вы. Потому что вы только захламляете пустоту своими правами там, расами, гендерами и прочим. Будда не говорил «пизда» или «черный». Он вообще ни с кем ни за что не боролся. И пришел к просветлению. Осознал Великий Фрактал бытия. Я его сподвижник.

ЭВА. по-вашему, вообще не стоит ни за что бороться?

САКЪЕВ. Борьба — это сопротивление. Она мешает ясному взгляду на вещи.

ЭВА. однако на днях вы заявили, что перформансы модельера ива сен-бернара бесчеловечны и их нужно запретить. нет тут противоречия?

35 САКЪЕВ. Нет. Потому что такие, как он, используют жизнь не по назначению.

ЭВА. в смысле? ив сен-бернар называет себя художником.

САКЪЕВ. Это не важно, как он себя называет. Он же тоже как психотерапевт: кормится нашими мифами о себе. Нашими желаниями. Он не обращает к миру, а разворачивает. Его так называемые «перформансы» только отдаляют от истины.

ЭВА. а вы сами — дошли до истины?

САКЪЕВ. До нее не надо доходить. Ее надо созерцать. Вот она, вокруг. В вас, во мне, между нами. Вроде пустота, но она и истина. И именно это я и проповедую. Видеть истину в пустоте. И в пустоте истину.

ЭВА. но при чем здесь кошечки?

САКЪЕВ. Кошечки понятны. Все любят кошечек. А кто не любит, хотя бы смотрит мемы. Но главное — кошки, как и все животные, рождаются в истине. Нам есть чему у них научиться.

ЭВА. и последний вопрос. вы верите в бога?

САКЪЕВ. Я что, похож на идиота?

fractus

Ив Сен-Бернар принимает гостей.

МЭЙ АЙ ПЭЙ. Какое мясо странное...

ЭВА СЕКСО. это говядина? баранина?

ИВ СЕН-БЕРНАР. Ну что я могу сказать? Скуби-ду был хорошим псом.

ВЕРОНИКА АДВИЛ. Он шутит.

ЭВА. ив, ты же шутишь?

ИВ. Да шучу-шучу. Говядина, конечно.

ЭВА. дурак.

ИВ. У нас, кстати, Жаклин забеременела. Представляете?

ВЕРОНИКА. Как это всё просто у собак!

ЭВА. да уж.

ВЕРОНИКА. Ив, какой это у нее раз?

ИВ. Третий. Так что будет целый выводок.

ПЭЙ. И что ты будешь с ними делать?

ИВ. Всё вам расскажи. И еще — смотрите! Пьер! Пьер, иди сюда!

Хочешь посмотреть «В джазе только девушки»? Хочешь? Тогда неси.

Неси. Ма-а-а-ладец! Теперь вставляй. Да, да, вот так. Ты мой лапочка.

ПЭЙ. Мне показалось, или у тебя видеомаягнитофон?

ИВ. А тебе не показалось, что собака *сама* взяла кассету, и вставила ее куда надо, и включила себе кино?

ЭВА. уау, ив.

ИВ. Я прочитал исследование о том, что собаки любят кинокомедии.

И что им проще всего с видеокассетами. Вот и купил. Специально.

Теперь каждый день смотрит. Думаю, скоро эти штуки глобально изменят рынок.

ПЭЙ. Ну уж, изменяют.

ИВ. Сейчас люди отказываются от детей, поэтому они смотрят в будущее через прошлое. Так что вернется эпоха их дедушек и бабушек.

ПЭЙ. Так ты считаешь, у нас нет будущего?

ИВ. Смотря о чем ты спрашиваешь. Если о том, что после нас что-то будет — то да, будет. Но если говорить конкретно про каждого из нас, то нет, конкретно у нас будущего. Потому что мы бездетны. Ну, или я чего-то не знаю.

ЭВА. а ты хочешь детей?

ИВ. Мне не нужны дети. У меня есть мои собаки. У меня есть творчество. Вопрос только, кому оно будет нужно? Или

адаптироваться под другие рынки? Арабы, китайцы, латиносы. Там даже многодетных полно.

ЭВА. вероника, а ты хочешь детей?

ВЕРОНИКА. Да как сказать...

ИВ. Ей достаточно щенков.

ВЕРОНИКА. Ну как я буду работать? Спрос на pregnant-порно сейчас низкий.

ИВ. А мне кажется, наоборот, нет? Атавизм. Экзотика.

ВЕРОНИКА. Людям это неинтересно. Да и у актрис этого жанра обычно накладные животы. А я за естественность.

ПЭЙ. Может, стоит сменить работу?

ИВ. Вы ее не переубедите. Она хочет быть свободным человеком.

ВЕРОНИКА. Да, я child-free. Как и Эва.

ЭВА. ну, я было беременно.

ВЕРОНИКА. Но ты сделала аборт. И я бы сделала, если бы залетела.

ПЭЙ. Даже от любимого человека?

ВЕРОНИКА. Тот, кто любит, не станет обременять своими желаниями.

ИВ. Каждый сам себя обременяет желаниями.

ПЭЙ. *(Веронике)* А вдруг ты заблуждаешься?

ЭВА. девочка моя, не слушай их. приходи лучше завтра ко мне в olimpus towel — на мистерию.

ВЕРОНИКА. Такая честь... я не знаю даже...

ЭВА. приходи! будет elvi priest.

ВЕРОНИКА. И она?

ЭВА. конечно. мы же свободные люди.

ПЭЙ. Эва, не искушай чистое создание.

ЭВА. о, думаю, она уже вполне искушена.

ИВ. Я не против. Пусть идет. Завтра всё равно у меня подготовка к перформансу.

ЭВА. кстати! о чем он будет?

ИВ. Ну-у.. например, о стерильности.

ЭВА. а подробней?

ИВ. Не хотел бы расплытаться. Но я готов это манифестировать на широкую аудиторию. Так что если вы захотите...

ПЭЙ. Это исключено.

ЭВА. пэй.

ПЭЙ. Пока я жив, на «Ничего святого» не будет догхантеров.

ЭВА. пэй!

ИВ. Всё нормально. *(Пэю)* А скажи мне, если бы тебе предложили вечность взамен на жизнь, ты бы что выбрал?

ПЭЙ. Смотря какая вечность. И смотря какая жизнь.

ИВ. Твоя жизнь. А вечность — она и в финской сауне вечность.

ВЕРОНИКА. Сауна! Это идея для стрима!
 ИВ. И всё-таки, Пэй? Жизнь или вечность?
 ПЭЙ. Допустим, вечность. К чему вопрос?
 ИВ. К тому что я дарю животным вечность. Все смотрят на них сверху вниз. Как на существ без стремлений. А я вижу в них высшее значение. Они служат искусству.
 ПЭЙ. Жестокость не может быть искусством.
 ИВ. Жестокость в глазах смотрящего. В моих работах, как и в моей одежде, каждый встречается с собственной испорченностью. Но в моих намерениях нет жестокости.
 ПЭЙ. Называй это как хочешь. Соцопросы всё равно не в твою пользу.
 ИВ. Пьер! Пьер, ко мне! *(Пэю)* Вот. Скажи ему в глаза, что его ничего не ждет.
 И еще. По поводу мяса. Это была собачатина, сукин ты сын.

fractus

ВЕРОНИКА АДВИЛ. Это мне? Какие красивые. Мне никогда не дарили тюльпанов...
 САКБЕВ. Голландские.
 ВЕРОНИКА. Хочу в Голландию.
 САКБЕВ. Зачем тебе Голландия, если я открою тебе абсолютную пустоту.
 ВЕРОНИКА. Как под куполом какой-то там церкви?
 САКБЕВ. Базилики Святого Петра.
 ВЕРОНИКА. Да-а-а.
 САКБЕВ. Ты хочешь этого?
 ВЕРОНИКА. Мне кажется... я только этого и хочу...
 САКБЕВ. Что ты готова отдать за это?
 ВЕРОНИКА. Себя.
 САКБЕВ. Этого мало.
 ВЕРОНИКА. Свою душу?
 САКБЕВ. А чего стоит твоя душа?
 ВЕРОНИКА. *(хватаясь за бриллиант на шее)* Моя?.. Она бесценна. *(шепотом)* Tiffany's... Cartier...
 САКБЕВ. Мерилин...
 ВЕРОНИКА. *(шепотом, с придыханием)* Коко, Софи, Бриджит, Одри, Элви...
 САКБЕВ. *(держит бриллиант на ладони)* Они такие пустые и такие полные.
 ВЕРОНИКА. Они прекрасны.
 САКБЕВ. Жалко людей.

ВЕРОНИКА. Жалко.

САКЬЕВ. И никого не спасти.

ВЕРОНИКА. Я была на ваших проповедях. Но я люблю собак.

САКЬЕВ. Это неважно. Я знаю отличные мемы с собаками.

ВЕРОНИКА. Почему вы обратили на меня внимание?

САКЬЕВ. Потому что ты единственная не боишься пустоты.

ВЕРОНИКА. Иногда она переполняет меня, и мне трудно дышать.

САКЬЕВ. Человек выбирает хотеть Ничто, чем вовсе не хотеть. Но это и самое сложное — не хотеть Ничто.

ВЕРОНИКА. А вы — вы *хотите* Ничто?

САКЬЕВ. Поэтому мы и встретились.

ВЕРОНИКА. А что вы готовы отдать за меня?

САКЬЕВ. Вот этот палец.

Вероника берет его палец в рот и облизывает, как мороженое.

САКЬЕВ. Ты достойна чуда, дитя моё.

fractus

39

СТЕРЕО ЛИЗА. Звезда Nistagma, модельер Ив Сен-Бернар, создающий свои работы из собачьих шкур, заявил, что готов шокировать публику новым перформансом. «*Это будет революционный шаг в сближении человека с собакой!*» — заявил эпатажный модельер. Лидеры организации по защите прав домашних животных уже выступили с резким вето на подобное мероприятие. Вот что о работах Ива Сен-Бернара говорит критическая нейросеть Cenzorro: «*Не существует ни одной видимой и невидимой причины называть модой или искусством шкуры мертвых или живых животных*». Перформанс запланирован на ближайшие выходные в Ethical Fashion Central. Митинг зоозащитников пройдет в это же время у входа в здание.

fractus

ЭВА СЕКСО. ты цисгендерный мужчина.

МЭЙ АЙ ПЭЙ. Ну, я хотя бы кореец.

ЭВА. да, хотя бы кореец. но многие из q до сих пор недоумевают, как я с тобой работаю.

ПЭЙ. Главное, что шоу смотрят.

ЭВА. мне иногда не по себе от того, что мы делаем.

ПЭЙ. Ты о чем?

ЭВА. хочется сделать что-то настоящее. без костюмов и нейросеток. что-то откровенное. чтобы ты честно говорил о себе, а я о себе. без этих «incredible!» и «i'm so happy!».

ПЭЙ. Зачем? Это никому не нужно. Да и что ты скажешь? Все знают твою историю. Все читали твою книгу. Скоро еще и фильм будет.

ЭВА. никто ничего не знает, пэй.

ПЭЙ. А что? Что не знают, чего не знаю я?

ЭВА. и ты ничего не знаешь.

ПЭЙ. НУ РАССКАЖИ ТОГДА!

ЭВА. только если ты готов со мной.

ПЭЙ. Что это?

ЭВА. «слезы иисусы».

ПЭЙ. Откуда у тебя?

ЭВА. Так ты готов со мной?

Выпивают «Слёзы ИИсусы».

ПЭЙ. Ну что?

ЭВА. наверно надо просто говорить.

ПЭЙ. Давай говорить.

ЭВА. я сказала о шоу, потому что... — пэй, только не обижайся.

ПЭЙ. Ну.

ЭВА. «ничего святого» больше не делает меня счастливое. не заполняет меня.

ПЭЙ. Что-то мне дурно.

ЭВА. мне уже ничего не приносит облегчения.

ПЭЙ. Никакие мысли не идут в голову.

ЭВА. и мистерики — только обнажают бессмысленность. делают пустоту материальной.

ПЭЙ. Как будто что-то случилось.

ЭВА. что случилось. пэй. ничего не случилось. ничего святого. просто мне хочется.

ПЭЙ. Чего-то хочется, это да. Но чего?

ЭВА. мне хочется чтобы кто-то трахнул меня. так хочется! неважно кто. кто-то сильный. большой. чернокожий или индеец. с тупой головой и большим членом. и чтобы его вообще не заботило, кто я, что я. чтоб он пробил эту стенку. я хочу ребенка, пэй. я устало от иллюзий.

ПЭЙ. Как будто что-то будет совсем скоро. Как будто время — приблизилось.

ЭВА. и то что я всюду говорю, что я kids-free — все это херня. и после аборта — тысячу раз уже пожалело, пэй. мне нужен нужен. но у меня ты же знаешь ты же знаешь, детей — не может.

ПЭЙ. Как будто на меня смотрит чей-то глаз. Он видит меня.

ЭВА. ты спросишь, почему я не хочу to adopt a child? потому-у-у что. потому что — у меня уже е-е-есть ребенок. и он не отпускает меня. в этом все дело.

ПЭЙ. И голос. Ты не слышишь? Кто говорит? (*оборачивается*) Не видишь?

ЭВА. я зависимо-о-о, пэй. каждый день нянчу ее, пою ей песни, меняю подгузники.

ПЭЙ. Он спрашивает. Он спрашивает меня. Он спрашивает, за что я тружусь?

ЭВА. о черт. я уже много раз выбрасывало очки. каждый раз покупало новые.

ПЭЙ. За что я терплю? Почему я... почему я так развращен.

ЭВА. моя девочка. она не отпускает. и отто не может помочь. и никто не может. я в тупике что делать. пэй, я хочу ребенка, но не могу бросить этого. не могу. не могу бросить. я не могу разорваться. ну почему ты не пожалеешь меня?

ПЭЙ. Он говорит, нельзя оставлять первую любовь. А я... я оставил.

ЭВА. а что ты вообще чувствуешь?

ПЭЙ. Но мне нормально. Зачем мне еще что-то, если мне норм? И я богат.

ЭВА. у тебя умер сын, а тебе норм. но это ж иллю-ю-юзия. тебе бо-ольно.

ПЭЙ. Он говорит мне. Он говорит, что знает мою скорбь. И что я богат. И чтобы я ничего не боялся.

ЭВА. расскажи мне, как он умер. это ты убил его? пэй, мне ты можешь сказать.

ПЭЙ. Я сделаю больше того, что уже сделал. Я сделаю больше, я все исправлю.

ЭВА. как он погиб? ты не спас его?

ПЭЙ. Он мог стать мною. Теперь его — моё имя — на камне. Никто не знает.

ЭВА. что произошло тогда? это было в той поездке?

ПЭЙ. У него была такая кожа. Он так меня любил. Но я много пропускал.

ЭВА. чем он болел? он же чем-то болел?

ПЭЙ. Я был ему отцом. И не только. Но я не был, не был с ним до конца честен.

ЭВА. что между вами произошло? зачем ты брал его в сингапур?

ПЭЙ. Его смерть — это *мне* в наказание! Это *мне* в наказание!

ЭВА. скажи мне. скажи мне, пэй. как он умер? как умер твой сын?
ПЭЙ. *(хватаясь за шею)* Я... я его... *(задыхаясь)* Я нет. Нет. Эва.

Нарастающий стук копыт.

fractus

ИВ СЕН-БЕРНАР. Опять она с ним развлекается. Даже не знаю, что ты чувствуешь. У меня же нет такого длинного языка. Говорит, нежный. Ты ревнуешь, Жаклин? Ну, девочка моя, не ревнуй. Для тебя он уже сделал всё, что должен. А я доделаю всё остальное. Возвеличу тебя. Твои щеночки останутся в вечности. Это будет моя лучшая работа. Но fuck, я все равно — не могу не ревновать ее. Она рассказала мне про его knot. Ты знаешь что это, девочка моя. Неужели она и вправду могла? Даже мне брезгливо от одной мысли. Одно дело полизать ноги и даже *там...* но — *это?* Сложно поверить. С другой стороны, она же так боится забеременеть. А от Пьера-то у нее вряд ли будет приплод. А, Жаклин? Как думаешь? Такие вот мы с тобой аутсайдеры. Но мы с тобой еще покажем. Пьер будет скулить, смотря на тебя. И мы обязательно запишем тебя для него на кассету.

42

fractus

Линия света спускается на раздевающуюся перед видеокамерой ВЕРОНИКУ АДВИЛ. Луч физически ощутим, и Вероника прогибается под ним. Луч придавливает ее сильнее, Вероника стонет, пытается выпить обезболивающее — таблетки падают из рук. Она кричит от боли, потом от наслаждения.

Фрактал-ω

fractus

ИВ СЕН-БЕРНАР БИКИНИ-МАНИФЕСТ

В своих работах я всегда стремлюсь к чистоте линий Матисса. А с животными шкурами этого добиться особенно сложно. Найти гармонический ключ между живым и мертвым — цель и смысл моих работ. И если мне удастся передать зрителю или покупателю мою выразительность — ночь я сплю спокойно. Но с утра всё заново. Я хочу, чтобы человек почувствовал себя в шкуре животного. Пусть это банально, пусть это ничто, ничего не значащая вещь, ведь мы и так животные. Но я хочу, чтобы люди смотрели на собачьи шкуры и думали, «Господи! Я сам и есть эта собака!» — Это одна сторона.

43

Мои работы для тех, кто ощущает себя вычеркнутым из реальности. Для тех, кто даже не уверен, что существует. Для тех, кто не может почувствовать себя настоящим. Для тех, кто не хочет детей, потому что не может выбраться из-под родителей, даже из-под мертвых. В общем, мои работы — для всех.

Природа поступила несправедливо, когда дала животным безликую смерть и тем самым обрекла на растворение, на небытие после кончины. Человека же она поставила в привилегированное положение, дав ему возможность переживать смерть на протяжении всей жизни и наделять ее смыслом. Это несправедливо. Я вижу свою миссию в том, чтобы дать животному то, что дано человеку. Я хочу обессмертить животное. — И это вторая сторона.

Животные созданы для служения человеку, и поэтому, выполнив свой долг, они уходят навсегда и безвозвратно. Но что если мы можем изменить это? Что если человек может поделиться с животным своей способностью к осознанию смерти? Что если смерть — это только то, что мы называем смертью? Тогда мы можем, нет, — мы должны! изменить свое восприятие беззаветной смерти животных. Это наша обязанность как старших братьев. Если мы отказались от своих грехов, почему мы должны отказываться от добродетелей? Кто знает, может, после смерти в той самой темной комнате нас будут ждать увековеченные нами братья наши меньшие?

Мой последний показ посвящен в прямом смысле слова «обнажению» этой проблемы — поэтому я представляю вам коллекцию купальных костюмов.

Rencontrons-nous de l'autre côté!

fractus

СТЕРЕО ЛИЗА. Будет ли VR-секс-модель и звезда Nistagma Вероника Адвил делать аборт? — так звучит главный вопрос, которым *сегодня* задается общественность. Kids-free-активисты, к которым принадлежала Вероника, убеждены, этот кейс определит судьбу их движения и, вероятно, обречет на раскол. Эва Сексо уже озвучило собственное мнение: *«я хочу обратиться к фанатам вероники. оставьте ее в покое! она женщина, и сама решит, что делать со своим телом. не забывайте, она всё еще переживает утрату близкого человека. придет время, вы узнаете о ее решении»*. До сих пор неизвестен возможный отец ребенка. Сама Вероника отказывается от комментариев.

fractus

44

О. САКЪЕВ. Блудами объятая всяческими, сейчас ты явилась откровения полна. Без покаяния и без подражания ангельской жизни пришла ты, животом своим побеждая демонов. И не устранившись страдания земного, до конца претерпела его, возымев дерзновения. Непорочна ты в девах и благословен плод чрева твоего. Теперь прибежище ты нам в род и род. В тебе, о мать, спаслось то, что в нас по образу беса, алчущего бесплодного, стерлось и пригрелось на выжженных полях, где мы теряем лета наши, как звук. Умоли о прощении грехов наших, да и мы сподобимся сладчайшего гласа, Веранико преславная. Аминь.

fractus

ЭВА СЕКСО *встает на колени перед ВЕРОНИКОЙ АДВИЛ.*

ЭВА. можно? только послушаю.

ВЕРОНИКА. Всё равно ничего не слышно.

ЭВА. а пол?

ВЕРОНИКА. Я не узнавала. Неэтично.

ЭВА. ну да. что будешь делать?

ВЕРОНИКА. Пока не знаю. Времени мало.

ЭВА. от кого ребенок?

ВЕРОНИКА. Ни от кого.

ЭВА. как это?

ВЕРОНИКА. У меня были постоянные кровотечения. Никто не знал, что со мной. Я почему адвил пила. У меня не могло быть детей.

ЭВА. но ты же спала с кем-то? с ивом?

ВЕРОНИКА. Я уже давно не спала. С мужчинами.

ЭВА. девочка моя, с кем ты связалась?

ВЕРОНИКА. Не спрашивай.

ЭВА. а ребенка-то хочешь?

ВЕРОНИКА. Не знаю. Не знаю. Помоги мне решить. Ты же было беременно.

ЭВА. было. тогда была.

ВЕРОНИКА. Почему ты сделало аборт?

ЭВА. сложно объяснить. я было опустошено. что-то сделало аборт за меня.

ВЕРОНИКА. И я как будто в пустоте. И не за что зацепиться.

Пауза. Эва достает пузырек «Слезы ИИсусы»

45

ВЕРОНИКА. Нет-нет. Не хочу.

ЭВА. почему?

ВЕРОНИКА. Я знаю, что скажу под «слезами».

ЭВА. почему ты тогда еще думаешь?

ВЕРОНИКА. Потому что. Я выбрала быть счастливой. А теперь всё может пойти не так, не туда.

ЭВА. если ты боишься, я могу забрать его себе.

ВЕРОНИКА. Нет! Это *моё!* Ты убьешь его! Это *моё!* Оно не достанется никому!

fractus

ЭВА СЕКСО. меня трясет, когда я. Я закурю.

ОТТО ШТЕЛЬМАХЕР. Нет. Sorry.

ЭВА. трясет каждый раз, когда вижу, как она лижет его лицо.

ОТТО. Кто лижет?

ЭВА. собака. жаклин. вся в крови собственных щенков. длинным розовым языком. пока этот убийца не зарезал и ее. она вся истосковалась. она любила его. а я — даже не смогло пригласить его на своё шоу.

ОТТО. Ничего святого.

ЭВА. что?

ОТТО. Ваше шоу — «Ничего святого».

ЭВА. он был мне как брат. только с ним я могло быть собой. его на самом деле звали иван. русский. ив сен-бернар — псевдоним. ив даже судился за право так называться. всю жизнь боролся с невежеством и злобой. всю жизнь. и очень переживал, когда люди отвергали его искусство. а он стремился к прекрасному. много ли вы знаете таких людей? талантливый, честный.

ОТТО. О чем вы плачете, Эва?

ЭВА. я не знаю, как себя вести, что говорить. оттягиваю этот момент, но люди ждут. я должно что-то сказать об иве. осудить его и обречь на забвение. или возвысить, пойти против общественного мнения.

ОТТО. И что вам дороже?

ЭВА. с другой стороны, он же всегда будет в моем сердце, каким я его помню..?

ОТТО. Когда вы в последний раз с ним говорили?

ЭВА. что? в смысле?

ОТТО. Когда вы в последний раз виделись с Ивом?

ЭВА. сегодня.

ОТТО. Опять VR?

ЭВА. но зато я больше не нянчусь с ребенком. и мать... я поняло, что это бессмысленно — что-то пытаться исправить.

ОТТО. Но с Ивом вы общаетесь. Вы чувствуете вину перед ним?

ЭВА. мне кажется... мне просто нужно кого-то любить. кого-то, кого уже нет. и ив... не могу простить себе, что не помешало. что просто сидело и смотрело, как его убивают. а ведь я брало интервью у этого убийцы, этого зверя.

ОТТО. Вы про Сакьева?

ЭВА. не произносите это имя! это имя проклято! если бы я могло расквитаться с ним в виртуале, я бы делало это каждый день. но пока идет суд, его аватар заблокирован. я плачу деньги за максимальную подписку, а они блокируют! как они вообще смеют?

ОТТО. Считаете, месть искупит вину?

ЭВА. а что я еще могу?

ОТТО. А вы не думали поговорить с Сакьевым лично? Как журналист.

ЭВА. о, я уничтожу его. я разобью его о скалы моей ненависти. он будет рыдать над собственным фиаско. я заставляю его чувствовать боль и несправедливость.

ОТТО. О-хо-хо.

fractus

СТЕРЕО ЛИЗА. В ходе расследования убийства модельера Ива Сен-Бернара вскрылись новые подробности. Как известно, билеты в Ethical Fashion Central продавались на торгах аукционных домов, поэтому на презентацию новой линейки одежды и завершающий перформанс смогли попасть немногие. Одним из условий для гостей был полный запрет на пронос гаджетов. Единственная запись велась на установленную в зале кассетную видеокамеру. Следствие до сих пор не может найти кассету с записью убийства. Также от адвоката Ива Сен-Бернара стало известно, что все деньги от продажи билетов модельер завещал фонду защиты собак. Фонд уже озвучил свою позицию по этому вопросу: *«Мы категорически отказываемся от этих денег! Впрочем, если последователи Ива Сен-Бернара изменят позицию в отношении животных, мы с благодарностью примем столь щедрый подарок».*

fractus

47

МЭЙ АЙ ПЭЙ. По статистике прегнант-порно сейчас смотрят больше женщин, чем мужчин. Причем, представляешь, это связывают с запретными желаниями женщин. Не с сексуальными! В общем, наша задача подтянуть мужскую аудиторию. Сейчас тег #pregnant не входит даже в топ-20. Цель нашей кампании — ворваться в десятку. Ты уже посмотрела мой вирусный ролик?

ВЕРОНИКА АДВИЛ. Я люблю джаз.

ПЭЙ. Это старо, никто не клюнет. И еще. Идея тебе, конечно, может не понравится, но это необходимо: нужно сменить имя на Веронику Норма. Так звали Мерилин, кстати, ты ее любишь. Просто название обезболивающего отпугивает тех, кто дронит на беременных. А это наша аудитория.

ВЕРОНИКА. Зачем ты вообще это делаешь?

ПЭЙ. ВЕРОНИКА. Я ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЮ. Я ПОЛЬЗУЮСЬ СВОИМ КАПИТАЛОМ, ЧТОБЫ СПАСТИ ТВОЮ КАРЬЕРУ!

ВЕРОНИКА. А я просила?

ПЭЙ. Ты не хочешь больше в порно? *(раскаиваясь)* Oh, I'm so sorry! Я думал, для тебя это важно. Тогда ты можешь сменить имидж, продвигать материнство, тебя поддержат! Сделаем мощную кампанию. А этот ролик удалим.

ВЕРОНИКА. С чего ты взял, что я... Может, я хочу быть Вероника Аборт?

ПЭЙ. Нет. Это имя бесперспективно. Негативные ассоциации. Это я и без аналитиков тебе скажу. Я бы на твоём месте...

ВЕРОНИКА. Господи, неужели тебе всё равно?!

ПЭЙ. В смысле?

ВЕРОНИКА. Вот тебе не интересно, откуда у меня ребенок?

ПЭЙ. Ну, от Ива..?

ВЕРОНИКА. Даже если от Ива, тебе совершенно плевать на то, что его нет?

ПЭЙ. Но ты же его не любила?

ВЕРОНИКА. С чего ты взял? Да даже если не любила!!!

ПЭЙ. Ты *была* со мной. ПРИНИМАЛА МОИ ПОДАРКИ.

ВЕРОНИКА. А ты считаешь, что меня можно купить? Что я что? — товар?

ПЭЙ. Нет, детка, мы все товары. Мир товаров. И счастлив тот, кто умеет себя продавать. Так живут все люди. Во всяком случае, вменяемые.

ВЕРОНИКА. О боже, я сто раз это слышала!

ПЭЙ. Детка, тебе надо успокоиться и понять. Ты будешь продавать себя одна или вместе с ребенком. Ты же сама говорила, что выбрала быть счастливой.

ВЕРОНИКА. Сколько я должна тебе?

ПЭЙ. Что? В смысле?

ВЕРОНИКА. Сколько ты потратил на меня за все время? Ты наверняка считал.

ПЭЙ. Да какая разница? Мне не жалко на тебя ни цента.

ВЕРОНИКА. Вот, возьми. Это окупит все твои расходы. Это кровь твоего врага.

ПЭЙ. Врага? Но как же... Стой! Если ты выберешь ребенка... Я хочу сказать. Я люблю детей. Я бы хотел...

ВЕРОНИКА. Ты любишь детей?

ПЭЙ. Больше всего на свете! Это крутой опыт! Incredible!

fractus

СТЕРЕО ЛИЗА. На торгах аукционного дома Christie's выставлен необычный лот от анонимного коллекционера. Это белое платье в крови проповедника и известного теотехнолога О. Сакьева, прозванное «новой плащаницей». Лот не имеет предварительной оценки, торги начнутся с 30 долларов, но, по мнению специалистов, стоимость его может достичь семизначной цифры. Аукционный дом гарантирует подлинность артефакта. Арт-критики настроены скептически и убеждены, что ценность лота снизится с окончанием судебного процесса над предполагаемым убийцей модельера Ива Сен-Бернара. Ежедневно тысячи сторонников проповедника О.Сакьева выходят на митинги с требованием высвободить их гуру.

fractus

ОТТО ШТЕЛЬМАХЕР в VR-очках и врачебном халате на голое тело.
На кровати под одеялом лежит Эва Сексо.

ОТТО. Что, Эва? Снова рецидив? А я говорил, что нельзя бросать лечение! Я же говорил, что так можно навсегда остаться в иллюзии? Эвочка, если вы не будете меня слушать, я ничем не смогу помочь. Ну хорошо, дай я тебя осмотрю...

Стаскивает одеяло. Присаживается на край постели, пальпирует тело Эвы.

Меня всегда возбуждала... твоя история... болезни... сколько жизни! Так что сессию с тобой я жду больше всего на свете. Мы уже так давно знакомы. Так что можешь не бояться и считать меня обычным человеком. Поверь, наша страсть — это часть терапии, Эвочка. Это динамика. Это движение.

49 *Ложится к Эве и двигается.*

Движение. Движение — это жизнь, Эва, любимое моё...

fractus

О. САКБЕВ. Ты. Как ты прекрасна.
ВЕРОНИКА АДВИЛ. Что... что они с вами сделали, отец?
О. САКБЕВ. Ну что ты, какой я отец. Теперь ты сама — мать.
ВЕРОНИКА. Вы в крови...
САКБЕВ. Это неважно. Ведь я могу видеть тебя.

Вероника утирает его лицо полой белого платья. Он трогает ее живот.

САКБЕВ. О чудо! Я говорил, что ты достойна чуда.
ВЕРОНИКА. Но что мне теперь делать?
САКБЕВ. Может быть, ничего? Само сложится? Так часто нам приятно то, чем мы тяготимся. Я сам так долго не принимал этого.
ВЕРОНИКА. О чем вы?
САКБЕВ. *(протягивает носовой платок)* Возьми.
ВЕРОНИКА. Что это? *(раскрывает, видит палец)* Ах!
САКБЕВ. Я обещал, что отдам его за тебя.
ВЕРОНИКА. *(автоматический шепот)* ...Tiffany's... Cartier...

САКЪЕВ. Молитва. Теперь только молитва... Раньше преклонялся перед пустышкой, какими-то мемами, кошечки... Господи! Будь проклята та мысль, что завлекла меня! Но в основном я всё-таки был прав — Великий Фрактал! Он был, он есть. Просто раньше я видел лишь пустоту, а теперь... я молюсь по Тебе, Вероника. Тебе дана невероятная сила! Воспользуйся ею!

ВЕРОНИКА. Но я даже. Я боюсь...

САКЪЕВ. Ты боишься.

ВЕРОНИКА. Боюсь, что...

САКЪЕВ. Что...

ВЕРОНИКА. Что у меня родится не совсем человек.

САКЪЕВ. Естественно! Твой ребенок — дитя чуда. Он подобен откровению.

ВЕРОНИКА. *(шепотом)* Мерилин, Коко, Софи, Элви...

САКЪЕВ. А для чудес нет мерила. Для чудес нет оценки. И нет морали. Чудеса. *(кашляет кровью)* Чудеса случаются. И всё меняется. Все меняются.

ВЕРОНИКА. Но что теперь будет? Что если...

САКЪЕВ. Всё уже случилось. Это критический момент. *(кашляет)* С тобой попробуют договорить, дитя мое. Они будут испытывать тебя, предлагать превращать камни в хлеб, будут запугивать жизнями других. Но как бы ты ни поступила, всё уже случилось. Так устроен Фрактал.

ВЕРОНИКА. Но я хочу, чтобы всё было как раньше.

САКЪЕВ. Что было — ложь. Мы ничего не должны прошлому.

ВЕРОНИКА. Но я не знаю, что я должна сделать сейчас.

САКЪЕВ. Загляни в сердце. Там светятся не только бриллианты, но и любовь. Без тебя ее никто не увидит. *(закашливается и падает)*

fractus

СТЕРЕО ЛИЗА. Новые «Слезы ИИсусы будут вызывать мягкую амнезию. Ученые университета Торонто отреагировали на резкое снижение индекса счастья населения после поступления в продажу «Сыворотки откровения» и доработали препарат. Новая версия создана также в целях борьбы с ИИсусо-зависимостью у потребителей. Фармацевтическая компания также сменит дизайн упаковки на более позитивный, и запустит акцию «Всё можно исправить!». Согласно опросам, ожидание новой итерации «Слез ИИсусы» уже сейчас превышает спрос на первую версию препарата.

fractus

ЭВА СЕКСО в VR с ИВОМ СЕН-БЕРНАРОМ.

ЭВА. ив, я так скучаю по тебе, дружок. нет сил плакать. мне всё кажется, что ты просто уехал в париж или милан на показ и скоро вернешься. я всё жду тебя, жду. что же произошло? я всё думаю, думаю и не понимаю.

ИВ. Они называют это насилием.

ЭВА. это и есть насилие.

ИВ. Да, это ужасно.

ЭВА. чувствую себя паршиво. как что-то маленькое и незащищенное, недостойное мегаполиса, нужно ехать в маленький город по размеру. и так одиноко. а когда ты был, я могло игнорировать тебя. лишь потеряв, мы по-настоящему начинаем ценить.

ИВ. Великие слова. Кто это сказал?

ЭВА. не знаю. много кто это говорил.

ИВ. Коко. Оч хорошо. Коко. Великие слова.

ЭВА. и я не знаю, что мне делать. защищать тебя или осуждать. ведь если я пойду против общественного мнения, они меня распнут.

ИВ. Да. Революционерка! Только революции, только революции, Эва!

ЭВА. боюсь, люди не поймут меня, ив.

ИВ. И не поймут!

ЭВА. ты простишь меня?

ИВ. Эти — из общества — говорят, что я живодер. Ну ты представляешь?.. Я просто делаю мир красивее. Я даю животным новую жизнь... Лишь перед лицом вечности я и творю.

ЭВА. не переживай, я уничтожило кассету, чтобы никто не посмел танцевать на твоей смерти, ни зоозащитники, ни некрофилы.

ИВ. Колли и хаски!

ЭВА. с пьером всё в порядке. он живет у меня. грустит, конечно.

Открывается дверь. Эва снимает VR-очки. В комнату въезжает коробка в человеческий рост с большим красным бантом и подписью «От друга». Эва рассматривает, распускает бант, коробка раскрывается. В ней — двухметровый негр в переполненных стрингах и с розой в зубах. Он медленно приближается к Эве.

Ив продолжает говорить приглушенно: «...Это было откровением, Эва. Я слушал Elvi Priest, и мне открылось... Огонь и ветер... жизнь и смерть... это моя страсть, Эва!»

fractus

МЭЙ АЙ ПЭЙ *перед иконостасом из фотографий и видео с маленьким мальчиком. Рядом стоит пустой пузырек «Слез ИИсусы» в новой упаковке.*

Когда я был маленьким, как ты, я посмотрел фильм — «Шоу Трумана» и с тех пор очень часто думал о том, что вся жизнь — это одно большое реалити-шоу. В какой-то момент я успокоился. Решил, что моя жизнь слишком уж велика для реалити-шоу. Но потом задумался: а так ли она велика? Много ли нужно, чтоб меня обмануть? Я смотрел в окно на дом напротив, он там был всю мою жизнь, и понимал, что ни разу даже не был в нем. Все эти окна, в которые я ни разу не заглядывал. А может быть, все эти квартиры пустые? А может, и квартир там нет, может, там только бетон? И нет никаких людей. Но это, конечно, невозможно. Я же не только в окно смотрел, я же гулял по городу, заходил во всякие места. Это же сколько надо зданий построить для декораций? Сколько актеров нанять? И я снова успокаивался. А потом снова задумывался: а так ли сложно построить эти здания? А так ли много нужно актеров? Может быть, в том, настоящем мире, которого я никогда не видел, живет не десять миллиардов человек, а сто десять миллиардов? Может, чтобы заселить один город — это вообще фигня. А может, людей-то не десять миллиардов, а несколько сотен тысяч, а остальные — это копии копий, нейросеть даже может их наделать миллионы. Когда реальность расшатывалась окончательно, на помощь приходил интернет. Ну разве можно подделать интернет? А потом я снова задумывался и понимал: да запросто! Весь доступный мне интернет — это работа для ста, ну тысячи копирайтеров и креативщиков максимум! Да и смотрю я только англоязычный интернет. Сайты на других языках могут быть забиты рецептами куриного супа, а я бы даже не заметил! Потом я задумался, а почему такое крупное реалити-шоу идет на английском? Но опять же, что я вообще знаю про весь мир? Мир может говорить хоть на турецком. Английский может быть вообще выдуманным языком, типа эльфийского. Я об этом никогда не узнаю. Мне с детства говорили, что английский — это язык международного общения, создали англоязычный интернет — и все. И я верю. Иронично, но последней защитой реальности становился кинематограф. Я ведь столько фильмов смотрел на английском, их же не станут специально ради меня снимать! И тут реальность скручивалась в новый неожиданный поворот: а что, если эти фильмы уже давно вышли? Что если мне показывают старье? Я же понятия не имею, какие в

настоящем мире технологии. Мне показывают старье, а я попкорн жую и радуюсь. И мне говорят: Такой-то фильм собрал миллиард и обласкан критиками. И я думаю: Да-а, по нему видно, что хорошая картина! Мне говорят: А вот этот фильм провалился и критиками обруган. И я: Да-а, действительно — так себе. А что, если в настоящем мире всё было наоборот? Что, если я ругаю признанные шедевры кинематографа и восторгаюсь ширпотребом? Как зыбко всё, что мне известно о мире! Я не могу отличить дерьмо от шедевра! Я понятия не имею, сколько людей живет на Земле. Да я даже не знаю, круглая ли Земля! Может, вся физика придумана ради розыгрыша, а зрители смотрят на меня там у себя и ухахатываются над тем, что я верю в кислород и гравитацию! И уже не хочется смеяться над теми, кто пытается доказать, что Земля плоская. Потому что знают не больше моего. Но при условии, что они существуют, конечно... И когда появился ты, я тоже думал, а реален ли ты? Может, ты тоже выполняешь какую-то роль. Я это четко понимал, когда ты совсем маленький еще лежал в кроватке и смотрел на меня таким взглядом, будто говорил: отец, они дурят тебя! Вся твоя жизнь только для того, чтобы им было весело. И я даже не знаю, как чувствовать вину перед тобой, а вдруг и ты ненастоящий? Вдруг я просто испортил им шоу? Или может, наоборот — развлек их неожиданным поворотом?.. Все эти рассуждения... это забавно, но в конечном счете они разбиваются об одну простую мысль, которую я всё чаще думаю последнее время. Моя жизнь слишком скучна. С другой стороны, я же понятия не имею, какая бывает настоящая жизнь. И приходится жить эту.

fractus

ЭВА СЕКСО. *(гладит собаку)* Пьер, хочешь посмотреть «В джазе только девушки»? Хочешь? Ты мой мальчик. Тоскливо тебе одному, да?

Эва вставляет кассету в видеомагнитофон. На экране последний показ мод Сен-Бернара. Пьер смотрит на экран, из пасти течет слюна.

Хочешь к хозяину, Пьер? Хочешь к своему папочке?
Эва Сексо крошит таблетки в собачью миску.

fractus

ЭВА СЕКСО. почему вы убили ива сен-бернара?

О. САКЪЕВ. Боюсь, мне уже нечего сказать. Я стал другим человеком.

ЭВА. очень удобная позиция. и что же вас заставило измениться?

САКЪЕВ. То же, что скоро всё изменит.

ЭВА. вы про свой бесчеловечный поступок?

САКЪЕВ. Нет. Меняет не смерть. Меняет жизнь.

ЭВА. зачем этот пафос? он неуместен.

САКЪЕВ. Пафос... Это всё прошлое — мемы, кошечки.

ЭВА. и всё-таки: что было тогда в вашей голове? или вам память отшибло?

САКЪЕВ. Нет, я помню. Я хотел явить людям пустоту.

ЭВА. а вы их спрашивали? может, не нужна им ваша пустота?

САКЪЕВ. Не нужна, конечно. Но нужна истина. Мы предрасположены к истине.

ЭВА. и вы подумали, что если убьете человека, люди ее увидят?

САКЪЕВ. Да... как оказалось, я и сам ее не видел. Но всё же это не было убийством, это было жертвоприношение.

ЭВА. пф-ф. жертвоприношение? кому?

САКЪЕВ. Кому. Богу иллюзий, богу фантазий. В него же верят. В конце концов, многие желали ему смерти. Я сделал то, чего все хотели.

ЭВА. хотеть и сделать — не одно и то же.

САКЪЕВ. И в этом я видел нашу разницу.

ЭВА. но собаку зачем убивать?

САКЪЕВ. Она была обречена.

ЭВА. так можно оправдать любое убийство.

САКЪЕВ. А вы-то сами на чьей стороне?

ЭВА. я? убийство — это плохо.

САКЪЕВ. А убийство убийцы? Убийство живодера?

ЭВА. но... мы не боги, чтобы решать.

САКЪЕВ. Может быть, поэтому мы так одиноки? Так бессмысленны?

ЭВА. вы ищете оправдания.

САКЪЕВ. Да нет же. Я убил человека, и теперь убьют *меня*. А вы останетесь.

ЭВА. и что дальше?

САКЪЕВ. А дальше — конец всему, что затуманивало облик человека. Мы больше не связаны долгом, верой, моралью, семьей.

Человек сегодня — самое возвышенное и самое ничтожное существо. Мы наконец-то вочеловечились. И понятия не имеем, что с этим делать. Но у нас есть надежда.

ЭВА. надежда. и вы сейчас серьезно? какая же?

САКЬЕВ. Наши дети. Их мало, их все меньше. Но они будут. И они будут как боги. Они освободят нас. Их несправедливость будет самым большим благом для нас. Они будут судить нас. Самым страшным судом. Потому что *мы* делали самое страшное с ними. Мы не ругали и не били их. Мы их запрещали.

ЭВА. да как вы смеете?.. вы страшный, чудовищный человек.

САКЬЕВ. Чудовищ боятся только зеркала. И принцессы.

ЭВА. и по поводу на чьей я стороне... — желаю вам высшей меры наказания.

fractus

Кладбище домашних животных. После каждой реплики — протяжный скулёж.

ЖАКЛИН. Хозяин любил нас...

ПЬЕР. Хозяин любил собак больше, чем кто-либо другой, и хотел умереть как собака.

ЖАКЛИН. Мы похоронили...

ПЬЕР. Поэтому мы похоронили его здесь. Рядом с теми, кого он любил.

ЖАКЛИН. Ох уж эти люди...

ПЬЕР. Его не похоронили по-человечески. Поэтому мы хороним его по-собачьи.

ЖАКЛИН. Его зарезали...

ПЬЕР. Его убил тот самый нож, под которым полегли сотни наших сородичей.

ЖАКЛИН. Он пожертвовал собой...

ПЬЕР. Хозяин отдал всё, чтобы дать собачьей жизни человеческое достоинство.

ЖАКЛИН. Он был такой добрый...

ПЬЕР. Не было человека милостивее и добрее, чем наш хозяин. Не было человека, который смотрел на собаку на одном с нею уровне.

ЖАКЛИН. Он так понимал меня...

ПЬЕР. Подобно Адаму и Еве хозяин знал язык животных, и поэтому мы льнули к нему и беспрекословно выполняли все его команды.

ЖАКЛИН. «Сидеть»...

ПЬЕР. Хозяин говорил «сидеть» — и мы садились.

ЖАКЛИН. «Лежать»...

ПЬЕР. Хозяин говорил «лежать» — и мы ложились.

ЖАКЛИН. «Место»...

ПЬЕР. Хозяин говорил «место» — и мы безропотно шли на свой коврик.
ЖАКЛИН. «Апорт»...
ПЬЕР. Жаклин, достаточно.
ЖАКЛИН. Ав.
ПЬЕР. Никто не понимал собак лучше него. И никого собаки не понимали лучше, чем нашего хозяина. Вечная память. Пусть земля ему будет пухом.
ЖАКЛИН. Я отдала ему своих щенков...
ПЬЕР. Жаклин.
ЖАКЛИН. Я отдала ему своих щенков...
ПЬЕР. Жаклин!
ЖАКЛИН. Где мои щенята? Где теперь мои щенята? Я так и не встретила их. Он обещал нам вечность, но я так и не встретила их.
ПЬЕР. Хозяин сделал всё, что мог.
ЖАКЛИН. Я могла бы сейчас выкармливать их. Вылизывать их...
ПЬЕР. Хозяин умер, как собака. Разве можно сделать большее?
ЖАКЛИН. Мои щенятки, теплые, пятнистые, их было много, я так любила их... Почему мы оказались не вместе? Что же я наделала, Пьер?.. Что же я наделала?

56

fractus

МЭЙ АЙ ПЭЙ. Я говорю, главное, что шоу смотрят.
ЭВА СЭКСО. не знаю, как дальше делать шоу. frustrating!
ПЭЙ. Если ты о том, что произошло... я уже извинился. Или ты о чем?
ЭВА. хочется сделать что-то настоящее. то, о чем болит.
ПЭЙ. Но это никому не нужно! Не интересно. Заладила. Или ты будешь рассказывать, что хочешь ребенка?
ЭВА. не напоминай мне!
ПЭЙ. I'm sorry, Эва!
ЭВА. это тупик.
ПЭЙ. Ну хочешь, сделаем про Ива? Если это подать под правильным соусом...
ЭВА. нет! я не буду делать шоу из его смерти.
ПЭЙ. НО ОН И ТАК СДЕЛАЛ ШОУ!
ЭВА. ты был там. это было ужасно.
ПЭЙ. IT'S HORRIBLE! Но это жизнь.
ЭВА. жизнь? что такое *твоя* жизнь?

Пауза. Мэй Ай Пэй расслабляет галстук. Достает «Слезы ИИсусы».

ЭВА. новые «слезы»? что ты хочешь у меня узнать?

ПЭЙ. Нет-нет. Это я хочу рассказать. А потом забыть. И дальше делать наше шоу. Как будто ни ты, ни я ничего друг о друге не знаем. Ты со мной?

ЭВА. в тебе ничего святого.

Выпивают «Слёзы Иисусы». Мэй Ай Пэй достаёт пачку Lucky Strike, закуривает. Его перемыкает.

ЭВА. ты куришь?!

ПЭЙ. МНЕ ДАНО. ДАНО. ДАНО СУЩЕСТВОВАТЬ. А Я В АПАТИИ. А НАС ЛЮБЯТ. И БОЛЬ В ГОРЛО ПО ЛОКОТЬ. МАКС БЫЛ ТАК НЕДОЛГО. СЫН БЫЛ ТАК НЕДОЛГО. МАКС МОЙ СЫН БЫЛ И НЕ БЫЛ. И Я МОГУ ТОЛЬКО. СОМНЕВАТЬСЯ ТОЛЬКО. ПОМНИТЬ ЕГО ТЕЛО. СПОКОЙНОЕ ТАКОЕ. НА МОИХ РУКАХ. СПОКОЙНОЕ ТАКОЕ. НА МОИХ РУКАХ. БЕСКОНЕЧНО СПОКОЙНОЕ ТАКОЕ. НО НЕ ЗАБЕГАТЬ ВПЕРЕД. А СКОЛЬКО ТРУДОВ. ОКАЗАЛОСЬ СЛОМАНО. И Я ПЛАКАЛ. НО Я ВЗЯЛ СВОЮ ВОЛЮ. ВСЮ СВОЮ ВОЛЮ. ВЗЯЛ СВОЮ ВОЛЮ. Я КАМЕНЬ... ЕГО СМЕРТЬ — ЭТО НЕ ДОКАЗАНО. НЕТ УЧЕНЫХ. ЭТО НЕ ДОКАЗАНО. ЭТО ТЕЛО. СПОКОЙНОЕ ТАКОЕ. ЕГО ТЕЛО. СПОКОЙНОЕ ТАКОЕ. МНЕ ВСЕ ЭТО КАЖЕТСЯ. МАКС БЫЛ ТАК НЕДОЛГО. МОЙ СЫН. А Я БЫЛ ОТЕЦ. А Я БЫЛ ОТЕЦ. НЕ ТОЛЬКО. Я ЛЮБИЛ ЕГО КАК ОТЕЦ. НЕ ТОЛЬКО. ИНОГДА МНЕ КАЖЕТСЯ. ЧТО ВСЁ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ. ЧТО МАКС БЫЛ. ЭТО НЕ ДОКАЗАНО. ВОЗМОЖНЫ ПРОСЧЕТЫ. ЭТО НЕ ДОКАЗАНО. ЭТО ТЕЛО. НА МОИХ РУКАХ. ЕГО СИНЯЯ КОЖА. НА МОИХ РУКАХ. СИЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ. И НЕ ТОЛЬКО. СИНЯЯ ЛЮБОВЬ. И НЕ ТОЛЬКО. СИНЯЯ КРОВЬ. НЕХВАТКА КИСЛОРОДА. Я ЛЮБИЛ ЕГО КАК ОТЕЦ. И НЕ ТОЛЬКО. МАКС БЫЛ И НЕ БЫЛ. И БЫЛ ЕЩЕ КТО-ТО. Я НЕ МОГ ДОКАЗАТЬ ЕМУ. Я НЕ МОГ СКАЗАТЬ КТО Я. НЕ МОГ ДОКАЗАТЬ ЕМУ ЧТО Я. ЭТО БЫЛ ОПЫТ. КТО-ТО СКАЗАЛ. ВОЗМОЖНЫ ПРОСЧЕТЫ. ДОКТОР СКАЗАЛ ПЭЙ. ДОКТОР СКАЗАЛ. ЭТО БЫЛ ОПЫТ. НО НЕ ЗАБЕГАТЬ ВПЕРЕД. У НАС БЫЛО МНОГО. Я БЫЛ ОТЕЦ. И НЕ ТОЛЬКО. ЕГО СИНЯЯ КОЖА. МАКС БЫЛ ТАК НЕДОЛГО. ЭТО БЫЛО СЛУЧАЙНО. НЕХВАТКА КИСЛОРОДА. И НЕИЗВЕСТНО НЕВАЖНО. ВОЗМОЖНЫ ПРОСЧЕТЫ. ЭТО БЫЛО СЛУЧАЙНО. МАКС БЫЛ ИЛИ НЕ БЫЛ. ВЫМЫСЕЛ ИЛИ ПРАВДА. ЕГО НЕЖНАЯ КОЖА. ОН ЖЕ ВЕДЬ ЕСТЬ. ЕСТЬ И ЕГО НЕТУ. Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ПРАВДА. ПРАВДА. ПРАВДА ЭТО АБРАКАДАБРА. А Я В АПАТИИ. КОЕ-КАК ВЫБРАЛСЯ. ВЗЯЛ СВОЮ ВОЛЮ. КОЕ-КАК ВЫБРАЛСЯ. ВСЮ СВОЮ ВОЛЮ — И ВЫБРАЛСЯ. СКОЛЬКО ТРУДОВ. ОКАЗАЛОСЬ СЛОМАНО. СКОЛЬКО ТРУДОВ. ЗАБЫТО И БРОШЕНО. ЭТО ДУШИТ ПАМЯТЬ. ЧТО Я БЫЛ ОТЕЦ. И НЕ ТОЛЬКО. Я ЕГО ЛЮБИЛ КАК ОТЕЦ. И НЕ ТОЛЬКО. И Я ВЗЯЛ СВОЮ ВОЛЮ. Я ВЗЯЛ БОЛЬ ЗА ЛОКОТЬ. Я СКАЗАЛ ПЭЙ. ТЫ КАМЕНЬ. ЭТО БЫЛ ОПЫТ. Я СКАЗАЛ ТЫ КАМЕНЬ. НАС ЕЩЕ ПОЛЮБЯТ. ТЫ СПОКОЙНЫЙ КАМЕНЬ. Я МОГУ ТОЛЬКО. СОМНЕВАТЬСЯ ТОЛЬКО. ПОМНИТЬ ЕГО ТЕЛО. СПОКОЙНОЕ ТАКОЕ. НА МОИХ РУКАХ. СПОКОЙНОЕ ТАКОЕ. НА МОИХ РУКАХ. БЕСКОНЕЧНО СПОКОЙНОЕ ТАКОЕ. НА МОИХ РУКАХ.

Пауза.

ЭВА. ты... пэй... ты что-то только что сказал? ты что-то сказал?

ПЭЙ. Неужели мы и вправду ели собачатину? Я не прощу ему. Если бы его не убили... Я никогда не прощу ему!

ЭВА. ты про кого это?

fractus

О. САКБЕВ. Доктор, это я.

ОТТО ШТЕЛЬМАХЕР. О. Сакбев. Это вы?

САКБЕВ. Я звоню попросить прощения.

ОТТО. *(смотря на часы)* Скоро суд?

САКБЕВ. Да, но суд идет уже давно.

ОТТО. Этот суд только в вашей голове.

САКБЕВ. Всё так. Но у меня есть и совесть. И сейчас она говорит за меня.

ОТТО. Совесть это хорошо.

САКБЕВ. Моя жизнь перевернулась, доктор. Я был глуп и слеп, слаб и телом, и духом. И не ведал, что творил. Стоило мне освободиться от похоти, как оступился на славе — сразу же! Боролся с дурным мнением, спорил — и с вами. И всё растратил. Я презирал вас, доктор.

ОТТО. *(утешая)* Ну, ну...

САКБЕВ. Чем я занимался всю жизнь? Кормил с ложечки свою гордыню. Тешился иллюзией. Горе мне! Но теперь я обрел себя. Теперь я молюсь единому Богу, доктор, Богу, Он объединил в себе всё. Он и есть всё. И вы, и я, хотя я знаю, что вы ни во что не верите. Но когда я умру, умрете немножко и вы. И чтобы не умалять вас, я прошу прощения, и прошу отпустить меня.

ОТТО. Но я же не священник.

САКБЕВ. И всё-таки, Отто, вы простите меня?

ОТТО. Ко мне никогда не обращались с таким запросом.

САКБЕВ. Я понимаю, вы профессионал. У вас свое отношение к клиентам. Но вы же можете хотя бы сейчас ответить мне не как клиенту, а как человеку? Это же наш последний разговор.

ОТТО. *(смотря на часы)* Почему вы просите прощения за свои чувства?

САКБЕВ. Потому что я устал от лжи. Она всюду. Мы все запутались и потому так отчуждены друг от друга. И уже трудно что-либо разобрать. И потому всё стало такое хрупкое, кондиционированное, стерильное. Люди только играют в это. Но я уже ничего не успею. И потому хочу хотя бы с вами разомкнуть это. И по-человечески попросить прощения.

ОТТО. Что ж делать. *(смотря на часы)* Я думаю, можно простить.

Послушайте, мне надо идти. Я и так отрываюсь от дел.

САКБЕВ. Прощайте, Отто.

ОТТО. Прощайте. Жаль, что терапия обрывается таким вот образом. С вами было приятно работать.

fractus

ВЕРОНИКА АДВИЛ *в бикини и помешательстве расплетает косы, шепчет прядь за прядью. На шее висит бриллиант. Рядом сидит призрак ИВА СЕН-БЕРНАРА.*

ИВ.

Что делаешь, Вероника?

ВЕРОНИКА.

Хочу узнать судьбу.

ИВ.

А что хочешь узнать?

ВЕРОНИКА.

Как поступить —
как правильно или как хочется. Не знаю.

ИВ.

Ты расплетаешь волосы. Вот древние — гадали по внутренностям жертвенных животных.

ВЕРОНИКА.

А ты — больше любил людей или животных, Ив?

ИВ.

Не видел сущной разницы меж ними. Это вопрос о том, что человек — животное иль божья тварь. А я считаю, мы и то и то одновременно.

ВЕРОНИКА.

Ив, я любила Пьера больше, чем тебя.

ИВ.

Я знаю.

Но и я совсем не осуждал тебя за это. Главное, что ты могла любить.

ВЕРОНИКА.

Но я же предавала! –
Тебя, твою любовь...

ИВ.

Я знаю.

ВЕРОНИКА.

И не только с Пьером.
Я предавала с Пэем! И во что ввязалась! Боги!
Я перепредавала тебя с будущим убийцей!

ИВ.

Мы все когда-нибудь друг друга предавали.
Но ведь тебя вела любовь.

ВЕРОНИКА.

Тогда скажи мне, отчего я медлю?

ИВ.

Моя Вероника, тебя не отпускают грёзы.
Это мучительно, я понимаю. И однако
нам ничего уж не вернуть. С тобой случилось это
и оно — случилось именно *с тобой*.

ВЕРОНИКА.

Я многое сказала бы тебе в ответ на это.
Знает один лишь бог, сколько я вынесла
и сколько совершила. Тебе же не придется больше
меня спасать, ласкать меня рукою, языком.
И даже Пьеру, я не знаю где он, жив ли...
(в отчаянии)
Почему... все, кто меня любил, уходят от меня
и оставляют лишь вопрос, который я должна решить,
хотя не знаю, чем мой выбор станет?!

ИВ.

Любой вопрос приобретает смысл лишь с ответом.
И это дар, который призвана ты несть.

ВЕРОНИКА.

Это проклятие!

ИВ.

Дар и проклятье под руку идут, но выбирают
они не всякую судьбу. Твоя им отчего-то приглянулась.
Посему — тебе придется ощутить себя.

ВЕРОНИКА.

Мне это ощущение — как с цикутой чаша!
И кажется, мы все погибли и мертвы давно,
и странно думать, что меня избрали той,
кто может или должен что-то изменить.
Поверить в это тяжело.

ИВ.

И всё же...

коль понимаешь это, значит так оно и есть.

ВЕРОНИКА.

Я будто сплю. Но сон меня не облегчает.
Вся комната в дыму. И мир как печь железная. Но если
огонь угаснет, что тогда останется от нас?..

61

ИВ.

Всё так.

Я вижу, что ты расплела свою косу.
А значит, выбор сделан. Ну а мне пора.
Наш разговор последний. Больше не приду.
Rencontrons-nous de l'autre côté! Адъё!

*Луч света спускается на Веронику и движется по ней и сквозь нее,
останавливаясь на шее — Вероника снимает бриллиант и бросает
его.*

*Луч движется ниже и останавливается на пупке — Вероника
достаёт ножницы и перерезает луч.*

Иллюстрация: Луиза Ермакова

Алексей ЮРЬЕВ

Сценарист, переводчик, редактор. Сценарист агентства талантов PlusSeven. Преподаватель кинодраматургии в Школе Дизайна ВШЭ. Автор канала о сценарном мастерстве: https://www.youtube.com/@YURIEV_DEN и tg-канала «Юрьев день».

Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Писал для журналов и телевидения. Победитель сценарной премии «Слово», победитель сценарного конкурса киностудии «Ленфильм», лауреат международного конкурса драматургов «Евразия», призер всероссийского конкурса сценариев «Главпитчинг», финалист сценарного конкурса студии Горького и др. Участник тренингов, семинаров и лабораторий для сценаристов и писателей: «Культбюро», Форум молодых писателей России и зарубежья и др. Бывший редактор ПК «Среда».

63

ШЛЮЗЫ

Пьеса в пяти шлюзах, двух друзьях и одном загадочном исчезновении.

Действующие лица:

АЛИК, 35 лет

МАКС, 35 лет

СЛЕДОВАТЕЛЬ, 39 лет.

А также:

МАРИНА, 21 год

СВЕТА, 22 года

ДВОЕ В РЕКЕ, 25 лет

СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ, 33 года

ЗАДЕРЖАННЫЙ, 42 года.

ШЛЮЗ ПЕРВЫЙ

АЛИК (в камеру). Пожалуй, ничем на свете я не дорожу так, как предчувствием приключения. Кажется, это сказал Сартр. Или же это был Пруст? Макс, ты не помнишь, кто это сказал? (направляет камеру на своего друга).

МАКС. Алик, иди в жопу. Я не буду сниматься в твоём дурацком фильме. И сними обувь.

АЛИК. Вообще он неплохой. Просто занудный.

МАКС. Я не занудный. Даже английская королева снимает обувь на яхте.

АЛИК. Он не занудный! (пауза) Или же это был Камю, хм?

Макс отшвартовывает яхту и отплывает от пристани.

Кабинет следователя: тесный, тусклый. В углу кабинета — телевизор. По нему следователь смотрит фильм, который снял Алик. Сам Алик тут же. Параллельно следователь печатает на компьютере его показания.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак. Где мы остановились?

АЛИК. На «Городе яхт».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, 20-го августа вы отплыли из яхт-клуба «Город яхт», около полудня.

А Митичкин выглядит сонным, вы не находите?

АЛИК. Макс? У него просто пухлое лицо.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как давно вы с ним знакомы?

АЛИК. С самого детства. Класса с четвертого.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И вы ему полностью доверяли?

АЛИК. Ну, он мне списывать давал... И вообще, что значит полностью доверять? Вот вы кому-то доверяете полностью?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так, давайте всё же, если не возражаете...

АЛИК. Я вижу, вы женаты. Вот жене, например, вы доверяете полностью?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мы сейчас не обо мне. Но вообще да, я ей полностью доверяю.

АЛИК. То есть, если, например, вдруг у вас дома случится пожар и у нее будет выбор — спасти вас или себя, вы думаете, она предпочтет спасти вас?

Следователь мрачнеет. Включает запись. Макс и Алик на яхте. Макс дает Алику инструкции.

МАКС. Значит, смотри, старичок. Когда зайдём в шлюз, ты накидываешь швартовый конец, вот эту веревку с петлей, на рым.

АЛИК. На что?

МАКС. На рым. Это такой железный крюк, похожий на хобот. Ты накидываешь спереди, с носа, а я с кормы. Затем сильно натягиваем и закрепляем за кнехты, вот за эти крюки.

АЛИК. Прямо накидываем? Как ковбои, что ли?

МАКС. Ну, вообще можно еще багор использовать. Но так только лохи делают.

Видео прерывается, а когда возобновляется, Алик и Макс накидывают петлю на рым с помощью багра — длинной палки с крюком на конце.

МАКС. Тяни, тяни, тяни.

АЛИК. Я тяну.

МАКС. Сильнее тяни, ну!

АЛИК. Да не могу я сильнее. Не ори на меня.

Идет шлюзование. Камера шлюза заполняется водой. Катер постепенно поднимается. Макс и Алик сидят на носу. Макс скучает. Алик снимает происходящее на камеру.

АЛИК (в камеру). Шлюз первый. Точнее, это седьмой шлюз. Но по порядку он у нас первый, так что будем считать по порядку, чтобы не запутаться. Итак, шлюз первый. Максим.

МАКС. Чего?

АЛИК (наводит камеру на Макса). Кто ты?

МАКС. В смысле?

АЛИК. Кто ты, Макс? Расскажи о себе. Что ты за человек? Чего ты хочешь в жизни? О чем мечтаешь? Всё в таком духе.

МАКС. Старичок, ты...

АЛИК. Это просто интервью. Ничего такого. Вот ты зачем собираешься в это путешествие?

МАКС. Это уже вопрос? В смысле интервью? Потому что это интересно, вот почему. Всё, Алик, блин, отвали.

АЛИК. Кем ты мечтал стать, когда вырастешь? Ты с детства мечтал заниматься недвижимостью?

МАКС. А ты с детства мечтал выносить мозг?

АЛИК. Режиссура не выносит мозг. Она его вносит.

Следователь нажимает на паузу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы, правда, режиссер?

АЛИК. Некоторые критики с этим бы поспорили, но в принципе...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Слушайте, вот тогда объясните мне. Ну как так можно? Я о сериале, где следователь ловит маньяков и сам оказывается маньяком, смотрели?

АЛИК. «Настоящий маньяк»?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, «Настоящий маньяк». Авторы хоть что-нибудь знают о работе правоохранительных органов? А о жизни провинции? Где это происходит? В каком времени?

АЛИК. Ну, вы понимаете...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А в чем гениальность следователя, в чем его метод? Непонятно. В том, чтобы бухать всё время? Да у нас таких гениев... Вообще он ведет себя как опер райотдела, а не как следак. Авторы хоть знают, чем занимается следственный комитет?

АЛИК. Ну...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И следователь какого города он — тоже непонятно. Вроде Нижнего, а при чем тут Липецк?

АЛИК. Послушайте.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Простите. Просто наболело. А из ваших фильмов я мог что-то видеть?

АЛИК. Ну, я занимаюсь таким... экспериментальным кино.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чернухой?

АЛИК. Нет, почему сразу чернухой?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да я ничего против не имею. Просто не совсем понимаю, а так... Ведь можно же снимать хорошее, доброе кино, нет, обязательно нужно про то, как всё плохо, обязательно нужно ковырять болячку. Все эти унылые люди, обшарпанные стены...

АЛИК. А что, нет унылых людей и обшарпанных стен?

Алик разглядывает стены в кабинете, а затем переводит взгляд на следователя.

66

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да есть, конечно. Но зачем про них снимать-то?

У следователя звонит телефон.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, мась, сейчас немного занят. Нет, сейчас не могу. Попозже перезвоню. (Алику.) Итак, мы остановились на том, что 20-го августа, где-то в 12 часов дня вы отплыли из яхт-клуба «Город яхт» и отправились...

АЛИК. В сторону центра.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И были там в...

АЛИК. Шесть. Около шести.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы выехали в двенадцать, а приплыли в шесть?

АЛИК. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как это?

АЛИК. Долго проходили шлюзы.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы шесть часов проходили шлюзы? Чтобы только попасть в центр Москвы?

АЛИК. Выходит, так. Вы не против, я закурю?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я вообще не курю. Поэтому...

АЛИК. У меня друг пропал. Может, уже мертв.

Пауза.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. У меня просто жена православная.

АЛИК. Это вы к чему сейчас?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Сам-то я, в общем, не против, сам раньше курил. И, если честно, до сих пор тянет. Но жена... она говорит, что никотинный дым хоть и вдыхается телом, занимает в душе место Божией благодати.

АЛИК. Божией благодати?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да. И не допускает ее. Стоит мне покурить, сразу чует. Не ругает меня, нет, но так смотрит, как будто я ее подвел. И не только ее. А самого Бога подвел.

АЛИК. Если хотите, я могу написать вашей жене объяснительную. С Богом, правда, не знаю, как быть.

Следователь вздыхает и жестом показывает — курите. Пока Алик закуривает, следователь включает запись.

ШЛЮЗ ВТОРОЙ

Алик и Макс сидят на носу катера. Ждут, пока камера опорожнится. Алик по-прежнему снимает Макса, который жадно поедает сэндвич.

АЛИК. Говорят, что, если предложить людям выбор между свободой и сэндвичем, они выберут сэндвич. Думаешь, врут?

Макс с презрением смотрит на Алика и продолжает молча жевать, показывая тому средний палец.

Следователь нажимает на паузу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Итак, вернемся к вашей поездке. Вы около шести часов добирались до центра и проходили шлюзы. Зачем? Вы сказали, у вас была какая-то цель.

АЛИК. Была. Научиться проходить шлюзы.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы проходили шлюзы, чтобы научиться проходить шлюзы?

АЛИК. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зачем?

АЛИК. Там дальше в видео будет объяснение. Можно перемотать вперед.

Следователь мотает. Алик и Макс отвязывают швартовые и выходят из шлюза. Следователь включает видео. Катер останавливается посреди реки. Макс справляет нужду прямо в реку.

АЛИК. Здесь тоже можно перемотать.

ШЛЮЗ ТРЕТИЙ

Катер заходит в третий шлюз. Швартуется. Следователь включает запись, когда Макс обращается к диспетчеру шлюза.

МАКС. Катер «Елена» — восьмому шлюзу. Пришвартовался к третьему рыму. К шлюзованию готов, кранцы вывалены, на борту всё в порядке! Диспетчер. Катер «Елена». Закрываю камеру, начинаю шлюзование! Следите за швартовыми!

Алик и Макс сидят на носу катера, ожидая, когда закончится шлюзование.

АЛИК (в камеру). Историческая справка. Канал имени Москвы стали строить с начала тридцатых. Из-за нехватки в Москве питьевой и технической воды. Воды было мало, зато много заключенных, и был Сталин... Сначала, как несложно предположить, канал назывался его именем. Ну, и поскольку был Сталин, стройка шла довольно быстро, вот только заключенных становилось всё меньше. Люди работали в нечеловеческих условиях. В октябре, ноябре тысячи грязных измученных эков, тощих, голодных, барахтались на дне котлована по пояс в грязи, умирали от слабости. Тогда их складывали на тележки и увозили к специальным ямам, которые выкапывали еще днем. И эта похоронная процессия никогда не заканчивалась. Уезжала одна телега, приезжала другая. По сравнению с этим картины Брейгеля и Босха — детские жизнерадостные акварельки. (Пауза).

68

МАКС. Ты умеешь поднять настроение.

АЛИК. Более двадцати тысяч людей. Раз и нету. А канал остался... Мы теперь по нему плывем, светит солнышко, плещется водичка.

Следователь нажимает на паузу. И долго не может ничего сказать. У него звонит телефон.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Прошу прощения. Алло, мась. Да? Я же говорил... нет, сейчас не обеденный перерыв. Не важно. Что ты хотела? Нет, я не видел твои таблетки. Нет, я точно не брал. И Нурофен тоже. Я не знаю, где они. Ты хочешь, чтобы я все бросил и расследовал похищение твоих таблеток? Алло, мась. (Алику.) Обиделась.

Какое-то время молчат.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как думаете, куда он мог пропасть?

АЛИК. Нурофен?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. При чем тут Нурофен? Митичкин.

АЛИК. А, Макс? Не знаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Давайте вернемся к видео. Вы сказали, что будет объяснение.

АЛИК. Какое объяснение?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Того, зачем вы проходили шлюзы.

АЛИК. А... да. Я думал, мы где-то это обсуждали. Ну, кругосветку. Похоже, не записал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кругосветку?

АЛИК. Да, Московскую кругосветку. Это такой маршрут, по которому мы собирались плыть. Из Москвы до Нижнего и обратно. Как раз через канал имени Москвы, Волгу, Оку. Вот!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В тот вечер?

АЛИК. Да нет. Сначала в июне. Потом в июле. Потом в августе, а потом... ну, сами видите.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, в тот день вы плыли в центр Москвы, только чтобы научиться проходить шлюзы?

АЛИК. Макс очень переживал из-за всяких технических нюансов. Хотел получше подготовиться.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Когда он купил яхту?

АЛИК. Где-то год назад.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Занимаясь недвижимостью? В чем именно заключалась его работа?

АЛИК (долго думает). Ну...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы не знаете, чем занимался ваш лучший друг?

АЛИК. Конечно, знаю. (Пауза.) Если честно, не очень. Лишь набор словосочетаний. Коммерческая недвижимость. Эксплуатация зданий. Взаимодействие с подрядчиками. Что-то в таком духе.

У Алика звонит телефон.

АЛИК. Вы позволите? Я на секунду.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пожалуйста.

69

Алик выходит в коридор и отвечает на звонок.

АЛИК. Ну неужели я заслужил, чтобы мне наконец перезвонили? Нет, я не псих. Я не звонил тебе тридцать семь раз. Не ври. Ну, даже если и так, это за три дня, так что всего лишь... Еще раз говорю, я совершенно нормальный. Ну вот не надо. Понятие «нормы» в психиатрии очень размыто, так что... Ведь можно было как-то по-человечески, по-нормальному, по-взрослому, а вот просто так исчезнуть... Короче, я всего лишь хотел сказать тебе, что больше не желаю тебя знать и, надеюсь, что, если мы когда-нибудь еще встретимся... алло, алло, Катя?

Алик возвращается.

АЛИК. Простите. Это по работе.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Интересная у вас работа. Кстати...слушайте, а вы Павленского знаете?

АЛИК. Нет, не знаю. А что?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Просто подумал. Вы ведь занимаетесь современным искусством.

АЛИК. Ну, не то что бы...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вот что вы про него думаете? Думаете, это нормально — прибить свои яйца к брусчатке?

АЛИК. Это же его яйца. Может распоряжаться ими как вздумается.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да может, конечно. Просто... мне вот такое в голову не приходило...

АЛИК. Ни разу?

Бросив на Алика свирепый взгляд, следователь включает видео и какое-то время наблюдает за тем, как катер плывет к очередному шлюзу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Сколько стоила такая яхта?

АЛИК. Это не совсем яхта. Официально это спортивный катер. Точно не скажу. Миллионов восемь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это дороже, чем моя квартира. То есть вы считаете, что человек, занимающийся эксплуатацией зданий, может позволить себе яхту?

АЛИК. Простой патриарх может. Почему Макс не может?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И всё-таки? Вам известно о каких-то других источниках дохода Митичкина?

АЛИК. Кажется, он еще сдает бабушкину двушку в Химках. Думаете, это как-то связано с его исчезновением?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чем больше подробностей, тем лучше.

70

Следователь включает видео. Катер стоит посреди реки. Макс и Алик сидят на носу. Едят бутерброды.

АЛИК. Тут можно перемотать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы очень торопитесь?

АЛИК. Нет, просто подумал, что вам это не очень интересно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Позвольте, я сам решу?!

АЛИК. Пожалуйста.

Следователь смотрит на экран. Макс и Алик по-прежнему едят бутерброды. Молчат и едят бутерброды. Медленно. Спустя минуту-другую Алик наконец заговаривает.

АЛИК. Ты посмотрел документалку, что я тебе скидывал?

МАКС. Какую?

АЛИК. Что значит какую? Макс, можно подумать, я тебе с утра до вечера шлю документалки?

МАКС. Какой-то ты странный сегодня.

АЛИК. Нормальный я.

МАКС. Кислый какой-то. Пивасик будешь?

АЛИК. Да нет, пока не хочется.

МАКС. А девочек?

АЛИК. Что?

МАКС. Вон плавают, смотри.

АЛИК. Макс, прекрати. Прекрати им махать.

МАКС. Ну что ты так нервничаешь?

АЛИК. Я так нервничаю, потому что двое уже плывут сюда. Мы что, телочек с тобой клеить поехали?

МАКС. Да никого мы не клеили, они сами...

АЛИК. Макс, они не сами. У тебя яхта. Это как рыбу динамитом глушить. Конечно, она всплывет брюхом кверху.

За бортом слышится голос девушек.

МАРИНА. Привет.

СВЕТА. Привет.

МАКС. Залезайте, девчонки, не стесняйтесь.

СВЕТА. Ой, вы снимаете? Вы блоггеры, что ли?

МАРИНА. Правильно говорить влоггеры.

АЛИК. Мы безбложники.

МАКС. Я — Макс, а это Алик.

СВЕТА. Очень приятно. А мы...

МАРИНА. Что, прямо в камеру? Работаем, Светик. (В камеру.) Меня зовут Марина.

СВЕТА. А я — Света. Что еще сказать?

МАРИНА. Я вот подумываю, кстати, о том, чтобы завести влог. Правда, еще не решила, о чем. Сначала думала о здоровом питании. Но сейчас и так все об этом снимают.

СВЕТА. Да по фиг, о чем. Главное выглядеть хорошо, тогда и так все смотреть будут.

МАРИНА. Еще картинка должна быть хорошая. Когда плохая картинка, смотреть неприятно.

СВЕТА. Куда плывете?

МАКС. Хотите с нами? Мы в центр.

СВЕТА. А можно?

МАКС. Конечно. Будем рады.

АЛИК. Вы извините, мы на минутку.

Алик и Макс уходят с кормы на нос.

МАКС. Ну что?

АЛИК. Зачем?

МАКС. Что зачем?

АЛИК. Зачем ты их позвал?

МАКС. Ну а что такого? Всё веселее вместе.

АЛИК. Ох. Вот скажи мне, Макс, в какой момент тебе особенно весело? Когда ты мучаешься соблазном — изменить жене или нет? Или когда ты поддался соблазну и мучаешься чувством вины?

МАКС. Блин, Алик...

АЛИК. Нет, нет, я без упреков, я просто хочу понять.

МАКС. У тебя что-то случилось?

АЛИК. Да нет, я просто...

МАКС. Это из-за Кати?

Следователь ставит видео на паузу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И часто Митичкин развлекался с девочками?

АЛИК. Вы же под девочками не имеете в виду его жену? Нет?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Нет.

АЛИК. Ну, Макс был таким человеком... Его не спросишь, он ничего и не расскажет. А я и не спрашивал.

Следователь включает видео. Алик и Макс по-прежнему спорят, когда к ним подбегают Марина и Света.

МАРИНА. Кажется, сюда плывут наши мальчики?

МАКС. Кто сюда плывет? Ваши мальчики? У вас есть мальчики?

АЛИК. Да. И они плывут сюда.

Макс и Алик идут посмотреть. Действительно плывут. Очень быстро плывут.

МАКС. Но вы не говорили нам... зачем же вы..?

СВЕТА. Нам просто стало скучно.

МАРИНА. Да, они тухлили там в свои телефоны, мы и подумали...

СВЕТА. Да, мы подумали, что...

МАКС. Ясно. (Алику.) И что будем делать?

АЛИК. Не знаю. Это ты их сюда позвал.

Макс встает за штурвал, заводит мотор и уносит катер подальше от ревнивых парней. Марина и Света заливисто смеются и машут им на прощание. Те орут им вслед.

ПАРЕНЬ 1. Шлюхи.

ПАРЕНЬ 2. Мы вас найдем.

ПАРЕНЬ 1. Вам пиз...

И на этом месте у камеры садится батарейка.

Света и Марина танцуют на борту. Макс одним глазом следит за тем, как вода в шлюзовой камере опускается, другим — за девушками.

СВЕТА. Алик, давай, потанцуй с нами. Что ты там всё снимаешь?

МАРИНА. Блин, телефоны на пляже остались. У тебя есть Инстаграм²?

АЛИК. Нет.

МАРИНА. А Вконтакте?

АЛИК. Тоже нет.

МАРИНА. А куда же ты выкладываешь свои видосы?

² Принадлежит компании Meta, признанной в России экстремистской.

АЛИК. На Вимео.

МАРИНА. Не слышала о таком. И сколько у тебя подписчиков?

АЛИК. Не знаю.

МАРИНА. Ты не знаешь, сколько у тебя подписчиков?

АЛИК. А это так важно?

МАРИНА. Ну, вот у Бузовой, например, двенадцать миллионов...

АЛИК. А у Илона Маска пять! И о чем это говорит?

СВЕТА. Кто такая Илона Маск?

АЛИК. Вот и я о том же.

Вдруг откуда-то сверху раздается громогласный мужской голос.

ДИСПЕТЧЕР. Просьба во время шлюзования соблюдать правила безопасности... и приличия. Особенно это касается маломерного судна «Елена». Соблюдайте правила безопасности и приличия. Повторяю.

Соблюдайте правила безопасности и приличия.

СВЕТА. Это кто еще?

АЛИК. Глас божий.

Шлюзование заканчивается. Алик и Макс отвязывают швартовые. Катер выходит из шлюза.

МАКС. Восьмой шлюз. Спасибо за шлюзование. Хорошей вахты.

ДИСПЕТЧЕР. Счастливого пути.

МАКС. Да, еще такой вопрос. Подскажите, когда можно будет обратно?

Тишина.

МАКС. Восьмой шлюз. Подскажите, когда можно будет обратно?

ДИСПЕТЧЕР. А когда вам надо?

МАКС. Через пару часов было бы отлично.

ДИСПЕТЧЕР. Боюсь, сегодня уже никак. Только с утра будет мусоровоз.

Попозже еще уточните время.

АЛИК. Это что значит?

МАКС. Это значит, что сегодня обратно мы не попадем. Маломерные суда могут проходить шлюзы только с крупными, а они пойдут только завтра.

СВЕТА. Блин. И что же нам делать? Я думала, полчаса поплаваем и вернемся.

МАКС. Боюсь, не выйдет.

СВЕТА. Блин, блин, блин. Парни психанут. Слышала, что они нам кричали?

МАРИНА. Слышала! Что нам пиздец!

АЛИК. И еще что вы шлюхи.

СВЕТА. Спасибо.

МАКС. Так, может, позвоните им?

МАРИНА. Так телефоны на пляже.

МАКС. Могу свой дать.

СВЕТА. Я номер не помню. Ты помнишь?

МАРИНА. Не-а.

АЛИК. Длинный номер и короткая память. Идеальные отношения эпохи влогов.

МАКС. Так позвоните на свой. Свой-то помните?

СВЕТА. Да не, лучше, наверное, не по телефону. Ссадите нас на берег?

МАКС. Боюсь, тоже не получится. На мель сядем. Можем высадить вас в центре.

МАРИНА. Чего? Москвы? В купальниках?

МАКС. Ну, либо завтра обратно отвезем.

МАРИНА. А ночевать мы где будем? Здесь, что ли?

МАКС. Ну, а что такого?

МАРИНА. Вы за кого нас принимаете? (Смотрит на Алика.) Так, вот не надо, а. И хватит всё снимать. Спилберг хренов.

Марина закрывает ладонью камеру.

Марина и Света плывут к берегу. Показывают в камеру средний палец.

Следователь нажимает на паузу.

74

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто такая Катя?

АЛИК. Что? При чем тут Катя?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Митичкин сказал, что из-за нее вы расстроились. Это ваша девушка?

АЛИК. Я не расстроился.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы вели себя довольно агрессивно.

АЛИК. С Катей это никак не связано. Просто не люблю таких людей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Каких людей?

АЛИК. Ну, если честно, вообще никаких не люблю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кстати, а как вы относитесь к Pussy Riot?

АЛИК. Погодите. А это-то тут при чем?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Раз уж мы обсуждали современное искусство.

АЛИК. Ой, слушайте, ну я не знаю, что вам сказать. Давайте не будем, а?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему?

АЛИК. Ну, хотя бы потому что у вас жена православная и Путин в кабинете висит. Что я могу вам сказать?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В споре рождается истина.

АЛИК. Только не у нас. У нас в споре истина, как правило, вырождается. А один из спорщиков получает статью.

ШЛЮЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Катер заходит в очередной шлюз.

АЛИК (в камеру). Шлюзы, шлюзы, шлюзы. Господи, сколько же их?!

(Пауза.) Нет, серьезно, сколько?

МАКС. На канале Москвы одиннадцать. И штуки четыре на Волге, и еще два-три на Оке.

АЛИК. Тебе это ничего не напоминает? Сидишь себе в четырех бетонных стенах, ничего особо не происходит, а потом бац, опорожнение, ворота открываются, и с тобой разговаривает голос сверху.

МАКС. Ну, он не всегда разговаривает.

АЛИК. Тем более.

Следователь нажимает на паузу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Расскажите про отношения Митичкина с женой. Какие у них были отношения?

АЛИК. Ну, нормальные отношения. Он лодку вон «Леной» назвал. Хотя я предлагал «Одиссея».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что значит нормальные?

АЛИК. Десять лет брака — это какая свадьба?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Розовая, кажется.

АЛИК. Вот.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Или оловянная.

АЛИК. Дочь у них. Маша. Вот такие вот нормальные отношения.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Он любил жену?

АЛИК. Смотря что вкладывать в это понятие?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В смысле?

АЛИК. Ну, любовь как страсть? Или как привычка, взаимоуважение? Или божественное слияние? Готовность отдать за другого жизнь?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы уже второй раз говорите про готовность отдать за другого жизнь.

АЛИК. Да? Хорошие у них были отношения. Наверное.

Следователь включает запись. Привязанный к рымам катер болтается в шлюзе.

У следователя звонит мобильный.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, мась! Так и не нашла? Хорошо куплю. Нурофен и что еще? Пенталгин. Хорошо. И маме? Да, список есть. Ну, всё. А она звонила? Ждет? Хорошо. Давай. Да, скоро буду.

АЛИК. Голова болит?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чуть ли не каждый день.

АЛИК. А у невролога были?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мы даже у батюшки были. Он на нее руки накладывал.

АЛИК. Руки — это, конечно, хорошо. Но всё же лучше, наверное, к неврологу. Может, просто ВСД. Или невроты.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да откуда у нее невроты? Сидит себе целыми днями дома. Спокойная, как слон.

АЛИК. Ну, если человек их не ощущает, не значит, что их нет. У моей девушки было то же самое.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И в чем была причина у нее?

АЛИК. Во мне.

ШЛЮЗ ПЯТЫЙ

Следователь включает запись. Очередное шлюзование. Максимум без конца приходят смски.

АЛИК. Ну и что теперь?

МАКС. А?

АЛИК. Кто там тебе всё время пишет?

МАКС. Так... по работе.

АЛИК. Воскресенье же?

МАКС. Можем, в принципе, заночевать на лодке. А утром пойти обратно. Всё равно тебе нечего делать.

АЛИК. Что значит, нечего делать?

МАКС. Катя тебя всё равно динамит.

АЛИК. С чего ты взял?

МАКС. Ну, с того, что ты здесь со мной. А она не отвечает на твои звонки.

АЛИК. Она написала, я перезвоню.

МАКС. Перезвонила?

АЛИК. Нет. Но это еще ничего не значит.

Алик звонит.

АЛИК. Гребаный автоответчик.

МАКС. Хочешь пиваса?

АЛИК. Нет, я не хочу пиваса. Блин. Может, она умерла?

МАКС. Чего? Умерла?

АЛИК. Ты прав. Такие, как она, так просто не умирают. Сначала они выжимают из тебя все соки; затем находят себе новую жертву, доят ее; затем следующую, следующую, еще одну, пока не состарятся. И вот когда они будут никому не нужны, когда старые, больные, несчастные, они будут лежать на смертном одре — тогда они снова вспомнят о тебе — о том честном и чистом чувстве, которое было у вас когда-то... и вот тогда — да — тогда вот они умирают.

МАКС. Ты точно не хочешь пиваса?

Алику приходит смс.

АЛИК. Хрен с тобой. Давай пивасу.

Алик выключает камеру.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что случилось?

АЛИК. Ничего.

Камера снова включается. На сей раз она в руках у Макса. Одной рукой он управляет катером, другой — снимает Алика, печально вззирающего на знакомые виды: Башни Сити, гостиницу Украина и т.д.

МАКС. Старичок, ну ты главное не расстраивайся. Я понимаю, это легко сказать, но ты...

Максу приходит очередная смска. Какое-то время он отвечает на нее. Алик молчит.

МАКС. Слушай, ну правда! Я не понимаю, что ты так убиваешься. Ты ведь ее даже не любишь. Что? Что ты так на меня смотришь?

АЛИК. Кто бы говорил о любви? Твоя жена угодила в секту, а ты только рад. Не люблю я ее...

МАКС. Ох. Слушай, ты любишь не ее. Ну правда...

АЛИК. Хватит повторять это свое «ну правда».

МАКС. Ты любишь саму идею любви к ней.

АЛИК. Какая глубокая мысль.

МАКС. Ну пр... серьезно! Ты сам прекрасно это знаешь. И она тебя не любит. А любила бы, ты бы от нее сразу сбежал, как сбежал от всех своих бывших... которые, кстати, тебя любили.

АЛИК. Да пошел ты.

Следователь нажимает на паузу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы упомянули о секте.

АЛИК. Думаете, Макса убили сектанты?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Расскажите, что за секта.

АЛИК. Ох, слушайте, их столько сейчас. Обрети истинного себя, освободи свою внутреннюю богиню, космическая йога счастья, пробуждающая тантра. Одни ходят зимой в трусах. Другие поклоняются пихте. Эти вот как-то по-особому дышали. Возглавляет ее индус по имени Шри-Шри. У Лены дома даже стоит его портрет. Я к ним как-то зашел, так и офигел. Стоят, значит, фотографии Макса, Лены, Маши, дочки их, бабушки, дедушки, а рядом с ними мрачный, патлатый индус в рамочке. Новый член семьи. Шри-Шри.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А Митичкин не участвует в этом?

АЛИК. Вы о секте? Нет. Он слишком ленивый. Лена пыталась его туда затянуть... она даже дочку затянула, но...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Дочку?

АЛИК. Там есть какие-то специальные занятия для детей. Макс мне даже показывал видео. Похоже на праздничную вечеринку. Только много индусов и все подозрительно радостные — даже для праздничной вечеринки индусов.

У следователя звонит телефон.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, мась. Я вижу время. Я успеваю. Да, про пробки подумал. Напомни, какой адрес? Не помнишь? Хорошо, как называется дом престарелых? Сейчас посмотрю. (Смотрит на экран компьютера.) Поедем по Волоколамке. Там пробки поменьше. Может, завтра? Хорошо, если ты обещала маме сегодня, значит, поедем сегодня. Собирайся. Скоро заеду.

Следователь включает запись. Катер плывет по центру города, приближаясь к Красному Октябрю под пристальным взглядом пучеглазого Петра. Макс и Алик не разговаривают. Макс ведет катер, в то время как Алик снимает городские виды. Когда катер проплывает мимо корабля «Брюсов», на верхней палубе, где идет дискотека, происходит заметное оживление. Две девушки машут Алику и Максу.

78 Максу приходит очередная смс. Алик бросает на него злобный взгляд.

АЛИК. Макс, ну и где он?

МАКС. Вон.

АЛИК. Где? Вот этот маленький? Ты хочешь сказать, что это Императорский яхт-клуб? Да ладно!

МАКС. Ну, какой есть.

Катер причаливает к пристани. Алик и Макс швартуются.

МАКС. Ты подожди. Я сейчас.

Макс идет в яхт-клуб.

Алик тем временем развлекается съемкой достопримечательностей: спины Петра, Храма Христа Спасителя на другой стороне реки, катера Макса, который покачивается на хлипкой волне и т.д.

Наконец Макс появляется из яхт-клуба, заканчивая разговор по телефону. Идет к Алику с улыбкой нашкодившего ребенка.

МАКС. Старичок, у меня две новости. Хорошая и плохая. С какой начать?

АЛИК. Давай. Испортить настроение окончательно.

МАКС. Стоянка на ночь стоит двадцать пять тысяч рублей.

АЛИК. Спасибо.

МАКС. Но мне удалось договориться. Так что нам это будет бесплатно.

АЛИК. Ну тогда все не так плохо, как я думал.

Макс вдыхает.

АЛИК. Так. Это же были две новости. Да?

МАКС. Старичок, в общем, есть еще одна. Только обещай, что не расстроишься.

АЛИК. Что-то мне подсказывает, что она нехорошая.

МАКС. Ну, так... В общем, это еще не точно, но, кажется, у нас не получится в этом году никуда уплыть.

АЛИК. Что? Это тебе в императорском яхт-клубе сказали?

МАКС. Нет, я по телефону разговаривал.

АЛИК. Когда ты говоришь «это еще не точно» и «кажется, у нас не получится», ты имеешь в виду, что это абсолютно точно? Что у нас сто процентов ничего не получится, да?

МАКС. Кажется, в этом году да.

АЛИК. Блядь. Но почему?

МАКС. Прости...

АЛИК. Я вот чувствовал. Ты ведь с самого начала это знал, да?

МАКС. Нет, ну, то есть...

АЛИК. Так на хрена мы поплыли сегодня, целый день барахтались в этих шлюзах?

МАКС. Прости. Просто все как-то навалилось.

АЛИК. Что на тебя навалилось?

МАКС. Ну всё! Маша, работа.

АЛИК. Ты сказал, тебе дадут отпуск.

МАКС. Дадут, не в этом дело. Просто, если я сейчас уеду, то упущу определенные темы.

АЛИК. Чего ты упустишь?

МАКС. Кажется, пошла движуха. Осталось только подождать.

АЛИК. И?

МАКС. И... сейчас, если я уеду, то другие люди съедят большую часть пирога.

АЛИК. Макс, какие на хрен темы, какие на хрен пироги с движухами? О чем речь? Вы бюджет там что ли пилите?

Макс молчит.

АЛИК. Охренеть.

МАКС. Я не хочу это обсуждать на камеру.

АЛИК. Охренеть, Макс. Но как же так? Мы же с тобой вместе ходили на все эти митинги, путинги?! Ты же сам сидишь всё время и лайкаешь Навального с его расследованиями?!

МАКС. Я не считаю, что делаю кому-то плохо.

АЛИК. Да ты просто всех осчастливливаешь...

Повисает пауза размером с Петра.

МАКС. Просто были определенные темы...

АЛИК. Блядь, Макс, прекрати. Тебе что, денег, что ли, мало?

МАКС. Ну как сказать?!

АЛИК. Да прямо сказать, как еще?

МАКС. А зачем ты снимаешь свои сериалы?

АЛИК. При чем тут..?

МАКС. Ты же ненавидишь их? Зачем снял «Маньяка»?

Следователь нажимает на паузу.

АЛИК. Да, да, это я снял «Настоящего маньяка». Так вышло. Да, знаю, что говно. Сценарист ушел в запой. Продюсер... лучше бы тоже ушел в запой. Короче...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я вообще-то хотел спросить про схемы.

АЛИК. Про что?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, про темы, движухи.

АЛИК. А! Про это я мало чего знаю.

Алик молчит. Следователь включает запись.

80

АЛИК. При чем тут сериалы? Это другое. Эти деньги я заработал честно. Да их и было-то не так много. А вот тебе зачем столько? Чтобы купить очередную яхту? И никуда на ней не уплыть?

МАКС. Да уплывем мы. Не сейчас, так в следующем году уплывем.

АЛИК. Если тебя раньше не закатают в асфальт. Знаешь, закатанным в асфальт плыть не так-то просто. Когда я говорил, что тебе нужно найти хобби, что-то интересное, для себя... я не это имел в виду. Я имел в виду что-то для души, для духовности, прости Господи...

МАКС. Ну ты-то у нас зато сплошная духовность.

АЛИК. А без нее все, видишь, к чему привело? Я во всяком случае хоть стараюсь. Тебе же ничего не интересно, Макс. Вообще ничего. Только бабки и бабы. Одни шляхи и шлязы. Ты же отличником был в школе, Макс. А сейчас? Ты хоть одну книжку прочитал за последние годы? Хотя нет, прости, вру. Одну прочитал. Точно. «Луну и грош». И то только потому, что герой там бросает семью.

МАКС. Ты закончил? Тогда вот скажи мне. А что, все высокодуховные личности пытаются трахнуть жену друга?

АЛИК. Чего?

МАКС. Того самого.

АЛИК. Это когда было?

МАКС. Не важно.

АЛИК. Важно. Это было еще до вашей свадьбы. Ты бы еще школу вспомнил и как я трахнул Зазулину.

МАКС. Ты трахнул Зазулину?

АЛИК. А ты не знал? Видимо, не знал.

Какое-то время Алик еще по инерции снимает Макса, но потом его руки медленно опускаются, и он выключает камеру.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Жестко.

Алик молчит.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это всё? На этом запись обрывается?

АЛИК. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И что было потом?

АЛИК. Ну что потом? Потом он меня послал. За Зазулину!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. За Зазулину?

АЛИК. За Зазулину! Ну, и я его убил. Щучу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не надо так шутить.

АЛИК. Вы ведь так думаете?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я так не думаю. Стали бы вы тогда показывать эту запись? И потом, это же вы написали заявление?!

АЛИК. А, может, я это специально? Чтобы отвести от себя подозрение.

Следователь бросает на Алика недоуменный взгляд.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что было дальше?

У следователя звонит телефон.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, алло. Привет. Ну что там? Где? Понятно. Хорошо. Да, присылай.

Вешает трубку.

АЛИК. Ну, что было? Он послал меня, и я ушел. Вы меня слушаете?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да, да, слушаю. И куда вы пошли?

АЛИК. Домой.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это кто-то может подтвердить?

АЛИК. Хорошо, я пошел в бордель.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В бордель?

АЛИК. Да, мне было грустно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В борделе это могут подтвердить?

АЛИК. Что мне было грустно?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что вы там были.

АЛИК. Думаю, могут.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И всё-таки, что за темы были у Митичкина?

АЛИК. Я уже сказал вам...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хотя бы примерно.

Алик молчит. Решается.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Олег Андреевич, боюсь, сейчас нет никакого смысла что-то скрывать от следствия.

АЛИК. Что это значит?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это значит, что... боюсь, у меня для вас плохая новость. Звонили сотрудники ГИМСа, которые работали вместе с нашими оперативниками. Кажется, нашли тело вашего друга.

АЛИК. Тело... это значит, что он мертв? Про живых же не говорят тело?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не говорят.

АЛИК. Господи... Где нашли?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Недалеко от девятого шлюза. (Пауза.) Хотите, сделаем небольшой перерыв?

АЛИК. Нет, не нужно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда продолжим. Думаю, теперь вы можете всё рассказать. Хуже от этого уже никому не будет.

АЛИК. Что вы хотите знать?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Всё, что может помочь следствию. Подумайте, пожалуйста.

АЛИК. Мне правда мало чего известно. Знаю только, что... Господи, Макс. В последнее время он мучил какой-то бизнес со своим бывшим однокурсником. Даней Дружининым. У Дани — своя компания. У него мама работает в правительстве. В каком-то комитете по строительству. И вот у него компания...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Строительная?

АЛИК. Которая выигрывает все тендеры. При том что сам Даня не вылезает из запоя. Я его в жизни видел три раза. И каждый раз он нажирался в слюни и лез с кем-то в драку. В последний раз даже протаранил лицом березу. Но тендерам это не мешало. Что еще сказать? Затеяли какую-то стройку. Какой-то медицинский центр в Новосибирске. Ездили туда чуть ли не каждую неделю. Что-то обсуждали с чиновниками, с губернатором. Вот и всё, что я знаю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Данила Дружинин?

АЛИК. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ясно. А что Маша?

АЛИК. Какая Маша?

Следователь перематывает назад запись.

МАКС. Прости. Просто всё как-то навалилось.

АЛИК. Что на тебя навалилось?

МАКС. Ну всё! Маша, работа.

Следователь нажимает на паузу.

АЛИК. А-а-а! Просто дочь у Макса тоже Машей зовут.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Но тут речь не о дочери, видимо. Расскажите!

АЛИК. Да что рассказывать? Просто девица.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что за девица?

АЛИК. Ну такая... девица. Как объяснить?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Проститутка?

АЛИК. Макс бы с вами не согласился. Но вообще они трахались. И он ей платил. Так что...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы с ней знакомы? Есть ее координаты?

АЛИК. Зачем мне ее координаты? Я ее видел один раз в жизни. Не понимаю, что Макс в ней нашел. Маленькая, невзрачная. Даже симпатичной и то не назовешь. Правда, если верить Максиму, трахалась, как животное. Какое именно, впрочем, он не уточнял.

Следователю приходит смс.

АЛИК. Одно время он даже подумывал, чтобы уйти от жены. Жениться на Маше. Но так и не решился. Жениться на проститутке — это, конечно, перебор. Даже для Макса.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Олег Андреевич, мне сейчас прислали фотографию погибшего. Посмотрите?

АЛИК. О, Господи. Можно я еще закурю?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Курите.

Алик закуривает. Следователь протягивает ему телефон с фотографией.

АЛИК. Это не он.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы уверены?

АЛИК. Я уверен. Это какой-то пожилой узбек. Макс — молодой еврей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да? Митичкин разве еврейская фамилия?

АЛИК. У него папина фамилия. Что вы мне голову морочите? Зачем этот спектакль?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. В смысле?

АЛИК. Вы это специально? Чтобы вытянуть из меня показания?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Я не знал, что это не он.

АЛИК. Ну конечно!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Послушайте. Я понимаю, вы уже везде ищите подвох, но не нужно.

АЛИК. Что значит, везде ищете подвох?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Очевидно, что вы не ожидали такого от лучшего друга...

АЛИК. Не ожидал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хотя, в сущности, в этом же не было ничего удивительного?

АЛИК. То есть как не было ничего удивительного?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы же знали, что Митичкин изменял жене?

Алик молчит.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Знали!

АЛИК. И что? Мне нужно было сдать его в полицию нравов?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да нет, просто ясно же, что один грех неминуемо влечет за собой другой?

АЛИК. Кому ясно?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну вот видите, что получается?

АЛИК. Что получается? Я не понимаю, о чем мы сейчас вообще говорим.

Повисает пауза. Следователь что-то дописывает в ноутбуке и отправляет документ на печать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пока получается вот что. Вот здесь подпишите. Что показания записаны верно.

Алик читает показания. Подписывает. Отдает следователю.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Наверное, на сегодня всё. Так что вы пока свободны.

АЛИК (медленно). Пока свободен... да... хорошо, спасибо.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Если вы нам понадобится, мы с вами свяжемся.

АЛИК. Вы ведь его найдете?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это наша работа. (Понимая, что прозвучало неубедительно.) Будем искать.

84 Алик встает и идет к двери. Но вдруг останавливается, оборачивается. Пробегается взглядом по кабинету, точно ища повод остаться.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что-то еще?

АЛИК. Да нет, нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Тогда всего хорошего.

АЛИК. Хотя, если позволите...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да?

АЛИК. Вот вы меня спрашивали про современное искусство. И я вдруг подумал. Мне вот всегда интересно было.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что?

АЛИК. Вот что будет, если его не повесить?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кого?

Алик смотрит на портрет Путина над рабочим столом следователя и усмехается.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так положено.

АЛИК. А что вот будет, если не повесить? Или повесить что-то другое?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что, например?

АЛИК. Да не важно. Хоть «Черный квадрат».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не знаю. А вы это к чему?

АЛИК. Да так, просто любопытно стало.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ясно.

АЛИК. До свидания.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Всего хорошего.

Алик выходит из отделения и садится на тротуар. Закуривает. Достает мобильный. В то же самое время в кабинете телефон достает и следователь.

Они звонят параллельно и словно продолжают речь друг друга.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Алло, мась...

АЛИК. Алло, Макс...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мась, я закончил. Ну почти. Собирайся. Скоро выезжаю.

АЛИК. Макс, ну возьми трубку, куда ты там запропастился?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чего так долго? Да... попался тут один... гражданин...

АЛИК. Макс, ты прости меня, если что не так, за всё, что я наговорил...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Представляешь, допрашивал чувака, который снял «Настоящего маньяка».

АЛИК. Это не со зла. Надеюсь, мы еще поговорим об этом. И прости насчет Зазуиной, просто так получилось...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что натворил? Друг у него исчез. Испарился. Он последний, кто его видел. Да хрен его знает, куда делся. Будем искать.

АЛИК. Если честно, мне даже не очень понравилось. Надеюсь, тебя это немножко утешит.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мутный тип. Да оба мутных, если честно. А этот еще и высокомерный такой. Хотя с его-то сериалом...

АЛИК. Короче, Макс, надеюсь, что с тобой всё в порядке...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да при встрече расскажу. Все, уже выезжаю. До скорого.

АЛИК. Надеюсь, что ты всё-таки решил отправиться в кругосветку.

Интересно, как ты там один проходишь шлюзы? В любом случае...

надеюсь, скоро увидимся. Так что... до скорого, старичок.

Алик и следователь почти синхронно заканчивают разговор. Какое-то время молча сидят — следователь у себя в кабинете, а Алик на улице.

Наконец Алик встает и медленно бредет по улице и вскоре исчезает — то ли слившись с толпой, то ли нырнув в метро.

Следователь смотрит на портрет Путина. Долго смотрит на портрет Путина, а затем переводит взгляд на экран, где еще недавно ссорились Алик с Максом. Перематывает запись назад. Снова включает ее. Это тот момент, когда идет илюзование и девушки с пляжа танцуют на корме. Следователь с любопытством наблюдает за танцами. Вдруг раздается уже знакомый громогласный голос диспетчера: «Соблюдайте правила безопасности и приличия. Повторяю. Соблюдайте правила безопасности и приличия». Следователь выключает телевизор и выходит из кабинета.

СЕРИИ

Федор ИЛЬИН (1873–1959)

Российский, затем советский врач-гинеколог, ученый-педагог, заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР, русский советский писатель-фантаст. Родился в Санкт-Петербурге, служил в Варшаве и на Дальнем Востоке, участвовал в обороне Порт-Артура. Исследовал рак, одним из первых применил для лечения этой болезни рентгеновские лучи. В 1920 г. переехал в Баку. Публиковал морские рассказы, автор антиутопии «Долина новой жизни».

НА ГРАНИ ДВУХ СТОЛЕТИЙ³

ГЛАВА II.

Николай Николаевич проснулся раньше обычного. Золотые часы на ночном столике показывали восемь. Сквозь опущенные шторы и задернутые драпировки в спальню пробивался свет. Тоненькая полоска лучей пронизывала комнату. Пылинки танцевали в воздухе, и следовательно рассматривал их в попытках скоротать время.

Рядом с ним на широкой тахте, прислоненной к стене только головным концом, спала Мария Николаевна, прикрытая простыней. Ее обнаженные плечи были нежны и красивы. Тонкие пальцы сложились в кулачки. Голову, искусно завитую перед сном, прикрывал кружевной чепец, длинные ресницы закрытых глаз слегка вздрагивали. Николай Николаевич не смел пошевелиться, боясь скрипом пружин разбудить спящую. Вчера легли поздно.

³ Начало см.: «Нате» №9 2024.

Просыпаться чуть свет вообще не входило в привычки молодой красивой женщины.

Между тем дела следователя были запущены, и его личный письмоводитель, молодой человек, которого все называли Петей, уже пришел в отчаяние. Николай Николаевич был в нерешительности: боялся вызвать неудовольствие Марии Николаевны, и в то же время сознавал, что долг службы повелевает ему заняться делами.

Конечно, жить в этом городишке по-человечески было невозможно. Особенно тяготила зима. Одинокое вечера тянулись один за другим, наполненные скукой и тоской по иной жизни. Вспоминались театры, концерты, рестораны, встречи с приятелями, кутежи, приятные разговоры. А женщины! Больше всего он тосковал по женщинам. Серьезные его не привлекали. Девушки, жаждущие поменять свободу на брачные узы, не манили. Он любил легкий жанр: артистки, балетные танцовщицы, цирковые наездницы и кафе-шантанские певицы были ему куда милей. Мария Николаевна сосредоточивала в себе все достоинства этих чародей, способных развеселить каждого мужчину, нуждающегося в отдыхе от нудной, скучной повседневности.

88

Она согласилась поехать с ним в эту берлогу, и теперь Николай Николаевич чувствовал себя богачом: он обладал неоценимым сокровищем. Мария Николаевна получила институтское образование, знала музыку, говорила на трех языках, пела, танцевала, любила вкусно поесть, умела выпить и обладала сильным темпераментом. Она была молода: всего за тридцать.

Искусно балансируя, следователь сел на край матраца, скользнул ногами на пол, прямо в мягкие шлепанцы, и тихо прокрался к двери, по пути забрав необходимые предметы своего туалета. Бесшумно закрыв дверь, облегченно вздохнул: главное препятствие было пройдено.

Вымылся и оделся в маленьком чуланчике, который Мария Николаевна превратила в туалетную, затем вышел в столовую. Здесь Анисья — кухарка, она же и горничная — хлопотала у стола. Никелированный самовар приятно шипит и что-то бормочет, посылая в воздух струю пара. Кофейник, прикрытый салфеткой, испускает аромат крепкого кофе, а большой молочник со сливками добавляет запах пенки. Горячие бублики, подогретые на самоваре, вареные яйца, сливочное масло с куском льда на нем и белая булка домашнего приготовления расставлены посередине стола. Посуда блестит, скатерть и салфетки сияют снежной белизной.

Через окна видна тихая улица, заросшая травой, забор на противоположной стороне, над которым распростерли ветви могучие осокори. Анисья поправляет платок на голове и бросает украдкой взгляд на барина. Ей неловко: она знает, что Мария Николаевна барину не жена, а вот спят они на одной постели.

Из гостиной доносятся голоса. Сергей Николаевич разговаривает с Евгением Антоновичем. Первый говорит отрывисто, резким голосом, второй мягким, словно виноватым. Следовательно прислушивается.

— В Виленской губернии у нас большое имение. Давно, еще до похода Наполеона в Россию, оно принадлежало фамилии Еленских. Другое имение еще больше, целая вотчина, давно уже перешло в руки других хозяев, и я там никогда не был. В Еленовке замечательный сад — аллеи старых лип, цветники...

— Какой доход приносит Виленское имение? — голос инженера.

— Денежные дела всегда мало интересовали меня. После смерти отца все перешло в управление моей матушки. Это тяжелая задача, и она не могла бы выполнить ее самостоятельно. Заграничный агроном-немец ведет всё хозяйство. Он честный человек, предоставляет матушке годовые отчеты.

— Вы ими не интересуетесь? — войдя в гостиную, Николай Николаевич вмешался в разговор. — Женя умеет только тратить. Считать деньги не его дело.

Анисья шепчет: «Всё готово», — и беззвучно исчезает из столовой. Следователь пожимает руки брату и Еленскому. Бросает взгляд в тот угол гостиной, где на походной раскладной кровати ночевал Евгений Антонович. Раскладушки уже нет.

— Давно вы встали? — подает голос хозяин.

— Я уже прогулялся к озеру, — отвечает брат.

— Ну, друзья, к столу! Наверное, вы проголодались.

Когда все расселись, снова появилась Анисья. Она разлила кофе и, отходя к дверям, прислушалась к разговору.

Говорил Николай Николаевич:

— Сейчас мне предстоит допрос. Помните, на ярмарке доктор опоздал к Михею? Он зашивал какую-то рану. Так вот, преступник арестован, и следствие буду вести я.

— Любовная интрига? Ревность? Я не понимаю таких диких страстей. Грубые, некультурные люди думают разрешать сложные конфликты силой, — заметил Еленский, попивая кофе маленькими глоточками из серебряной ложки.

— Ты снова начинаешь философствовать, ищешь романтику, а дело-то куда прозаичнее: мужик просто не хотел платить подати, а когда его заставили, пришел в ярость и ударил ножом не то понятого, не то сотского.

— Мерзавец! — произнес инженер.

— Если и так, то и здесь можно найти ему оправдание. Ведь не платил он, вернее всего, потому что не имел возможности.

— Всепрощение, непротивление злу — всё это хорошо в теории, но ведь надо же как-нибудь заставить людей платить их тягло, — сказал Николай Николаевич, разбивая второе яйцо о край блюдечка.

— Миндальничать не приходится, — поддержал младший брат.

— Всё это разыгралось в присутствии судебного пристава. Придется карать как преступление при особо отягчающих обстоятельствах.

90

И всё же, мне кажется, что ты как следователь можешь найти смягчающие обстоятельства, — раздумчиво произнес Евгений Антонович. Он забыл свой завтрак и смотрел через окно куда-то вдаль. Анисья у дверей сочувственно вздохнула. Она не могла понять, как это ее барин, такой добрый в отношении Марии Николаевны, может быть строгим к бедным мужикам.

— Я должен быть объективным, — наставительно произнес Николай Николаевич. — Мое дело — собрать материал как можно более подробно и совершенно беспристрастно, а суд его рассмотрит, взвесит и вынесет решение.

— Надеюсь, обойдется без попустительства, — дополнил Сергей Николаевич.

— Да, в нашем уезде народ вообще распущенный, буйный. — вставил младший. — Новгородская вольница.

— Может, в этом случае играют роль исторические особенности, может быть, оно и потому, что жители нашего уезда занимаются извозом и сплавом. Это, в большинстве случаев, люди бывалые.

— Говорят, у вас тут пьянство, падение нравов и все пороки. Это мы сами видели на ярмарке.

— Может, у крестьянина в самом деле нечем было уплатить и его поступок объясняется отчаянием.

— У тебя, Женя, мягкое сердце, и ты всегда стараешься объяснить по своему. При таком твоём характере, ты едва ли мог бы служить.

— Поэтому-то я и не служу.

Братья рассмеялись, и Николай Николаевич встал. Показал в окно:

— Смотрите, вон идет наш судебный пристав Малевич. Когда-то он был артистом. Первый комик. Всё, что осталось от его прежней деятельности, — бритая физиономия. Он главный свидетель по этому делу и направляется в мою канцелярию.

— Отчего же не сюда? — поднял голову Сергей Николаевич.

— Мы не в ладах. Его жена — дочь сапожника, красивая, молодая бабенка. Теперь сильно флиртует с Базановым, но смеет весьма неместно отзываться о Марии Николаевне. Она, видите ли, «законная жена»! Первая сплетница в городе. Я всё это высказал прямо в глаза этому комику. Он ломал дурака, но я поставил его на место.

Евгений Антонович пересел поближе к самовару и принялся хозяйничать. Следователь прошел в кабинет и взял объемистый портфель. Затем снова появился в столовой и провозгласил:

— Я иду. Дела прежде всего.

Все засмеялись.

* * *

Преступление Игнатия Шишкова представлялось в следующем виде: он давно не платил государственных налогов и земских сборов, за ним накопилась изрядная сумма. Судебный пристав Владимир Владимирович Малевич прибыл в деревню Медулино, чтобы произвести опись имущества.

Тарангас подкатил к полуразрушенному крыльцу. Забора не было, от ворот остались только столбы. Изба Шишкова — покосившаяся, с бурой соломенной крышей — стояла на отлете от главной дороги. Оконца, наполовину заклеенные бумагой, смотрели

уныло. Внутри было пусто. Закопченная большая печь разваливалась, куски кирпича лежали на дырявом полу. Стол и лавка у стены были грязны. В избе стоял такой спертый воздух, что трудно было дышать. Мухи облепили остатки селедки, которые валялись не прибранными со вчерашнего дня.

Малевича встретила баба, к ее рваному подолу жались двое детишек: девочка и мальчик. Черты изможденного лица не позволяли определить возраст женщины. На вопрос, где ее муж, она ответила: «Тута», — и показала тощей рукой на избу. Пристав поднялся по шатким ступеням и, прежде чем открыть дверь, надел на шею цепь с бляхой. Теперь он являлся представителем закона и был при исполнении служебных обязанностей. Хозяин встретил его неучтиво: не вымолвив ни слова, сидел с мрачным видом. Это был высокий мужик с головой, заросшей черными волосами. На заросшем лице виднелись только злые глаза под насупленными бровями да часть невысокого лба. Малевич приказал хозяйке очистить стол и вытереть скамью, но та мялась с ноги на ногу и не торопилась выполнить распоряжение. Постепенно изба наполнилась народом: пришли понятия, десятский, любопытные...

92

— Ну что же, долго я буду ждать? — раздраженно спросил судебный пристав. — Ты — Игнатий Шишков, по отцу Федоров? Ты — хозяин избы? Прикажи своей бабе маленько здесь почистить. Гляди, какой свинарник.

— Сам чисти! — резко прозвучало в ответ.

— Мы к тебе не в гости приехали. Твоя вина — оброков не платишь.

Тут хозяин встал во весь свой высокий рост и закричал:

— Проваливайте, откуда пришли! За каким дьяволом вас принесло? Катитесь, куда сам не выставил!

Он схватил табуретку и, занеся ее к потолку, взревел:

— А ну выходи!

Десятский ухватил его за руки:

— Ты что, Игнатий! Голову потерял аль под мухой? Я судебный пристав. Я приехал сюда описать твоё имущество, потому что ты не платишь оброков. Тебе посылали извещение, предупреждали, но ты пропустил все сроки. Я — представитель закона, и ты не смеешь грубить...

Всё это пристав произнес быстро и строго, отступая за стол.

— Кровопийцы, душегубы! У меня жена больная, дети. Что ты можешь продать у меня? Лошадь, корову? Так чем я жить буду?

— Я действую не по своему желанию. Мне приказывают, я исполняю, — спокойно произнес пристав. И потом добавил: Поставь табуретку на место, — Шишков послушался, но продолжал стоять посередине комнаты.

Вынутая из портфеля бумага была разложена на столе: взмахом руки баба сбросила объедки на пол.

— Ни чхни! — остановил ее гневно муж.

— Вот, шестнадцатого января тебе причиталось уплатить 6 рублей 30 копеек, в марте...

— Суке под хвост и тебя, и твои бумаги! — бешено завопил мужик и рванулся к столу. Судебный пристав отшатнулся, побледнев.

— Понятые! Сотский! — воскликнул он растерянно.

Десятский обхватил пришедшего в ярость мужика сзади. Кто-то из присутствующих, подойдя близко, пытался уговорить:

— Что ты, Игнатий, что ты, рази так можно?

И тут все увидели у Шишкова в руках нож. Блеснула в полутьме сталь, глухой удар — и подвернувшийся парень грузно шлепнулся на пол. Раздался крик: «Убил! Убил!»

Некоторые проталкивались к дверям, другие с любопытством ожидали, что будет дальше.

Гнев Шишкова сразу пропал. Он бросил нож, обыкновенный нож, которым нарезают хлеб и, не произнеся ни звука, упал на скамью. Казалось, все силы оставили его. Мужик тяжело дышал, на лбу выступили капли пота. Парня подняли... Это был сосед, Дмитрий Оплеухин, 25-ти лет, никакого касательства к делу он не имел. Глубокую рану на плече в тот же день зашивал случайно оказавшийся поблизости доктор.

Когда Шишкова повязали, он сказал:

— Прощайте, православные. От тюрьмы да от сумы не зарекайтесь.

Всё, что было установлено следствием, в общих чертах соответствовало полицейскому протоколу, написанному

малограмотным урядником, и попало в папку делопроизводства Корнилова, тщательно переписанное его письмоводителем Петей.

Во время следствия Шишков держался спокойно. Отвечал нехотя, вяло, только на повторные вопросы. Тюремный надзиратель с револьвером в кобуре не отходил от преступника, по-видимому, опасаясь повторного нападения. Малевич зевал, на его помятой физиономии отпечаталась бессонная ночь. Всё, что здесь рассказывалось, ему было известно и не представляло никакого интереса.

Николай Николаевич спрашивал:

— Ты знал Дмитрия Оплеухина? Ты слышишь меня? Знал ли ты ранее Дмитрия Оплеухина?

— Так как же мне его не знать.

— Может быть, у тебя с ним были какие-нибудь недоразумения, то есть, я хочу сказать, может быть, вы враждовали?

— Зачем враждовать? Я сам по себе. Он ко мне отношения не имеет.

— Тогда почему ты ударил его ножом?

Лицо Шишкова оставалось неподвижным. Он молчал.

— Скорее ты мог бы ударить судебного пристава или десятского, который удерживал тебя.

Преступник тяжело вздохнул:

— Это нам неведомо.

— Что ты хочешь сказать? Тебе неизвестно, почему ты ударил Оплеухина?

— Да я никого не ударял.

Следователь, не ожидавший такого ответа, посмотрел вопросительно на своего юного писаря, тот рассмеялся и вполголоса заметил: «Дурака валяет».

— Значит, ты не помнишь, как все случилось, и не отдаешь себе отчета, кого и за что ты ударил?

Мужик молчал и тяжело дышал.

Николай Николаевич нашел нужным пояснить:

— При опросе урядником ты не упоминал, что у тебя отшибло память и что ты не соображал, что делаешь.

Шишков оживился:

— Как не соображал? У меня корову берут, лошадь, а я не соображал?

В голосе следователя послышалось раздражение.

— Ты не понимаешь, о чем тебя спрашивают?

— Как не понимать, хорошо понимаю.

— За что же ты пытался убить человека?

— Я не убивал его, — пробурчал Шишков.

— Если не убивал, то мог убить. Он лежит в больнице. Рана серьезная, и он может помереть.

— Я к этому касательства не имею. А что пустить меня по миру, рази такой закон есть? Рази уморить детей и хворую жену можно? Рази это правильно?

Обвиняемый размахивал руками и попробовал встать, но надзиратель осадил его:

— Вот видите. Попробуйте иметь дело с таким народом...

— Ну, хорошо, довольно! Ведите его обратно в тюрьму, — Николай Николаевич встал и слегка потянулся. Чувствовал, что у него сосет под ложечкой: время подходило уже к обеду. Ему неудобно было не пригласить к себе Малевича, с которым он был хорошо знаком и прежде пользовался его гостеприимством.

Владимир Владимирович встал и заметил:

— Нет, ей-Богу, на сцене лучше. Там самые ужасные зверства приукрашены, а в жизни всё оголено и всё отвратительно. А главное, кто виноват?

Он встал в позу, ударил себя в грудь и продекламировал:

— Или мы все виноваты, или никто не виновен!

Петя вдруг расхохотался и, глядя с восхищением на бывшего артиста, воскликнул:

— Владимир Владимирович всегда так скажут, что нет возможности.

Все распрощались.

* * *

Когда утренний завтрак почти кончился, Анисья вошла в столовую с подносом и проговорила скороговоркой:

— Мария Николаевна проснулись и требуют вас к себе, — Евгений Антонович заторопился. Намазанные маслом ломтики хлеба он уложил на тарелку, на другую поместил два яйца, налил в большую чашку кофе и густых сливок, опустил туда четыре куска пиленого сахара и старательно размешал. Потом поставил всё на поднос; не забыл солонки и маленькой салфеточки, сложенной треугольником. После этого одернул свой жакет и засеменил за Анисьей в спальню Марии Николаевны.

На пороге он остановился и торжественно произнес:

— Доброе утро! Как спали? В каком настроении проснулись? Ваш раб приветствует вас. Примите скромные подношения! — он указал на поднос в руках Анисьи. Полусидящая на кровати Мария Николаевна рассмеялась.

— Вы простите, но я не могу обходиться без вас, — Еленский придвинул маленький столик. Он суетился.

— Если бы я был женщиной, я стал бы вашей камеристкой или горничной. Ухаживать за вами — это... одно восхищение, один восторг!

— Вы сегодня в торжественном настроении, — заметила Мария Николаевна, приподнимаясь с подушек. Кружева почти не прикрывали ее бюста, но она нисколько не заботилась об этом. Руки ее тянулись к чашке с кофе.

— Да! Я получил почтовую повестку. Эти несчастные гроши позволяют мне провести хотя бы один день так, как мне хочется, и постараться хоть чем-нибудь отплатить за ваше гостеприимство и воздать благодарность моему другу Николаю Николаевичу.

Мария Николаевна с удовольствием отпила из чашки.

— Приготовлено по моему вкусу. Чувствуется любящая рука.

Евгений Антонович присел на край пружинного матраца у ног Марии Николаевны:

— Чувствую себя на утреннем приеме императрицы Марии Антуанетты.

— Вы большой фантазер, Евгений Антонович, и это главный ваш грех. Только вам могла прийти мысль украсить живыми розами вагон экспресса Париж–Ницца, когда вы везли туда артистку комической оперы, — заметила дама. — Вы сами рассказывали мне об этом! — Еленский воздел глаза к потолку и молитвенно сложил руки на груди:

— Эта женщина вскружила мне голову. Тогда мне казалось, что она самое восхитительное создание в полуденном мире.

— Сколько таких восхитительных женщин вы встретили за свою жизнь?

Еленский задумался на минуту и вполне серьезно произнес:

— О-о, много! — молодая женщина засмеялась.

— И все они отвечали на ваши чувства?

— Увы, нет! В большинстве случаев они вовсе не интересовались мною. Лично мною. Но это неважно. Когда вам нравится что-нибудь: явление природы, пейзаж, произведение искусства — вы ведь не задаете себе вопроса, как всё это относится к вам?

97

— Это ведь совсем другое дело.

Евгений Антонович оставил возражение без внимания. Он продолжал:

— Обычный разговор о взаимности чувств кажется мне неубедительным. Если я что-нибудь люблю, я уже счастлив. Я чувствую себя захваченным. Я восторгаюсь, но не стремлюсь завладеть предметом своего восхищения всецело.

Мария Николаевна перебила:

— Выходит, вы нисколько не ревнуете ко мне Николая Николаевича?

— Ревность недоступна моему пониманию. Это пережиток чего-то звериного. Ревность вызывает вражду. Какая же вражда может быть у меня к вам или к моему другу? Я счастлив вашим счастьем.

— И вам больше ничего не надо? — в голосе Марии Николаевны слышалось недоверие.

— Я пользуюсь вашим расположением. Я могу любоваться вашей красотой. Чувствовать вашу близость, упиваться звуками вашего голоса...

К смеху Марии Николаевны примешивался некоторый оттенок сарказма.

— Я представляюсь вам каким-то чудаком или уродом. Может быть, это и так. Другие чувствуют иначе.

— Милый, милый Евгений Антонович, вы не чужак и не урод, вы прекрасный человек. И знаете, если бы не моя любовь к Николаю Николаевичу, я бы, наверное, влюбилась в вас.

Молодая женщина протянула обе руки к сидящему у ее в ногах обожателю. Тот осторожно взял маленькие пальчики и поочередно перецеловал их, приговаривая:

— Лепестки розы, такие же влажные, холодные, и пахучие!

— Смотрите, чтобы у вас не закружилась голова.

— Она у меня кружится с тех пор, как я впервые увидел вас.

— Это походит на настоящее объяснение в любви.

— Так и есть, — бледное лицо Еленского слегка покраснело.

— А как же Николай Николаевич? — осторожно спросила Мария Николаевна.

— Так ведь он знает о моем чувстве к вам и не боится его. Моя любовь совсем другая. А ваши отношения вполне установившиеся. Главное для меня — чтобы вы были счастливы. Разве меня можно сравнить с Николаем Николаевичем?

— Самоуничужение! Я не люблю такой тоски, страдания.

— Я тоже не люблю.

Вошедшая Анисья внесла тарелку ароматной малины, и Еленский, вскочивши с низкой кровати, выбрал лучшие ягоды, осмотрел их, посыпал сахарной пудрой и полил сливками. Затем наклонился и на вытянутых руках протягивал блюдце, подражая всей своей фигурой виденному им изображению египтянина на древней вазе:

— Прими, о, богиня, плоды раба твоего, тобой уязвленного.

— Это из Гомера?

— Нет, это отсебятина.

Мария Николаевна засмеялась:

— С вами весело!

Еленский шаркнул ножкой:

— Не начинаю ли я играть роль придворного шута? Мне не позволено присутствовать при одевании, поэтому исчезаю. Я должен спешить, чтобы превратить деньги во что-нибудь более полезное.

Еленский, забавно изогнувшись, проскользнул в открытую дверь. Вдогонку ему неся веселый смех.

* * *

Когда Мария Николаевна, одетая в изящное платье, вышла в столовую, там уже никого не было. Она прошла по гостиной, чувствуя бодрящую свежесть после умывания, открыла окно, села около и задумалась. Лицо ее сделалось серьезным. Перед ее внутренним взором предстали двое: Николай Николаевич и Евгений Антонович. Один властный, другой мягкий. Один любит командовать, другой — угождать. Один знает, что делает, другого судьба носит, как утлую ладью в море. Первый расчетлив до скупости, второй расточителен до безумства.

«Николай Николаевич суховат, иногда скучен. Евгений Антонович занят, его смена настроений вносит разнообразие. Но, во всяком случае, Коля — мужчина, а Еленский — Бог его знает кто...»

Мария Николаевна задумчиво провела рукой по волосам. И тут ей сделалось страшно: как может она думать всерьез о таком человеке, как этот приживальщик? Чтобы прервать тягостные размышления, молодая женщина прислушалась к звукам голоса и шелесту перелистываемой бумаги, доносящимся из кабинета.

В полуоткрытую дверь кабинета был виден письменный стол, за ним в кресле сидел военный инженер. Китель, вытянутые ноги в высоких сапогах, серьезное лицо, почти закрытое газетой.

Марии Николаевне не терпится, ей хочется поговорить с этим малообщительным человеком.

«Что кроется за его внешностью? Он так похож на старшего брата. Видно, военная школа и служба наложили на него сильный отпечаток. Кажется, я не пришлась ему по вкусу. Тем более хочется испытать свои силы, заговорить и посмотреть, что из этого выйдет.»

Молодая женщина прошла в кабинет и в дверях весьма искусно разыграла удивление:

— Ах, вы здесь! Я и не подозревала. Хотела взять вчерашнюю газету.

Сергей Николаевич вскочил:

— Доброе утро!

— Я сегодня непростительно заспалась, — он поцеловал ее руку.

— Вот, пожалуйста, я уже прочитал.

— Может, в таком случае вы мне расскажите самое главное? Что делается в свете? Какие политические новости? Каковы назначения, награды?

Взгляд инженера скользнул по ее прическе, лицу, фигуре и останавливается на маленьких замшевых туфельках, выглядывающих из-под длинной юбки. «Вкус брата недурен. Эта женщина может иметь большой успех. Интересно было бы узнать, что она из себя представляет, заглянуть в ее душу...»

100

Мария Николаевна села на софу, где ночью спал гость, а тот снова опустился в кресло перед столом.

— Ну-с, рассказывайте! Когда я читаю сама, то многое пропускаю: мне скучно прочитывать всё, что пишут.

— Вас интересуют назначения? По какому ведомству?

— Всякие, но больше по военному и по дипломатии.

Сергей Николаевич изобразил на своем лице удивление.

— Сегодняшний номер будет вам скучен. Вы хорошо знаете, что летом Петербург замирает. А это типичный летний номер.

Мария Николаевна оправила платье и села удобнее. Стройные ноги в ажурных чулках видны были теперь довольно высоко. Она выжидала. Улыбка бродила по ее лицу: ей было приятно, что молодой офицер внимательно рассматривает ее.

— Почему же вас интересует военное ведомство?

— Потому что мой отец служил в интендантстве и занимал хорошее место. Он был дворянин, и мы имели большой круг знакомых. Мать знала языки, музыку, умела петь. Она обучила всему этому и меня. Когда умер отец, мы оказались в тяжелом положении.

Генерал, командующий кавалерийской дивизией, первый развратил меня, и я несколько лет соблюдала ему верность...

Сергей Николаевич переменял в кресле позу. Ему было неловко слушать исповедь молодой женщины.

— Мой содержатель был богат и отличался щедростью. Он вводил меня в общество, в котором скоро меня заметили. Мужчины одобряли, женщины презирали. Я уверена, они завидовали. Жажда жизни пробудилась во мне. Так что... я переходила из рук в руки, — инженер поморщился. Мария Николаевна явно увлеклась:

— У меня была прекрасная квартира, лошади, экипажи, целый штат прислуги. В театре я имела постоянную ложу, в ней толкались прожигатели жизни — молодые и старые. Я дошла до вершины славы и не подозревала, что закат так близок. Мои доходы служили хорошим барометром. Число поклонников уменьшалось, высокие покровители исчезли. Я распродала понемногу свое имущество. На витринах артистической фотографии Мразовской мои карточки не обновлялись более года: они выцвели и потускнели, их больше никто не рассматривал. Всё оттого, что я не платила долгов в фотографию, — Мария Николаевна перестала улыбаться и хрустнула пальцами. — Не правда ли, это ужасно?

Сергей Николаевич постарался сделать скорбное лицо: «Потерпевшая крушение великосветская прелестница...»

Мария Николаевна продолжала:

— При мне оставались два друга. Они не покинули меня, несмотря на мои затруднения.

Прежде на Николая Николаевича я обращала мало внимания. Он красивый мужчина, но средства его ограничены. Еленский — богач, но на него наложена опека. Придурковат, но такой милый! Николай Николаевич получил место в этом захолустье и страшно скучал. Я решила отправиться в добровольную ссылку. Женя, Евгений Антонович, последовал за нами. И вот мы здесь все трое. Ваш брат — мой повелитель. Женя — ради компании. Иногда — в роли придворного шута, — тут Мария Николаевна умолкла и подняла глаза на слушателя. Мелкие морщины вокруг глаз и около рта бросались в глаза более резко. Причиной этому был, по-видимому, яркий солнечный свет.

«Можно думать, лет около тридцати...» — определил возраст собеседницы Сергей Николаевич.

— Теперь, можно сказать, я представилась вам. Я никогда не скрываюсь и никого не обманываю. Я перед вами такова, как есть. Относитесь ко мне как вам угодно. Ваш брат и Женя любят подслащивать, но, вижу, вы не таковы. Мне казалось, вы не одобряете меня. Ну что ж, теперь я перед вами в полной красе! — Мария Николаевна расхохоталась, вскочила, подобрав юбку, будто собиралась танцевать, и запела приятным голосом: «Маргарита, бойся увлечения» — но сразу прервала себя:

— Нет, нет, вы не из таких. Вы солидный, серьезный человек. Вы будете строить крепости, казармы, мосты... Планы, расчеты, цифры.

Мария Николаевна выскользнула из кабинета так быстро, что офицер подумал было, не привиделась ли она ему после чтения скучной газеты. Он встал и беспокойно заходил по кабинету. Брат совсем не так рисовал эту женщину. Ее рассказ подтвердил его худшие опасения.

Довольная произведенным эффектом, Мария Николаевна вышла через заднюю дверь во двор и, жмурясь от солнца, горстями раскидывала из решета сухую гречневую кашу окружившим ее цыплятам. Она была счастлива.

* * *

На месте, где средняя улица соединялась с набережной, образовалась небольшая площадь. С одной стороны стоял двухэтажный каменный дом. Здесь была лавка купца Захарова. Смешанный запах разнообразных товаров распространялся далеко вокруг. Хозяина заменял его сын, молодой белобрысый человек с нежным румяным лицом и маленькими усиками. Он сидел за прилавком и щелкал на счетах. Покупатели, два мужика, в лаптях и домотканых рубахах навывпуск сверх широких штанов, чесали затылки, смотрели в потолок, думали, припоминая, что надо купить, наконец, перебивая друг друга, начали торговаться:

— Шесть петель дверных, восемь оконных, три крючка, гвоздей мелких, гвоздей двухдюймовых, клею столярного, отвертка... Кажись, всё?

— А ты, Петруха, расческу не забудь. Маланья грит, со света сживу, ежели не принесет, — Захаров, или, как его называли в городе, попросту Алеша, крикнул мальчишке:

— Ванька, покажь ему две пачки, подлиньше да покороче, — взгляд придирчиво обежал гребень. Зубцы гнутся и потрескивают под пальцами.

— Ты полегче там! Чай, не скребница. Не лошадей драть, а косы расчесывать, — заметил Захаров.

— Мы осторожно.

— А ты, Петруха, лампицу не забудь, — говорящий протянул руку к полкам:

— Вон, жестяная, с фитилем.

— Ванька! Можно и лампу. К ней стекло семилинейное тридцать две копейки.

Мужики склонились над лампой, покрутили винт.

— Записать? — подошел Захаров.

— Стало быть, записать, — после паузы ответил Петруха.

Счеты щелкают.

— Два рубля семьдесят пять копеек. Перенос с прошлого месяца — восемь рублей семь копеек, итого...

Беспокойный голос перебил:

— Ты, Петруха, водку забыл.

— Как забыть. Я ее напоследок оставил.

— Ну, а платить будешь?

— Какая нынче плата. Пиши на забор.

В дверях появился Евгений Антонович. Подойдя к прилавку, он протянул руку молодому продавцу.

— Папаши нет?

— Пообедали и почивают.

Мужики быстро собрали покупки в берестовый кузовок и с любопытством уставились на барина, которого никогда ранее не видывали.

— Я, Алексей Семенович, сегодня маленький банкет делаю. Так вот пришел отобрать, что получше.

— На наличные-с?

— Я сегодня перевод получил.

— Слышали-с. Почтальон сказывал. Для вас всегда кредит свободен, Николай Николаевич: фирма солидная.

— А фирма Еленских сомнительная?

— Помилуйте-с. Это я только к слову.

— Так вот, прежде всего — шампанского. Три бутылки, нет, четыре... пять! Только «Мум». Других марок не надо.

— Мы ваш вкус хорошо знаем. Раньше «Клико» выписывали...

— Потом коньяк «Мартель» пять звездочек. Пять бутылок «Рейнвейну».

Лицо Алеши омрачилось:

— Не знаю, как и сказать вам. Рейнского белого не получили.

— Что же я буду делать?

— Разрешите Крымским заменить. Удельное № 22-ой. Замечательное!

— Ничего не поделаешь, давай. Может быть, и бенедиктину не получили?

— Бенедиктин есть, не беспокойтесь, — Ванька выстраивал на прилавке бутылки.

— Теперь две коробки ананаса. Английское печенье, сухое и кекс...

— Так точно, имеется. По вашему заказу выписывали из Санкт-Петербурга. В Москве такого нет.

— Теперь не забыть бы — Страсбургский паштет и сардины «Кано», по две коробки. Сухие ягоды и фрукты «Балабуха». Мария Николаевна любит. И фунт шоколада «Крафт», ванильного.

Мужики глазели на заваленный прилавок. Петруха забыл даже про бутылку с водкой, которую отчего-то всё время обнюхивал, прикладывая нос к белому сургучу. Глаза его товарища прикованы к шампанскому:

— Дивно! Вишь ты, золотой бумагой обернуты!

Захаров говорит строго:

— Рукам воли не давай. Получил товар и проваливай, — и извиняющимся тоном:

— Праздничный день, как сельди в бочке, набьются... Крик, шум. Беда. Купят на рубль, а изведут так, что голова кругом. Покупатели!

Еленский перебил:

— Что же это, Алексей Семенович, это шоколад Жорж Бормана, а не Крафта!

— Совершенно верно, Евгений Антонович. Жорж Борман не хуже. Как вы требовали, ванильный.

— Но я просил Крафта!

— Простите, Евгений Антонович. Крафт был, да вышел.

— Хорошо, хорошо, — задумчиво пробормотал Еленский. Потом спохватился:

— Да! Флакон духов. Только французских. «Пино» есть? О-де-колон тройной и цветочный. Конечно, надо цветы, но цветов у вас нет. Это я так говорю, чтобы не забыть.

Лицо Захарова расплывается в улыбке:

— Совершенно верно, Евгений Антонович. За цветами вам лучше обратиться к Комарову. Знаете, бухгалтер в казначействе, у него замечательные цветы. А прочее в нашем магазине всё найдется. Не то, что у Рябцова, Трошнева и Попова. У нас всё есть — и самое лучшее.

Громкий голос загудел позади Еленского: в дверях показался доктор.

— Слышу, Алеша расхвастался. Год тому назад реальное училище окончил, а ты смотри, уже настоящим купцом заделался!

— Ничего подобного, Михаил Рафаилович. Теперешнее мое занятие только временное. Папаша болеет, а я его заменяю. Скоро я освобожусь.

Доктор пожал руку Еленскому.

— Если бы я не видел этих бутылок, то и тогда, единственно по вашему лицу, догадался бы, что вы в эмпиреях в предвкушении восторгов.

— О, с вашей медицинской прозорливостью вы не нуждаетесь в объяснениях! Я просто приглашаю вас нынче вечером зайти ко мне, то есть, к Николаю Николаевичу и Марии Николаевне. Приводите и своего брата. Я знаю, к вам приехал брат-студент.

Доктор поздоровался через прилавок с Захаровым, тот почтительно пожал его большую руку. Евгений Антонович почувствовал себя неловко: ему вдруг захотелось пригласить и Захарова. Этот молодой человек нравился ему, к тому же, он знал, что студент состоял в приятельских отношениях с Алешей. Но пригласить купца в дворянское общество было бы непростительной ошибкой. Здесь, в глухой провинции, отживающие предрассудки оставались еще в полной силе. Николай Николаевич, конечно, ничего бы не имел против гостя, но как отнесется его брат — неизвестно. Что касается Марии Николаевны и Базанова, то они, конечно, не одобрили бы такой бестактности.

106

Доктор собирался на охоту, ему были нужны пистоны, дробь, пыжи. Алеша тоже был охотником. Михаил Рафаилович успел лишь поблагодарить собеседника и пообещать прийти, а разговор уже принял новое направление:

— Приложился, паф... Из другого ствола паф... Две утки. Паф! Из куста куропатки, фр-р-р-р. Паф. Паф!

— Какая кровожадность, — покачал головой Еленский. — Я в жизни не убил ни одного живого создания.

Доктор засмеялся:

— Ни клопа, ни блохи, ни мухи?

— Пришел, в ягдташе три куропатки, три утки и кроншнеп...

— А я принес только двух: селезень и утица.

Тут раздался женский голос:

— Алеша, пришли с Ванькой варенья. Абрикосового. Шпанку.

Доктор и Еленский обернулись. В светлом прямоугольнике открытых дверей в глубине лавки появилась фигура молодой девушки:

— Папенька проснулись и чай садятся пить.

Девушка хотела было захлопнуть дверь, но доктор крикнул:

— Мария Семеновна, куда же вы? Дайте на вас взглянуть!

Девушка подошла. Одета по-домашнему, в хорошо скроенном платье на стройной фигуре, она весело посмотрела на гостей серыми глазами. Небольшой локон свесился на лоб. Ямочки на щеках, застенчивость, скрытая за жеманностью.

— Здравствуйте, здравствуйте! — протянула руку.

— Как ваше здоровье? Почему вас нигде не видно? — осведомился доктор.

— Она никуда не выходит. Всё за книжками, — заметил Захаров.

— Серьезным чтением заняты?

— Какое там, романы глотает!

— Ты сам романы глотаешь. Только не в книжках, — сердито отпарировала девушка.

— Так его, так! — одобрительно крикнул доктор.

— *Quelle beautee*, — громко прошептал Еленский.

— Мария Семеновна понимает по-французски, — усмехнулся доктор, а Евгений Антонович сложил руки в свой обычный жест, выражая умиление и преклонение. Ему хотелось пригласить эту фею, похожую на Ботичеллевскую весну. Но и здесь была непреодолимая препопа.

* * *

Николай Николаевич и Мария Николаевна одевались в спальне после короткого обеденного отдыха. Он стоял уже в смокинге, туго накрахмаленная белоснежная рубашка пружинила на груди, воротничок подпирал щеки, а манжеты с сапфирными запонками закрывали кисти рук ровно наполовину. Мария Николаевна сидела перед столиком, на котором стояло трехстворчатое зеркало. По бокам горели две свечи. Маленькая ручка с пуховкой привычными движениями скользила по лицу, шее и груди, накладывая тонкий слой пудры.

Следователь пыхтел:

— Что это тебе, Манечка, пришло в голову устраивать маскарад? Кажется, нет никакого праздника, никакого важного события. Будет несколько человек, а наряжаемся, как на бал.

В ответ прозвучал веселый смех:

— Женя сегодня совсем с ума сошел. Познакомился с сестрой Захарова и очаровался. Ему страшно хотелось бы пригласить и сестру, и брата к нам, но не смеет. За то твой братец Сережа совсем удручен. Сегодня утром я окончательно его убила: представилась ему по всей форме.

— Небось, наврала ему что-то неподобное?

— Лишь сильно преувеличила. Хотелось испробовать этого человека.

— И что же? — Николай Николаевич налил из флакона духи на платок и обтирал им руки и шею.

— Он относился ко мне с подозрением, а теперь, быть может, относится с презрением. — Мария Николаевна вскочила, отряхнула платье и оправила прическу. — Ну, какова?

— Прелестна, как всегда.

— Морщинок не видно?

Следователь одобрительно мычал.

— Думаю, он не устоит.

— Твой Сергей — деревяшка, меня он вовсе не интересуется. Если я и наряжаюсь, то только для Базанова. Вот человек, который любит женщин! Я хочу наставить рога мерзкой жене Малевича.

Николай Николаевич поднял удивленный взгляд.

— Я имею в виду только духовные рога.

— Итак, мы готовы. Вашу руку, madame.

* * *

Евгений Антонович ходил вокруг обеденного стола, поправляя сервировку и раскладывал между тарелками по скатерти живые цветы. Лицо его было сосредоточенно. Он переставлял с места на место вазы, хрустальные графины, поправлял подставки под ножами и вилками и, отходя в сторону, бросал общий взгляд, чтобы уловить дисгармонию в строгом порядке хрустально-серебряного блеска.

Шептал: «Ужин на восемь кувертов. Маловато. Не то, что прежде, но что поделаешь...»

Увидев Анисью в дверях, распорядился:

— Лед должен быть наколот. Бутылки с шампанским и белым вином поставьте сейчас. Ананасы откупорите, нарежу я сам. Малина, земляника почищены?

— Какая ж нынче земляника?

— Жаль, жаль. А я думал, что вы достали землянику. Да не забудьте захолодать и водочку. В буфете я видел «Смирновку» — граненая бутылка, высокая, стройная, как молодая девушка.

Анисья фыркнула.

В дверях показались Николай Николаевич и Мария Николаевна. Евгений Антонович отскочил от стола и моментально из мажордома превратился в светского человека.

— Боже мой, что я вижу!

— Да, да, мы решили, что называется, потряхнуть стариной и провести твой вечер, как приличествует порядочным людям.

— Конечно, это затея Марии Николаевны, и я ей очень благодарен, — Еленский галантно склонился к ручке. — В этом платье вы были в Михайловском театре на французской комедии. После спектакля мы кутнули у Кюба.

Мария Николаевна состроила гримаску:

— Замечательная память, но этим вы хотите сказать, что платье два года. Прежде я выбрасывала платья после двух-трех вечеров, а теперь храню в сундуке, как реликвии славного прошлого.

Услышав разговор в столовой, Сергей Николаевич покинул кабинет, в котором читал, и вошел в гостиную. Он громко произнес:

— Сразу видно, что здесь готовятся к чему-то особенному. На окнах темные занавески. Стало быть, принимаются меры, чтобы посторонние зрители не могли видеть, что здесь происходит.

Взгляд его скользнул по фигуре брата и остановился на его даме. Теперь он явственнее, чем прежде, почувствовал, что эта женщина еще может иметь успех. Еленский воскликнул:

— Ради этих коротеньких минут я только и живу! Всё остальное — прозябание!

— Перейдем в гостиную, — подала голос хозяйка и двинулась вперед. За ней последовали остальные.

Большая лампа и канделябр со свечами ярко освещали комнату. На диванчике лежали гитара и мандолина. Мария Николаевна быстро настроила гитару, наиграла какой-то мотив, мандолину передала Евгению Антоновичу.

— Следовало бы прорепетировать, а то, как всегда, мы играем экспромтом.

Закинув ногу на ногу, она взяла на гитаре несколько звучных аккордов. Затем сделала томное лицо и запела несильным, мягким голосом. Это был цыганский романс «Ты спросила сегодня с укором». Сергей Николаевич любил музыку и пение. В дверь постучали. Николай Николаевич пошел навстречу гостям. Это были Базанов, доктор и его брат, студент. Комната наполнилась голосами мужчин: они громко приветствовали друг друга. Базанов увидел хозяйку на диванчике и бросился, попутно расшаркиваясь, целовать ручки. Он был одет по-городскому: в черный сюртук и крахмальное белье. Толстая золотая цепочка блестела на жилете. Костюм ему явно шел. Седящая голова с волнистыми волосами, гордая осанка, высокий рост — всё подчеркивало репутацию любимца женщин. Доктор и его брат были одеты в косоворотки по-летнему и, очутившись теперь среди разодетого общества, чувствовали неловкость. Михаил Рафаилович скоро оправился, но студент внутренне проклинал себя за то, что поддался уговорам брата и пошел на вечеринку или, как говорили в этом городишке, на банкет, в компанию не знакомых ему людей.

110

Александр Рафаилович забился поглубже в кресло и наблюдал исподлобья, мысленно осуждая: «Эта бабенка красива, но голова пуста, словно гнилой орешек. Все мужчины от нее без ума, но требования у них самые низкие. Да и кто они сами? Бывший лицеист, какой-то идиот. Правовед — помесь дворянина и купчихи, промотавшегося улана и дочери пивного заводчика. Строит из себя аристократа, а толстое, круглое лицо выдает происхождение матери. Брат его, потоньше, более деликатного сложения, унаследовал отцовскую кровь. Типичный гвардеец и, наверное, пустельга. Базанов — дегенерат и распутник. Они пересыпают свои разговоры французскими словечками, как будто недостаточно знакомы с русским языком. Так делается в Петербурге, а, следовательно, и здесь, в этой дыре».

Разговор вертелся вокруг местных интересов, порой обращался в мелкую сплетню. Базанов легко переходил с одной темы на другую. Теперь он с увлечением рассказывал Марии Николаевне о своей охоте с гончими на зайцев и умело подражал лаю собак. Доктор тоже пустился в рассказы. Все смеялись. Мария Николаевна хлопала в ладоши. Напряженность исчезла, каждый чувствовал себя просто и непринужденно. Глаза студента повеселели.

Еленский бегал в столовую и на кухню. Наконец он возгласил:

— Прошу к столу!

Все двинулись веселой толпой и начали рассаживаться. Мария Николаевна посадила по правую сторону от себя Базанова, по левую — Сергея Николаевича. Напротив, между доктором и его братом, поместился хозяин. Еленский занял место на узком конце стола. Он разлил по рюмкам «Пшеполянку». Закуской были маринованные рыжики, маленькие и кругленькие. Рюмки были опрокинуты, грибки получили общее одобрение. Внезапный стук в окно нисколько всех удивил.

— Кто это? В такой поздний час!

Николай Николаевич подошел к окну и, подняв занавеску, взгляделся в темноту ночи.

— Ба, да это Василий Всеволодович!

Еленский вскочил:

— Базиль! Вася!

Мария Николаевна пояснила Сергею Николаевичу:

— Граф Толстой.

Николай Николаевич встречал рослого блондина, одетого в китель, сидевший в обтяжку на его полнеющей фигуре. Тот щелкнул шпорами и сделал общий поклон.

— Честное слово, я не ожидал найти здесь такую прекрасную компанию. Выходит, я, как Чацкий, попал прямо на бал. С тою разницею, что вместо корабля меня мчал тарантас — и, кажется, самый скверный тарантас во всей России!

Еленский усадил нового гостя на противоположном конце стола и распорядился, чтобы Анисья поскорее поставила прибор. Студент разглядывал вновь прибывшего. Ему нравилась та непринужденность, которой отличался этот родовитый офицер и

которой он сам был лишен. Вилки и вилочки, ножи и ножички на подставке сбоку от тарелки, рюмки, стаканы и стопочки — всё это раздражало. Приходилось напрягать внимание, чтобы не сделать лишнего движения, не взять того, что не надлежало по этикету.

Мария Николаевна еще более расцвела. Она задавала вопросы, и граф, приятно раскатывая «р», отвечал:

— Вы спрашиваете, отчего я прискакал сюда, в вашу берлогу. Просто потому, что небольшое наследство, которое я получил в прошлом году от моей внезапно умершей тетки, уже улетучилось. О, бедная ma tante! В какой бы она пришла ужас, если бы узнала, что ее беспутный племянник спустил всё за один год! — граф опрокинул в себя рюмку водки, поставленную Еленским, и продолжил. — Оказывается, то, что я рисовал себе мрачной берлогой, совсем не берлога, а уголок Петербурга или Красного Села.

— Или отдельный кабинет какого-нибудь загородного кабачка, — вставил Николай Николаевич.

Все рассмеялись. Базанов выждал и заговорил:

112

— Итак, Ваше сиятельство изволили прискакать сюда с определенной целью...

— Так точно. Я продаю свой лес на берегу Пола. Хороший строевой лес. На северной стороне леса казенные, а мой на южной. Мне он не нужен.

Еленский боялся серьезных разговоров и потому вмешался с предложением выпить по второй и закусить чем-то особенно подходящим к «Пшеполянке». Николай Николаевич заметил беглый взгляд Толстого, брошенный им на Сергея Николаевича. Он произнес, причмокивая губами:

— Базиль, я забыл тебе представить моего брата. Ты здесь всех знаешь, а с ним, наверное, не встречался, — офицеры раскланялись через стол. — Он приехал ко мне отдохнуть после окончания академии. И вот скучает.

Мария Николаевна добавила:

— Сергей Николаевич служит в Варшаве. Он не может забыть какую-то очаровательную польку, которая произвела на него сильное впечатление... — инженер было запротестовал, но Мария Николаевна продолжала. — Вы можете говорить, что угодно, но мы, женщины,

обладаем верхним чутьем, как охотничьи собаки, про которых только что рассказывал доктор. У нас такое же верхнее чутье.

Все смеялись, только студент чувствовал себя уязвленным: хозяин не посчитал нужным представить его графу, он ведь мелкая сошка.

Закуски следовали за закусками, Анисья подавала на стол цветную капусту и к ней сабайон, мастерски приготовленный самим Еленским. Граф сразу угадал это и предложил отметить поварское искусство его, выпив стопку белого вина. Николай Николаевич произнес короткую речь. Это был шуточный упрек женщинам, которые ничего не понимают в хозяйстве: «Бедный Женя превратился в хозяйку, в горничную, кухарку, в кого угодно. Единственным извинением таким женщинам, как Мария Николаевна, служит то, что у них масса талантов и поэтому им не хватает ни времени, ни сил на домашние заботы. Я предлагаю выпить за здоровье Марии Николаевны!» Все потянулись со стаканами к единственной даме за столом. Еленский возмутился:

— Время тостов еще не пришло.

Толстой отметил:

— Женя — страшный педант, и надо ему повиноваться. Он гастроном и большой знаток всех законов и правил древнего и новейшего чревоугодия.

Блюда и вина сменялись одно за другим. Евгений Антонович священнодействовал и чувствовал себя на вершине блаженства. Все хвалили его способности мажордома, его тонкий вкус, и он радушно угощал всех, не забывая и про себя. Студент, сидевший рядом, пользовался его особым расположением, под общий гул голосов они обменивались короткими замечаниями. Еленский расспрашивал о Военно-медицинской Академии, о студенческой жизни, но почти не слушал ответов, потому что всё время озабоченно посматривал вокруг и то и дело отдавал приказания Анисье. Тем не менее, Александр Рафаилович не чувствовал себя одиноким и забытым. Мария Николаевна щебетала, перебирая многочисленных знакомых в Петербурге, и граф удовлетворял ее любопытство, пересказывая столичные сплетни. Базанов, улучив минуту, спросил:

— А кто же покупатель?

Толстой понял не сразу.

— Кто покупает лес у Вашего сиятельства?

— Богатый мельник из Филипповой Горы. Он сплавляет лес, — Базанов воскликнул. — Вот плут! Только что были у него, и он ни слова!

— Скоро этот хитрец будет капиталистом.

Доктор рассказывал о состоянии раненого, у которого развилось воспаление легких: это порождало опасение за его жизнь. Следователь высказал свое мнение о преступнике:

— Я твердо установил, что этот темный мужик действовал без всякого преднамеренного плана. Это было внезапное умопомрачение.

Михаил Рафаилович считал, что преступник в умственном отношении вполне нормален, но что он озлоблен и, может быть, находился под влиянием алкоголя.

Мария Николаевна была недовольна. Приезд Толстого разрушил ее планы. Общее внимание теперь сосредоточивалось на рассказах графа, между тем как ей хотелось испытать силу своих чар на Базанове и на молодом, замкнутом военном инженере. Увидев, что лицо последнего раскраснелось от выпитого, она решила перейти в наступление, подвинула ему тоненькую рюмочку с ликером и подняла свою:

— Выпейте черного кофе. Как говорит Женя, он осаждает. Черный кофе и бенедиктин — монашеский напиток, он нейтрализует все тяжелые чувства. Я боюсь вашей неприязни ко мне и хочу прибегнуть к рецепту Жени.

Инженер послушно отпил из рюмочки:

— Вы напрасно говорите о неприязни. Брат относится к вам с большим уважением, он привязан к вам, и этого достаточно. Я ранее вас совсем не знал, но теперь... — офицер подыскивал слова.

— Теперь я вам нравлюсь всё больше и больше. Правда? — Мария Николаевна вызывающе смотрела на своего соседа.

— Пожалуй, да!

Пробка из бутылки с шампанским выпалила к потолку, и Еленский сам разлил шипящий напиток по бокалам. Толстой поднялся и возгласил здоровье хозяйки и хозяина. Следующий тост был выпит за графа, потом за гостей.

Скоро вечеринка приобрела особое оживление. Виночерпием сделали доктора. Он разливательной ложкой наполнял стаканы

холодным крешоном из большой стеклянной вазы. Все пили с удовольствием, так как в комнате стало жарко. После недолгих упрашиваний хозяйка взялась за гитару, Еленский — за мандолину, и их голоса слились в итальянском дуэте. Трудно было предположить, что здесь не было предварительной подготовки. А может быть, каждому из них случалось петь эту вещь раньше, при иной обстановке. Шумные аплодисменты долго не смолкали. Мария Николаевна спела несколько цыганских романсов. Она хорошо усвоила манеру знаменитых солисток «Яра» и «Стрельны». Еленский бегал с мандолиной, танцевал, подпрыгивал и напевал, как это делают итальянские артисты в ресторанах. Он так развеселил всех, что каждый старался, как мог, принять участие в танцах или пении. У графа оказался хороший голос. Даже инженер подпевал “Foliculi, foliculo!” и подплясывал после каждого куплета итальянской песенки. Прекрасная хозяйка приподняла платье, обнажив стройные ножки, перекинула шлейф через руку и начала канканировать. Зрителей не было — все участвовали в пляске. Разыгрывалась финальная сцена из веселой оперетки. Граф, Николай Николаевич и Еленский, стоя против пляшущей хозяйки, смешно подбрасывали ноги, изгибались и бегали друг за другом мелкими шажками под звуки неумолкающей мандолины. Инженер и доктор не отставали от них, хотя и не выказывали особой ловкости. Студент забыл свою мрачность и вел себя так развязно, что не раз вызывал общий хохот. Базанов оказался замечательным танцором. Он взял в руки первую попавшую книгу, она должна была изображать *chapeu claque* — он подражал завсегдадаям *moulein rougea*, — а Мария Николаевна была неутомима. Евгений Антонович подскакивал, как мячик, и вертелся, как волчок, пока его не увели в кабинет, где было настежь открыто окно. С улицы веял чистый, прохладный ветерок. Горящие звезды смотрели с темного неба, и тишина ночи пронзалась криками, доносившимися из гостиной. Молодая женщина, тяжело дыша, столкнулась в темной прихожей с Базановым. Тот обнял ее за талию и тесно привлек к себе. Его губы запечатлели горячий поцелуй. Возмущенный голос охладил привычного *bon vivanta*:

— Кажется, вы потеряли рассудок и принимаете меня за Наталью Васильевну.

Объятия разомкнулись. Помещик отшатнулся. Он думал до сих пор, что его роман с Малевич никому не известен. Вслед за тем у него мелькнула мысль: «Она ревнует меня. Это благоприятный признак».

Мария Николаевна устремилась в кабинет и почти упала на тахту рядом с Еленским.

— Женечка, спасите меня от нахала!

Евгений Антонович приподнялся:

— Что-о? — прогудел он угрожающе. — Кто-то смеет вас оскорблять? Он будет иметь дело со мной!

Громкий смех Марии Николаевны и Базанова укротил гнев полупьяного рыцаря. Старый ловелас чувствовал себя побежденным.

Он смеялся лишь затем, чтобы не выдать своей досады. Гости разошлись, когда было совсем светло. Около некоторых домов копошились только что проснувшиеся обитатели городка. Собаки потягивались, коровы мычали. У студента кружилась голова, он шел тяжелыми неуверенными шагами, иногда его тянуло в сторону брата, и он толкал его в бок. Доктор шел ровно, лицо его оставалось серьезным, и нельзя было понять, что делается у него в голове. Наконец, Александр Рафаилович, заикаясь, произнес:

— Знаешь, Миша, я сперва был зол на тебя. Все эти люди не нашего порядка. Но, в конце концов, было весело. Понимаешь — глупо, но весело.

Рита ШИЛКИНА

Родилась в 2003 в городе Абакане, с 2021 студентка Литературного Института им. А.М. Горького по направлению «проза» (мастерская Р.Т. Киреева), участница мастерских АСПИР («Мир литературы. Новое поколение», межрегиональные мастерские в Екатеринбурге и Новосибирске) и форума молодых писателей «Липки», полуфиналист премии «Лицей».

118

ВСАДНИКИ⁴

III

«Два дня не писала. Вернее, писала, но стихами! Как там у Платона? Каждый, кого коснется Эрот, становится поэтом... Стихи вышли жесткими, хлесткими, подруга прочитала, сказала, что есть что-то от Хлебникова. Я — Хлебников, а ты — хлеб. Или я — Маяковский, он ведь тоже о любви страшно писал? Я — Маяковский, ты — Лиля.

Так искренно всё, честно, всё — кровь, льется и льется, так, что только и остается, что ловить фразы. Кто кого ловит — ты или тебя? Кто на кого охотится — ты на слова, слова на тебя, я на тебя, ты на меня, я на тебя, ты — на слова, я — на слова, ты — на меня? Кто кого пишет — я или меня? Что я, если напишу: «на улице ко мне пристал пятнистый, зеленоглазый кот», напишу и забуду, пройдет год или четыре, и ко мне в самом деле пристанет кот, притом пятнистый и

⁴ Начало см.: «Нате» №9 2024.

зеленоглазый? Мы предсказываем или мир по нашим предсказаниям строится?

Я так Чайку Чеховскую люблю, совершенно по-особенному, я в ней и Треплев, и Нина, и Тригорин, и Аркадина, словом, все — я! Мне, знаешь, что сказали, когда я о ней рассказывать начала: «Да что вы про творчество знаете? Да рано рассуждать, вы поживите, посмотрите, а потом рассуждайте». Рассуждения — это что, возрастное, что ли? Молчите до тридцати! Молчите, пока не выйдете замуж, пока не женитесь, пока не заведете детей? Напишет восьмилетний ребенок рассказ, и что же — он хуже рассказа какой-нибудь детской писательницы? Это же от души, от сердца! Писательница пишет для детей, а дети — о себе, и что, скажешь, художественности не хватает? Может, восьмилетним она и не нужна, кто их спрашивал?

Но я записываюсь, записываюсь, может, тебе неинтересно, может, тебе интересно было бы о кредитах почитать? Увы, мне о кредитах неинтересно, давай о чем-нибудь общечеловеческом, о том, что все знают и все понимают. Опять все... Откуда я знаю, что ты знаешь? Может, я про море начну, а ты про горы хочешь? Не могу же я себя пересиливать и о горах писать, горы — это твое, а мое — море.

119

Был у меня знакомый, так вот, комиксы любил и меня их читать заставлял, после двух томов о Росомахе разошлись, он меня в них впихивал, а я что? Я из уважения полистаю, но, когда условия «либо так, либо никак» — это, извините, никак. Хотя Росомаха не при чем, как и крошки в кровати, перхоть и сигаретный дым. Это всё его, а когда вы вместе, «его» становится моим, а с сигаретным дымом сложно. Мне сложно, кому-то другому, тому, кто любит, несложно, а мне... Положит голову на колени, отойдет, а я на брюки смотрю, не осталось ли на них чего? Это любовь, что ли?

Раньше меня пугали книги про древних созданий, которые прилетали из космоса и, превращаясь в клоунов, съедали детей, а теперь меня пугают книги про нелюбовь и одиночество. Раньше я повсюду видела этих клоунов, а теперь я повсюду вижу людей, которые смотрят на закаты и вздыхают. Смотреть на закат — это одно, любоваться им — другое, так вот они именно смотрят. Как избавиться от этого страха? Повзрослеть можно за неделю, за день или ночь, а поюнеть как?

Уже не тебе, уже себе пишу. Тебя в это втягивать не хочется, ты во что-то другое втянут. Скоро отправлять курсовую Александру

Андреевичу, а у меня ни страницы. Он так мои доклады слушает, что кажется, не слушает — тотемный преподаватель».

...

Из приоткрытого окна донесся гитарный перебой, музыку, видимо, починили, но ни Щербакову, ни Белому не хотелось возвращаться. Им не хотелось возвращаться в «Каштан», не хотелось расходиться по домам, чего же им хотелось? Они и сами не знали, два некурящих человека, вышедших покурить. В окне показалась улыбка Родионова, а через пару секунд и он сам вышел к одноклассникам с темной бутылкой и желтой маркировкой на ней, чему-то усмехнулся и осипшим голосом спросил:

— А эт че, ребят, сигаретки есть? Я свои, прикиньте, в куртке забыл, а там этих курток на столе навалом!

120

Белый с Щербаковым переглянулись, вытащили руки их карманов, Щербаков завел их за спину, а Белый почесал бровь. Он хотел что-то сказать, но в дверях показалась Сеткина. Она, как и Родионов, несколько изменилась: и без того большие глаза раскрылись еще шире. Некоторое время постояв неподвижно, она вытащила из кармана джинсовой юбки пачку Мальборо с кнопкой. Все вытянули по тонкой сигарете, она достала из другого кармана зажигалку, и, пока искала, из него вывалился автобусный билет и бежевая пуговица. Пуговица покружилась и провалилась в щель между ступенями, Сеткина присела на корточки, чтобы достать ее, но длины пальцев не хватило, пришлось вставать, стряхивать с ладоней землю и поджигать сигареты. Она бы передала им зажигалку, но никто не пошевелился.

— М-да, м-да, — только и произнесла.

Белый держался уверенно, Щербаков отвернулся, чтобы как можно тише прокашляться, Родионов затягивался, представляя, что он — Кертисовский детектив, а Сеткина курила буднично, неохотно. Половина их класса танцевала в клубе, другой половины не было. Они были, но не танцевали.

— Мне что пуговица? Мне ее сыну на куртку, он в четвертом классе, смешной такой, не могу, на тройки учится, машинистом хочет стать. Странная мечта, если так подумать.

— Не, не, нормальная, — покачал головой Родионов. — Я пастухом хотел стать, но ниче, обошлось как-то.

— А я ветеринаром, — кивнул Белый.

Щербаков молчал. Он мечтал быть футболистом, эта мечта пришла к нему в шестилетнем возрасте и не уходила до сих пор. Он смотрел на свои руки и думал, что любит их меньше ног. Руками он лепил вареники, ими же раскатывал тесто и крутил мясо через мясорубку. Он не любил мясо, не ел его, но крутил, морщился, наблюдал как красные жгуты, тошнотворно хлюпая, падают в тарелку. Кто сказал ему идти на повара? Если он мечтал стать футболистом, если ему суждено было им стать, нужно было послушаться врачей, выйти на поле и играть, лишиться ноги, но играть. Это было бы страшной ошибкой, но он бы не мучался чувством вины, не плакал бы, смотря матчи по телевизору. Они всё ему говорили: вот че ты там к экрану прилип, поработал бы, они говорили: че, опять, Димк, нажираться как свинья, — а он ходил в бары не ради алкоголя, друзей или женщин, а потому, что в них висели телевизоры. После игры можно было поговорить, покричать и уронить кого-нибудь со стула, словом, отвести душу.

— А может, пусть становится машинистом, — под нос проговорил Щербаков, а потом поднял глаза и посмотрел на женщину, бывшую некогда девушкой, которую он любил. — Ну станет машинистом, ну и хорошо, может, судьба у него такая.

— Яблоко от яблони, — хихикнул Родионов.

Все промолчали. Большие телячьи глаза Сеткиной блеснули, Щербаков пожевал щеку, Белый молчал. Родионов смолк, припал к бутылке и подумал о родителях, продавщице и бухгалтере, о том, что они прожили вместе тринадцать лет и все эти тринадцать лет не говорили о любви, о платежах, ценах и политике, говорили, что чувства прошли, говорили, но о них самих — никогда. Перед работой мама скользила губами по папиной щеке, на этом всё и заканчивалось. Рассказывая Белому про развод, Родионов не добавил, что жена ушла от него, потому что он оставлял на вытяжке кухонного гарнитура, под потолком, звукозаписывающие флэшки и прослушивал ее разговоры с матерью, братом, психотерапевтом и самой собой. Его ничего не смущало, он хотел правды, а она взяла и ушла, не расспросила его о детских травмах, не спросила, зачем и почему он ее прослушивал, просто-напросто собрала вещи и уехала не то к той самой матери, не то к тому самому брату. Он, чтобы заглушить боль, обвинил ее в измене, решил, что она укатила ни к кому иному как к своему психотерапевту, какому-то там Илье. Мало, что бессердечная, так еще неверная, дрянь!

Они молчали. Она жарила на сковороде овощи, а он прихлебывал приторно-сладкий чай. Она не любила готовить: баклажаны, лук, помидоры, перец, соль. Он не любил сахар: ложка, две, три, долька лимона, вторая чуть толще, обычно он пил кофе, но сегодня — необычно. Сегодня необычайно, она бы сказала, а он бы ответил: прости.

Он не сказал «прости», он сказал: «я хотел правды, ты вечно врешь». Ты вечно врешь, ты мне изменяешь, у тебя было столько мужчин, ты переписываешься с ними до сих пор, ты — шлюха, я должен был это сделать, я люблю тебя, я правда тебя люблю, я хочу, чтобы между нами не было никаких секретов, это — мой способ любить, терапевт говорит, да какая разница, что он говорит, ты не поняла, ты, как обычно, ничего не понимаешь. Лена понимала, Лена всё понимала, но... Подсолнечное масло зашипело, она накрыла сковороду крышкой, масло уже не шипело, оно лопалось, как кукурузные семечки в микроволновке. Если жареные овощи — попкорн, то ее жизнь — кино, жаль, что нельзя просто смотреть, жаль, что нужно обязательно участвовать. Необязательно, конечно, но... Сюжет еще не закрутился, еще не завязался в мертвый узел, пока что узел контрольный, а контрольные узлы развязываются. Какие еще есть? Встречный, пьяный, сонный, самозатягивающийся — Родионов делает затяжку, травяной — сворачивает края бумажной полосы, проводит языком по сгибу, бабий.

122

Он наливает себе еще чая, насыпает в него еще три ложки, ложки, кто олень и носит рожки? Ты ничего не сделала, но ты думала, а мысли — это почти поступки, мысли — это уже поступки, я о тебе забочусь, как ты дожила-то до тридцати, не веди себя как ребенок, ветка — это ветка, роза — это роза, школа — это школа, я прав, ты нет, я вижу, ты слепа, только ты не Бах, Леночка, успокойся.

Масло перестало лопаться, кино продолжалось. Продолжение следует, преследует... Следствие вели, причинно-следственные связи — как ты мог это сделать? Какая такая правда дает право прослушивать другого человека, не другого, а родного, того, с которым живешь? Что ты хотел услышать: я не люблю его, я хочу развода? Ты услышал: я не люблю тебя и хочу развода или... Или не хочу — как же я буду жить одна, жизнь в одиночестве страшнее жизни с тем, кто тебя прослушивает. Господи, господи, да неужто? Да я в долги залезу, уволюсь, скрипку больше в руки не возьму, это каким же надо быть человеком, чтобы не то, чтобы нарушать, а чтобы забывать, что есть личное пространство? Как ты мог, как ты мог, за что и что тебя сподвигло, но самое-то, самое главное — почему я

думаю, что в этом нет ничего такого? Шлюха, переписываюсь с другими мужчинами... Да я ведь спасения в этом ищу, ты же меня изводишь! Ты же эту правду ищешь, а я любви хочу! С каких пор мы любим ради того, чтобы друг друга контролировать? С древних, с незапамятных, на каждого собственника — вещь, на каждую жертву — агрессор, лучше в самом деле Бахом быть.

— Помнишь луну, воск? Тогда всё казалось таким настоящим, таким искренним. Мы тогда не про Баха, а про Бетховена разговаривали...

Родионов молчал. Он не знал, что ей ответить, не мог подобрать слов для той, которой жаловался на свою бухгалтершу-мать, той, которой говорил: «да я бы был с тобой, даже если бы у тебя было трое детей от другого брака». Говорил он, говорил... Птица-говорун, человек-язык, доченька, давай не про человеков-пауков, а про человеков-языков почитаем?

— Я еще думала: вот, будет у нас с тобой сын, будущий Моцарт! Только с другой судьбой, конечно.

У тебя не было детей, не было детей и хорошо, что не было. Хорошо, что не было, чему бы они у тебя научились — на валторне играть? Валторнист ты хороший, валторнистом и оставайся, твоя правда — в музыке, моя — в людях, я тоже музыку люблю, но кроме скрипичных и басовых ключей еще столько всего! Что же я буду — одной музыке предаваться? Предатель. Если в жизни всё так, как у нас с тобой, то лучше в музыку. Только я верю, верю, что всё не так и бывает по-другому.

Она вытирала пыль и разговаривала с братом по телефону, рассказывала ему про цветотипы, шутила, мол, от Вивальди пошли эти весны, лета, осени и зимы. Интересно, какой цветотип был у Анны Жиро? Наверное, все сразу, в его глазах — не наверное, в глазах возлюбленных возлюбленные — и весна, и лето, и осень, и зима, и Вивальди, и Жиро. Она повздыхала над тем, как прекрасна была любовь в восемнадцатом веке, тут же посмеялась, что сам восемнадцатый век не был столь прекрасен, да и всё от случая к случаю, и тогда-то она и отыскалась. Темная флэшка на вытяжке кухонного гарнитура, ее можно забыть в сумке или в рюкзаке, на столе или в компьютере, но не на кухонном гарнитуре, на кухонном гарнитуре забывают пыль. Кто вытирает пыль с холодильников, кто ставит стулья и забирается на них только для того, чтобы стереть пыль с верхних полок? Люди, которые не могут жить в грязи — их так воспитывали или уборки для них — искупление, мол, я чуть не

довел(а) свою женщину, своего мужчину до самоубийства, зато! в комнате чисто, вещи разложены по цветам, носки с носками, трусы с трусами, рубашки выглажены, не появлюсь на людях в мятой толстовке, потому что в мятых толстовках ходят одни бомжи и... И те, кому неважно — мятая толстовка или выглаженная. Я ставлю на них крест, я на всех кресты ставлю, так ведь удобнее, так ведь проще. Сортировать носки по цветам — просто, быть с тем, кто их не сортирует, — нет, ставить на кресты — просто, не ставить — нет. Мир работает вот так, потому что так понятно, мир не работает вот так, потому что «вот так» — непонятно. Мир работает, понятно или нет, его или любишь, или ненавидишь, я — ненавижу, ты — любишь, за что, почему? Наверное, это я и выслушивал, когда прослушивал, наверное, я тоже искал любовь. Не ко мне, ко мне-то ладно, меня можно и не любить, а к жизни, она же бьет нас всех, она же тебя бьет, за что и почему ты ее любишь? Люди голодают, войны идут, кругом смерть, кругом ложь, лицемерие, изнасилования, убийства, грабежи, зарытые таланты, глупость, по-че-му ты продолжаешь любить? Неужели тебя гнобили в школе, неужели у тебя никто не умирал, неужели ты никогда не влюблялась в придурков, неужели не оставалась без крыши над головой и без рубля в кармане, неужели тебя не били родители?

Всё это было, не всё, но было, ну и что?

Он встал из-за стола, не помыл за собой кружку, хотя обычно (сегодня — не обычно, сегодня необычайно) мыл, не мог не мыть — передергивало, и вышел из кухни. Дверь звякнула. Она дожарила овощи, взяла вилку и прямо так, не переключивая баклажаны, лук и помидоры на тарелку, стала есть. Мама запрещала царапать сковороду вилкой, но она больше с ней не живет — можно царапать, сковороды тоже больше не будет — это его сковорода, он покупал, а они разъезжаются, значит, заберет. Если не заберет, сама отдаст: все эти «посмотри-какой-я-молодец» ей не нужны. Молодец, молодец, возьми с полки леденец. Она шумно выдохнула. Может, всё-таки в музыку? В музыку, как в монастырь, скрипачка-монашенка.

Могла ли она его понять? Она понимала. Могла ли простить? Не прощала. Страшно боялась будущего, страшно боялась того, что его не будет, но простить всё равно не могла, не по природе было. Против многого можно пойти, но не против природы, там ломайся-выворачивайся, а она всё равно выигрывает. Одиночки к людям идут, но всё равно остаются одиночками, рубятся в настолки, смеются, а в душе: «один среди вас, но родной, но чужой», прислуга рвется в верха, а дашь им власть, они не знают, что с ней делать,

верха сдерживаются, сдерживаются, а потом устают и начинают всех затыкать. Родионов был из верхов, ему бы не валторне играть, дирижировать, и он дирижировал — своей женой. Она была из горделивых, инструменталист — существо тонкой душевной организации, но существо несвободное, загнанное в рамки и расписания. Лена знала, что связана по рукам и ногам, но ей хотелось этого, внутри она была свободна. Внутреннюю свободу притупил оркестр, возможно поэтому она и терпела выходки мужа, а возможно, потому что любила его, сложного, истерзанного. Гордость же оркестр не притуплял, выращивал. Выращивал, выращивал, раст-ращ, овощ, лучше бы Родионов был овощем, а не недоверчивым и мелочным мальчишкой.

Его недоверчивость породили родители. Он мог бы ее победить, но не победил, не получилось, не фортануло — так объяснял свою закрытость. Чем закрытость объяснялась на самом деле, Родионов не знал, может быть, его доверие подорвал их пес Полкан. У шестилетнего мальчика есть друг, они играют в мячик, мальчик прячется, друг ищет, мальчик чешет собаку за ухом, собака довольно высовывает язык, какие клыки, большие, острые, хорошо, что Полкан — добрая собака, Полкан... Полкан — добрая собака, Полкан... Прошло столько лет, Родионов не помнит деталей, но помнит, как в тазик капала кровь, как из дома выбежал папа, закричал, как что-то громынуло, и Полкан упал. Больше у мальчика друга не было, больше у мальчика не было друзей. Если этот соврал, значит, все они врут. Если зла пожелала собака, чего ожидать от людей?

Елена знала об этой истории, конечно, знала, но могла ли она ей всё оправдать? Не могла, поэтому доела овощи, оставила сковородку на столе, день-немытой-посуды, и вышла из кухни. Вещи переехали из шкафов в сумки, Елена переехала из своего дома в дом родительский. Ее снова ожидала жизнь, снова новая.

...

«Сегодня посмотрела “Метрополис” Ланга. Господи — это 30-е годы, а кажется, будто снято в 80-х, не хуже “Новой надежды”, умеют же люди придумывать! Я бы так не смогла, наверное, есть бесконечная фантазия, а есть конечная, у меня она конечная, ограниченная. В детстве я мечтала снимать фэнтезийные фильмы, сюжеты придумывала, миры, а теперь вот ничего не придумываю. Мне и писать-то особо не о чем, письма — максимум, что могу из себя выжать, а хотелось бы, может, рассказов, повестей, романов! Я, наверное, бесплодна, я, наверное, из тех, кто оценивает, а не создает.

Думаешь, я не бралась писать? Бралась, конечно, но только ничего не выходит, всё какое-то плоское, какое-то несерьезное, а хочется, чтобы выпукло и серьезно, чтобы не просто написал, а хорошо написал, точно. Может, мой удел — это научные работы? Научные работы писать проще, чем творческие. Не говорю, что всем, но мне — проще, ничего не надо выдавать, тема есть, темы придерживаешься, и ничего, получается. Есть великие реалисты, их, по негласным правилам, престижнее читать, а я всё же фантастами восхищаюсь: откуда в голове берется то, чего нет? Откуда образы эти — из бессознательного? Я тоже могу написать «заезрзжий жмых», образ даже его нарисовать, но это одно — придумывание наугад, а у Толкиена того же как всё связано, до мелочей описано-расписано! Могу прикрепить отрывок из моей незаконченной трилогии про лес, почитай: “Крестецкие Земли не отличались плодородной почвой, поэтому сельским хозяйством здесь мало кто занимался. Основным делом считалась добыча горных руд, полезных ископаемых и драгоценных камней. Народ города-замка не был многочисленным, зато жил на широкую ногу. Зависть брала даже при виде интерьера простого рабочего-шахтера — комнаты украшались камнями с Молочных Гор. В гостиных блестели опалы, в кухнях и обеденных переливался горный хрусталь — минерал, символизирующий чистоту. Ходили поверья, будто он защищал пищу от ядов и придавал ей божественный вкус. В спальнях пестрили фенакиты, в кладовых — хризопразы, на чердаках хранили воробьевит. Роскошью не брезговали даже в уборных, вешали туда изделия из алмазов. На язык напрашивалась метафора: «прекрасное среди дерьма». Про метафору — кошмар, конечно, но всё остальное неплохо, неплохо для тринадцати лет. Или вот, например, из повести про волка: “Гамлет чувствовал себя самым одиноким существом на планете. Еще вчера, в буквальном смысле — вчера! он нежился на мягкой подстилке на крыльце дома. Теплые Руки брэнчала на гитаре и мелодично притопывала ногой. Он подхватывал и завывал, а она смеялась. Тогда не было ни соломы, ни туч, ни ветра. Звезды сверкали ярко, на полянке резвились светлячки. Вчера было счастье, сегодня — печаль. Жизнь непостоянна. Теплыми Руками Гамлет называл хозяйку. Настоящее имя он знал, но признавать отказывался — по признаку запоминалось легче. Помимо наличия теплых рук, она пахла сиренью, носила во рту железяки и когда ну уж совсем несдержанно хохотала, хрюкала. Смотрела иногда голубыми глазами, иногда серыми. Рыжие непослушные волосы собирала или в хвост, или в пучок. Гамлета она подобрала на одной из прогулок по лесу с Громким Голосом, ее отцом”. Про непостоянную жизнь и счастье-печаль смешно, конечно, неумело, но тогда я хотя бы что-то писала, а сейчас...

Откуда берутся идеи? Как отличить хорошую идею от плохой, где эта грань — в чем-то, что чувствуешь? Так один ведь чувствует одно, а другой — другое. И всё же жаль, что я не в литературе, литература — царица искусств, я готова поспорить об этом с Да Винчи. О, братья мои, разбейте, разбейте старые скрижали! Между живописцем и поэтом, пишет он, такая же разница, как между телами, разделенными на части, и телами цельными, ибо поэт показывает тебе тело часть за частью в различное время, а живописец — целиком в одно время. Однако разве может живописец изобразить жизнь внутреннюю, можно сказать, может, но дойдет ли до смотрящего именно то, что изображалось? Где уверенность, что тоска воспримется именно как тоска, а не как влюбленность? Уверенности нет! Я долго могу спорить, но всё же оставим Да Винчи и перейдем к чему-то более насущному: вчера читала рассказы одиннадцатилетних и тринадцатилетних детей и удивлялась их мудрости. Есть чему поучиться. Девочка пишет о смерти собаки, а я думаю: что же может быть честнее? Когда передо мной оголяются, как могу я судить — душу судить буду, что ли? Я не критик, я — ценитель.

Так у нее в тексте черным по белому написано: если любишь — отпусти. Отпускать сложно, особенно если любишь. Если любишь, хочется, чтобы тебя любили в ответ, чтобы только ты, только тебе и о тебе. Я перечитала свои прошлые письма, про победы, про соревнования... Они не про любовь, а про себялюбие. Мне хотелось выигрывать, не чтобы доказать что-то им, а чтобы доказать это что-то себе: ты справишься, жизнь продолжается, смерти до смерти нет, люди продолжают жить после войны и смерти родственников, с разбитым сердцем, без дома, ног и рук, они со всем справляются, и ты справишься. Сначала подумала: “не мне говорить о боли”, а потом передумала: и мне можно, всем можно, моя боль, она не такая как боль другого, но тоже боль.

Про победы — это всё, чтобы не отчаиваться делается, пробиваюсь и лезу тоже для этого. Так вот — я тебя отпускаю, другие люди — это самое обидное! — не карьера, чтобы их строить, не ты сам, чтобы что-то понимать и делать выбор, другие люди — это другие-люди. Вот это я Америку открыла! Открыла, да, еще раз открыла, потому что одно и то же открываешь по десять раз. Колумб был первым, и я — первая, единственное, мы по-разному первые. Всё приказывала своему сердцу, всё бросала его в других: люби этого, не люби того, чувствуй, не чувствуй... Сердце мне приказывает, а не я ему. Остается только любить, а любовь, если повезет или не повезет, сама выветрится.

Последнее, чего тебе желаю — это зла. Зла я тебе не могу желать, пожелать зла тебе — это как пожелать его себе. Если я что-то говорю, пишу что-то не то — это потому, что сама до конца всего не понимаю, мне в один момент всё одним кажется, в другой — другим, я только уверена, что это — настоящее. Не то, что между нами, а то, что во мне. Я не могу тебя судить, осуждать тем более, я не хочу думать, я хочу любить. Всё же любовь, она разная, может, до этого с другими тоже она была, просто другая, но сейчас настоящая эта, потому что это сейчас.

Писать я тебе больше не хочу, пока что не хочу, через пару дней, может быть, захочу — тогда и напишу, пара дней — это пара жизней, за них всё поменяться может».

...

Щербаков не верил в судьбу, но судьба в него верила. Он погружался в себя, погружал в себя мир, и кто от кого пачкался — Щербаков от мира или мир от него? Пачка сигарет в кармане, день лежа на диване, судьба спрашивала его: «за этим ли ты пришел, Дима?» Дима слонялся туда-сюда, но судьба продолжала верить, спрашивать: «за этим ли ты пришел, Дима?» Один и тот же вопрос, Дима рос, но оставался прежним.

— Я просто пришел, просто! — кричал Дима.

— Да, это — то, зачем я пришел! — кричал Дима.

— Или нет? — спрашивал Дима.

Они все спрашивали себя об этом, все и постоянно. Дима спрашивал, но только спрашивал, он не знал, что за ответами стоит идти, за ответы стоит бороться, он не знал, что вопрос — это уже половина ответа, стоит его только правильно задать. Правил игры заданы, играть-не играть, выбирать-не выбирать, сколько они всего оставили! Дома и родителей, блудные сыны и блудницы, как легко заблудиться, оставили возлюбленных и мечты, оставили себя, но оставить не предать, оставить — это остаться верным. Предательственно преданные себе, предай и останься преданным. «Дима, ты предан?» — спрашивала судьба, Дима отвечал: «Да, меня предали». «Дима, ты предан?» — спрашивала судьба, потому что Дима не понимал вопроса. Судьба — ходьба, пойдя, послушай, посмотри, Дима, Дима, почему ты опять дома, Дима? Дома Дима был потому, что так спокойнее. Дом без друзей, неродные родные, родные — народные. Народные артисты, футболисты, вот кто родной, Дима! Дима не слышал, потому что не слушал, если бы слушал, мог бы все

понять. Всё то, что поддавалось пониманию, понимание — сознание, расширяется одно, расширяется другое, и так до перевернутой восьмерки, перевернутые восьмерки — не шестерки. Шестерки — это перевернутые девятки, перевернутые восьмерки — это перевернутые восьмерки, символ однозначный.

Одозначные, двузначные, трехзначные, Белый тебе говорил о том, что подлинная жизнь раскрывается не через науку, а через творчество, которое «недоступно анализу, интегрально и всемогущественно». Не твой Белый, другой Белый, и тот, и этот — Белье, а значит, все твои, твой, мой, свой, чужой — кто кому кем приходился? Кто без кого обходился? Обходительность — это корректность, Дима, ты конкретно некорректный человек, корректные люди не говорят в лоб, «какой лоб!» — говорил отец, глядя на своего повзрослевшего сына. Его сын и впрямь повзрослел, созрел, вызрел, возмужал, почти что мужчина, хотя, почему почти что? Возраст — цифра, мужчина — состояние духа, «будь разумен, укрепляй свой дух в борьбе, лишь бездарный покоряется судьбе» — писал или говорил, кто ж уж упомнит, Абай Кунанбаев. «Дима неужели, неужели ты бездарен?» — спрашивала судьба и всё бросала сыну своему, все они — сыновья судьбы или сыновья, дочери кого-то другого, новые и новые испытания. Дима не понимал, что судьба дает ему шанс все исправить, или понимал, но не готов был их проходить, готов был говорить: «как не повезло, как жаль, печаль», не готов был говорить: «ударь еще, ударь, ударь», без «тварь», а ведь те, кто не получают ударов, не получают даров. Хочешь дар — будь готов, хочешь дар — держи удар, несправедливо! Справедливо, жизнь — самая что ни на есть справедливая вещь, хотя и не вещь, говорит увещевателю — вещай, значит, должен вещать, говорит продавщице в магазине одежды — вешай это сиреневое пальто рядом с зеленой кофточкой, значит вешай, но сперва пойми, что жизнь этого хочет, а не твои покупатели. «Дурак!» — кричал Дима Белому, кидая в него карандаш с обгрызенным ластиком, голова-ластик, ластик обгрызен, Белый — голова, тогда еще, в четвертом классе, не столь начитанная, не столь просчитанная, но уже голова, кричал: «Сам дурак!» Все дураки, у всех все дурное, Сеткина плакала: «Дура, дура», Дима кричал: «Дурак!», Белый кричал: «Сам дурак!», Родионов ничего не кричал и считал себя умным человеком. Дураки — самые умные люди, самые умные люди — дураки, кто ничего не знает, тот знает всё, кто всё знает, ничего не знает, так ли это? Я не знаю, я — не знающий, а рассуждающий, рассуждающая, так ли важно окончание, так ли важен пол — кто я?

Дима, что ты так печален? Жизнь печальна? Ты печален, Дима, ты. Вспомни Репина, что он говорил и писал, кто уж упомнит: «Сначала художник рисует просто и плохо, потом сложно и плохо, потом сложно и хорошо, и только потом просто и хорошо». Это сложно, Дима, сложно, когда просто и хорошо, да и ты не художник, или всё же художник, каждый человек — художник, рисует свою жизнь, и ты, Дима, человек из Петушков, от Петушков до Подольска сто пятьдесят шесть километров, художник. Почему же ты сник, художник? Так судьба разговаривала с Димой, судьба-стрельба, сама выбирает, в кого и чем стрелять, кого чем наделять, обделять, все подстреленные, простреленные, но не обделенные, чем-то награжденные, кто и чем, кто и кем? Как много вопросов, как мало ответов, вопрос — это половина ответа, половинчатые ответы, Да Винчи их тоже искал, все ищут, не все находят, а те, кто находит, не может принять, понять. Принять значит понять или понять значит принять? Принятие — приспособление — выявление — выделение, Дима не хотел выделяться из толпы, не хотел ей поддаваться, хотел опираться исключительно на самого себя. Опора на себя — прочная основа, идеологическая, логическая, космическая, положишься на себя и откройся космосу, откройся космосу и съешь тирамису, как великие идеи сосуществуют с тирамису, как тирамису сосуществует с великими идеями? Сложно, возможно, всё сложно и возможно, всё невозможно сложно, но если вспомнить Репина... Тирамису побеждает, тирамису есть, великие идеи тоже есть, но их нельзя съесть, а значит, тирамису побеждает, одерживает верх, победу, выдерживает возможную сложность и сложную невозможность, возможность... Возможно, Дима стал бы не величайшим, но выдающимся футболистом, футболисты — те еще артисты, не обижайтесь, футболисты, на правду не обижаются, не все артисты — футболисты, но все футболисты — артисты, хотя бывают и исключения, помимо исключений — отклонения, Дима не стал футболистом потому что не был артистом? Наверное, быть может, быть не может, что он им не стал. Если не стал, значит, может быть, станет, может быть, день настанет, может быть, лет в шестьдесят или восемьдесят, он встанет с кровати и восстанет, побежит. Дима побежит, и время вместе с ним, время-стремя, время-бремя, время бежит, летит, Дима не бежит, Дима сидит за прилавком и нарезает помидоры полукружками, они сидели за одной партой и наклеивали на картон кругляшки из цветной бумаги, желтый кругляшек из цветной бумаги — солнце, и Белый — солнце, светило, просветление. То было с другими людьми и в другое время, то было другое сидение, время-стремя, помидоры — не огурцы, сколько связей, сколько нитей и переплетений, так много, что однажды можно прийти к выводу, что

помидор — это огурец. В конце-то концов, не конец, сколько у конца концов, конец бесконечен, бесконечность бесконечна, все такое бесконечное и конечное, что лучше уж о вечном — о помидорах. Дима нарезал помидор полукружками, полукружки — полудружки и полуподружки, вроде как дружки, вроде как подружки, но на половину, не полностью, не со всей полнотой они дружили, не со всей полнотой любили, кто кого любил, кто с кем дружил? Как кто кого любил — полностью или наполовину? От помидоров до любви — рукой подать! От помидоров до вечности, до беспечности, беспечность — к Сеткиной, Диму занимала утраченная мечта. Дима был мертвым мечтателем, он собственноручно убил свою мечту, отказался от нее, предал. Жизнь Диму не предавала, но он, он совершил страшное, непростительное, отвратительное, выворачивающее наизнанку, убийственное и непоправимое — предал свою мечту. В нем что-то оборвалось после этого, в нем оборвалась жизнь, он перешел из живущих в существующие, умер и не мог воскреснуть, потому что его мечта была в нем самым главным, основополагающим, первостепенным и первозданным, первым и заданным, как он мог, как он смел ее предавать? Он был чист перед другими, перед собой, перед Богом и судьбой, но перед мечтой, перед мечтой он был... Он не был, он ее убил, а она, мечта, в ответ убила всё остальное — других, его, Бога, судьбу. Бога с судьбой, конечно, нет, Бог с судьбой по-прежнему в него верили, они верили, что он ее может встать на путь истинный, еще может вернуться к своей мечте, к своей беде, но он не мог, не мог поверить, что может. Мечта сперва кричала и умоляла, чтобы ее оставили в живых, она плакала, завывала, выла, требовала, трепыхалась, сжималась, съезживалась, а потом стихла и начала растворяться. Желания тухнут, желания-спички, мечты растворяются долго и мучительно, мучительно долго, они разъедают, пожирают, пожинай плоды убитых мечт, мечты-мечи, замечено — намечено, раз намечено, воплощай, не прощай, не плошай. Мечты о мяче отфутболили Диму, Дима пропустил гол, его выиграли всухую, вголую. В голубом небе голубел закат — Белый любовался, любовался им и своей любовью, Дима не мог любоваться мячами, они были его палачами, мяч-палач, у кого-то палачи — мячи, у кого-то — кулисы, скольких актеров они задушили, палачи-ракеты, рак, недолетевшие до космоса космонавты, откройся космосу и съешь тирамису, палачи-самолеты, сначала «снимай трусы, иди в полет», а потом молчание пилотов, стремительное снижение и отчаяние. Отчаяние или смирение приходит в последние минуты?

Дима стал поваром, хорошо, что не вором, и Дима-футболист подбадривал его перед сном, он шептал: «вдох, выдох, ом-м-м». Не буквально, Дима мало что знал о медитациях, о народной медицине

знал — спасибо бабушке, шептавшей на ушко: «лимон и имбирь, мед и кипяток», Дима выпивал смесь из имбиря, лимона, меда и кипятка и выбегал из дома, в зазоре мелькала пятка. Пока Дима выбегал из дома, чтобы погонять мяч, Димино погоняло — Щерба, Белый искал себя на картинах выдающихся художников. Он смотрел на Врублевского Демона, всматривался в его затягивающие глаза, потом отрывался от них и приклеивался к себе.

— Я — Демон Сидящий, — говорил себе Белый и присаживался на пол, — я — Демон Летящий, — говорил себе Белый и ложился, разглядывая свое отражение.

На голени налипали крошки, Демон Сидящий считал себя недостойным мытья полов, Демон Летящий оставлял Врубеля и выбегал из дома, чтобы погонять мяч, погоняло Саши — Демон, не Димон, попрошу, не Димон, Демон — это Врубель, Димон — это его одноклассник, как можно путать Демона с Димоном? Вы еще спутайте Артамонова с Артемоном, давайте, спутайте, Горький — это Толстой, а Толстой — это Горький! Впереди Белого ждала Москва и разочарование, он надеялся, что в Москве люди не спутают Артамонова с Артемоном, но увы... Очарование-разочарование, в своем невежестве они были правы. Крошечные были его глаза, когда он по прошествии лет читал эссе и находил в них Алексеев Платоновых и Андреев Толстых, хорошо хоть, что Андреев Леонидовых не было. Белый не был плохим человеком, не был лицемером, хотя умел держать лицо и измерять расстояние линейкой, преподаватели литературы — те же люди, но его раздражала, не вымораживала, а распалая необразованность. В определенном настроении, в определенные дни он раздавал оценки направо и налево. Налево, налево, налево...

132

Родионов перестал есть, перестал спать, опять они к нему приходили, подходили и говорили: «Влад, Влад, нашел свой клад, а мы взяли и забрали, твари-твари, твари-твари». Твари, твари, каждой твари по паре, они забрали его первую тварь, значит, она была не его, его тварью была Лена, но он измучил ее, извел, отвел, отвадил ее от себя. Сам приманил и сам отвадил, приманка для несчастья, отвод от счастья, что такое счастье? «Щас я тя... — кричал его отец, кричал так, что на лбу надувались вены, а глаза были готовы выкатиться от орбит, крик по А-6 — «неблагодарная дрянь» — промах! Крик по Е4 — «сукин сын» — ранен, крик по Е5 — «ничтожество!» — ранен, крик по Е6 — «мало били тебя!» — ранен, удар металлической бляхой по плечу — убит, удар металлической бляхой по локтю — убит, удар металлической бляхой... Хватит, убит и так, и так и смяк, лбом о

косяк, попал впросак — зассал, что это на твоих штанишках, сынишка? Родионов плакал по ночам, а по утрам изводил свою жену и чувствовал вину. Его отец чувствовал вину, были ли у него чувства? Каков отец, таков и сын, от осинки не родятся апельсинки, встань и иди, сын мой, встань и иди, да пропади оно всё пропадом. Что было потом? Сначала морской бой, а потом разговоры о том о сем — ни о чем и обо всём. Ход конем, Троянский Конь и Елена, надо же, какое совпадение: сказал пару-тройку слов невпопад и ад. Рай на земле, ад на земле, сколько тебе? Он спрашивал ее:

— Сколько тебе?

— А сколько дашь? — спрашивала она его.

Всё заканчивалось вопросом: «Дашь?» Ее звали Даша, сестру — Наташа, Даша хотела казаться кем-то не от мира сего, ни вашим, ни нашим, но казаться не значит быть. Казаться-касаться, поначалу она боялась к нему прикоснуться, а потом ничего, прикоснулась, отлегло. Помогло? Что могло случиться, чего случиться не могло — вместе так промозгло, вместе так тепло. С Родионовым было промозгло, но Даша хотела казаться кем-то не от мира сего, поэтому и выбрала его. Наивная девочка, ненаивный мужчина — понятно, что, кого и к чему побудило. Так ли понятно, так ли всё было? История повторяется, история начинается: Гумберт-Гумберт... Влюбляясь, мы превращаемся в детей, превратись в ребенка и прозрей, подуш на ушиб, покрасней, что может быть прекрасней, что может быть ужасней любви? Жизнь разъединяет, любовь объединяет, любящий человек готов бросаться на шею (объятия — панацеи), молчать о своей любви, кричать о своей любви, дышать, задыхаться, отпускать и сражаться, любящий человек — не человек, он — век, он — вечность, беспечность, беспечность плюс вечность — бесконечность, любящий человек — конечность без конечностей, у любящего человека ничего не кончено, но всё начато, всё — начало, всё ново, всё известно, всё — из вестей, вести с полей, поле говорит любящему: «люби!», и он любит, только как себя вести? Веди себя как хочешь, веди себя, веди меня, нет больше меня, есть что-то больше, что-то значительней, чем «ты» и «я». Что такое семья? Семь я, два я, один я — всё и все семья, друзья, груз — не я. Влад не любил Дашу, Даша не любила Влада, Лена не любила Влада, кто мог его полюбить, оценить, простить, а не только прельстить и польстить? Лесть не делает честь, лести не счесть, чести — счесть, каждый поступок зачесть, но не каждый поступок — честь, можно ли что-то вычесть? Очистить, очиститься, очистки былого, ростки благого...

— Бла-бла-бла, — сыновья не слушали наставлений Сеткиной, она была для них мелкой рыбешкой, стучала по столу поварешкой, а что-то дельное, что-то цельное она советовала?

— Ну да, ну да... — сыновья не слушали наставлений Сеткиной, она была для них оградой, преградой, мешающей уплыть в океан, для чего он был им дан — океан? Им был дан океан, а она, окаянная, не океанная, мешала, помехи создавала, почему? Потому что не понимала, такую только понять и простить, принять и любить. Один из ее сыновей, младший, любил солнце. Он смотрел на солнечные лучи своими лучистыми глазами, солнце смотрело на него и думало: «лучик», он грел солнце, солнце грело его — они любили друг друга. Есть мальчики, которые гуляют с девочками — Саша, с мячиками — Дима, есть мальчики, которые гуляют сами по себе, мальчики-коты — Влад, а он, Сеткин сын, был мальчиком с солнцем. Солнце светило, и на него что-то нисходило: мир становился ярче, цвета — насыщеннее, он от этих цветов млеял, люди от жары становились пресыщеннее, а он — млеял, они называли это «океаническим чувством», а он — солнечным светом. В эти моменты он чувствовал себя кем-то большим, кем-то важным, отважным, он чувствовал себя не кем-то, а всем — муравьем, журавлем, речкой, кочкой, бабочкой — разом всем и сразу, в него будто вселялся высший разум. Он, неразумное десятилетнее существо, думал о чем-то выходящим за пространственно-временные рамки: «вот бы не потерять, когда вырасту». Потеря любимой игрушки — это одно, потеря целого мира — другое, это — потеря целостности, цельности, дара исцеления. Был ли у него дар исцеления? Он понятия не имел, но, когда в этом созерцании с озерцами, увидел, как девочка наступила на жука и закричал «нет!», жука не раздавило. Он посмеялся, посмеялось солнце. Это было или этого не было? Что было, то прошло, солнце зашло, и Сеткин сын превратился в себя прежнего.

Родионов потушил сигарету и поднялся.

— Так, ну че стоим? Давайте, спускаемся, — он махнул рукой, и поначалу никто не двинулся, но после, по одному, они спустились со ступеней. Родионов опустился на колени, пригнулся и протянул руку в щель между досками. Закусил губу, втянул носом воздух и выдохнул, лицо посветлело, посветлело настолько, насколько это было возможным для лица, к которому прилила кровь, не красному даже, а бордовому. В пальцах Родионов держал пуговицу. Через пару часов ей предстояло быть пришитой к ветровке младшего брата мальчика с велосипедом.

Через пару часов первому, пятому и одиннадцатому «А» предстояло вспоминать истории о перекидывании мокрой тряпки на переменах, о черных полосах на паркете и меловой пыли на кончиках волос и жилетках, через пару часов Щербаков должен был забить гол Белому, а Белый — позвонить Вере, через пару часов Родионову предстояло засмотреться на рассвет и понять, что он может любить не только валторну, а Сеткиной — поцеловать своих сыновей и почувствовать, что один из них пахнет медом, а другой — орехами, через пару часов...

(Продолжение следует)

Иллюстрация: Анна Боронина

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://natelit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

